ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Кости волхвов

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Кости волхвов

«Эксмо»

Роллинс Д.

Кости волхвов / Д. Роллинс — «Эксмо», — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-14630-7

В Кельнском соборе во время праздничной службы происходит массовое убийство: все прихожане погибают мучительной смертью. Преступники, облаченные в монашеские рясы, похищают бесценную реликвию, хранившуюся в соборе с XII века, – кости библейских волхвов. Из Вашингтона для расследования преступления послана группа спецагентов секретной организации «Сигма» во главе с Греем Пирсом. Совместно с учеными Ватикана группе удается установить, что в убийстве и похищении замешан Имперский орден дракона – тайное братство алхимиков, корни которого уходят в глубь веков.

ISBN 978-5-699-14630-7

© Роллинс Д.
© Эксмо

Содержание

Пролог 7
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ 16
1 16
2 32
3 49
4 61
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Джеймс Роллинс
Кости волхвов

Александру и Александре Пусть ваши жизни сияют ярче звезд

Правдоподобие любого вымысла состоит в отображении представленных фактов. И поэтому, хотя правда иногда может выглядеть более неправдоподобной, нежели вымысел, вымысел всегда должен основываться на правде. Вот почему все произведения искусства, реликвии, катакомбы и сокровища, появляющиеся на страницах этой книги, совершенно реальны. Исторические события, описанные здесь, происходили на самом деле. Научная основа этого романа базируется на современных открытиях и исследованиях.

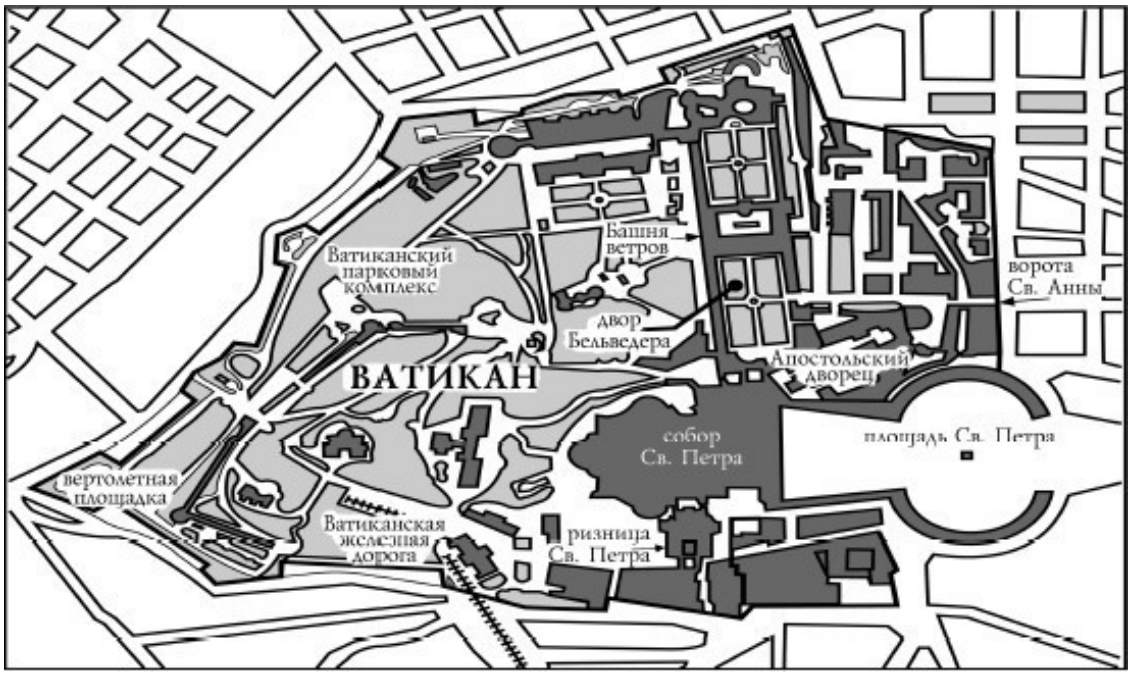
Святые мощи были переданы Райналъду фон Дасселю, архиепископу Кёльна в 1159–1167 гг., после взятия Милана императором Фридрихом Барбароссой. Столь драгоценное сокровище было пожаловано архиепископу в благодарность за бесценную помощь, оказанную им императору в тот период, когда этот клирик исполнял обязанности канцлера. Далеко не всем понравилось, что святые мощи покидают Италию… не обошлось без отчаянного сопротивления.

L'histoire de la Sainte Empire Romaine (История Священной Римской империи), 1845 г.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

ВАТИКАН

Башня ветров
Ватиканский парковый комплекс
ворота Св. Анны
двор Бельведера
ВАТИКАН
Апостольский дворец
собор Св. Петра
площадь Св. Петра
вертолетная площадка
Ватиканская железная дорога
ризница Св. Петра

Пролог

Март 1162 года

Люди архиепископа вырвались на простор тенистой долины, расстилавшейся внизу. Позади них наверху, на заснеженном горном перевале, ржали израненные стрелами, истерзанные удилами кони, кричали, рычали, изрыгали проклятия воины, звенели скрещивающиеся мечи, и звон этот напоминал серебристые звуки церковных колоколов. Но там вершился вовсе не Божий промысел.

Арьергард обязан продержаться!

Монах Йоахим натянул поводья, поскольку задние ноги его лошади опасно скользили по крутому склону. Тяжело нагруженная повозка уже достигла середины долины и пока находилась в безопасности. Однако от подлинного спасения их отделяло еще не менее лиги.

Если только им удастся преодолеть ее…

Вцепившись изо всех сил в поводья, брат Йоахим поторапливал лошадь, понукая ее быстрее спускаться в долину. После того как, расплескивая копытами ледяную воду, животное преодолело неширокий ручей, монах позволил себе оглянуться.

Хотя ранняя весна уже манила своей свежестью, в горах все еще властвовала зима. В лучах заходящего солнца горные пики распространяли сияние на сотни километров вокруг, словно осыпанные алмазной пылью. Этот свет отражался от снега, а с острых, словно клинки, вершин свисали схваченные ледяной коркой снежные языки, грозя в любую минуту сорваться вниз и обрушиться на долину беспощадными лавинами. Но здесь, на тенистой равнине, солнце уже растопило снег, превратив почву в вязкую трясину. Лошади тянули из последних сил, скользя копытами по густой грязи и рискуя в любое мгновение переломать себе ноги, а повозка, медленно двигавшаяся впереди, утопала в слякотной жиже почти по самые оси.

Йоахим пришпорил коня, желая поскорее нагнать ее.

Чтобы повозка двигалась быстрее, в нее впрягли дополнительных лошадей, а сзади ее подталкивали мужчины. Еще один невысокий хребет – и они доберутся до ровной дороги.

– Нно-о-о! Нно-о-о! – надрывался погонщик, охаживая измученных лошадей хлыстом.

Коренная задрала голову, заржала и забилась, словно пытаясь освободиться от хомута. Но, к счастью, ничего не произошло: остальные лошади все так же выдыхали в воздух облачка белого пара, разве что постромки натянулись сильнее да мужчины принялись ругаться еще яростнее.

Медленно, слишком медленно повозка приближалась к сухой поверхности. Колеса прокручивались в грязи с чавкающим звуком, какой можно услышать, когда меч проделывает рубленую рану в груди противника. Но хорошо хоть, что повозка вообще двигалась, ведь каждая секунда промедления оборачивалась новой кровью. Сзади раздавались стенания десятков умирающих.

Арьергард должен продержаться хотя бы еще немного!

Повозка продолжила подъем. Три больших каменных саркофага скользнули к ее заднему краю, и веревки, которыми они были закреплены, опасно натянулись. Если хотя бы одна из них не выдержит…

Брат Йоахим наконец поравнялся с накренившейся повозкой. К нему подъехал второй монах, брат Франц, и, переведя дух, торопливо проговорил:

– Разведчики сообщают, что дорога впереди чиста. Они не обнаружили никаких признаков опасности.

– Мощи не должны вернуться в Рим. Мы обязаны добраться до германской границы, – ответил Йоахим.

В знак согласия брат Франц склонил голову. Настоящий Папа бежал во Францию, а фальшивый восседает в Риме, и, пока святые мощи находятся на этой земле, они не могут быть в безопасности.

Почва под колесами повозки стала более твердой, и она двинулась с чуть большей скоростью, но все равно катилась не быстрее пешехода. Оглядываясь назад, брат Йоахим продолжал смотреть на оставшиеся позади кряжи. Звуки сражения уступили место стонам и всхлипываниям, жуткой музыкой разносившимся над долиной. Звон мечей умолк, и это могло означать только одно: арьергард пал.

Брат Йоахим продолжал обшаривать острым взглядом горные склоны, но они были укутаны плотными тенями, поэтому разглядеть что-либо было невозможно. Толща соснового леса, росшего на взгорьях, казалась отсюда черной. Но внезапно брат Йоахим заметил серебристую вспышку. На освещенном солнцем клочке земли, напоминавшем светлую заплату на грязном рубище, появилась одинокая фигура, закованная в сверкающие доспехи. Даже не видя на таком расстоянии красного дракона, нарисованного на панцире мужчины, Йоахим сразу узнал в нем ближайшего помощника Черного Папы. В честь одного из паладинов Карла Великого[1] нечестивый сарацин взял христианское имя Фьерабрас. Он был на целую голову выше всех своих воинов – настоящий гигант, а его руки были обагрены христианской кровью больше, чем у кого бы то ни было из язычников. И несмотря на это, приняв в прошлом году христианство, сарацин являлся теперь правой рукой кардинала Октавиуса – Черного Папы, принявшего имя Виктора IV.

Фьерабрас неподвижно стоял в пятне солнечного света, даже не пытаясь броситься в погоню. Сарацин понимал: слишком поздно.

Повозка наконец взобралась на вершину хребта и оказалась на сухой дороге, тянущейся вдоль него двумя глубокими колеями. Теперь они смогут двигаться намного быстрее. От германской земли их отделяло менее одной лиги. Им все же удалось прорваться через засаду, которую устроил сарацин.

И вот Фьерабрас стряхнул с себя неподвижность. Он снял с плеча огромный лук – такой же черный, как окружающие его тени, неторопливо положил на тетиву стрелу, натянул ее, всем телом откинулся назад и выстрелил. Брат Йоахим нахмурился: «Чего этот нечестивец хочет добиться с помощью единственного выстрела?»

Тетива пропела свою короткую песню, стрела взмыла в небо и на несколько мгновений исчезла в залитой солнцем выси. А затем бесшумно, словно атакующий коршун, метнулась вниз и поразила центральный саркофаг. Это казалось невозможным, но каменная крышка раскололась с громоподобным звуком, а веревки лопнули. Ничем более не удерживаемые, все три саркофага скользнули к задней – открытой – части повозки.

Люди бросились туда, чтобы не дать драгоценному грузу рухнуть на землю. Повозка остановилась, к саркофагам потянулись руки. И все же один из них удержать не удалось. Он соскользнул с повозки и придавил стоявшего позади солдата, сломав ему ногу и раздробив тазовые кости. Дикий вопль несчастного огласил окрестности.

Брат Франц торопливо спешился и присоединился к солдатам, пытавшимся вытащить раненого из-под обрушившейся на него тяжести и, самое главное, водрузить гроб обратно на повозку.

Саркофаг подняли, пострадавшего освободили, но каменное вместилище останков было слишком тяжелым, чтобы мужчины своими силами, без подручных средств могли вновь погрузить его на повозку.

– Веревки! – закричал Франц. – Несите веревки!

---

[1] Карл Великий – король франков (годы правления 768–814). В 800 г. принял титул императора впервые после крушения Западно-Римской империи. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Один из солдат поскользнулся, и саркофаг вновь упал, теперь уже набок. С него слетела крышка. Позади них послышался стук конских копыт. Он доносился с дороги, тянувшейся по вершине холма, и быстро приближался. Брат Йоахим повернулся, заранее зная, что увидит. Вот они – взмыленные кони с блестящими в солнечных лучах шкурами и одетые в черное всадники. Воины сарацина, вторая засада, приготовленная им.

Даже не попытавшись ничего предпринять, брат Йоахим просто сидел в седле. Он понимал, что спасения нет. А вот брат Франц вдруг судорожно выдохнул – и не от страха перед неминуемой смертью. Причиной его внезапного испуга явилось содержимое саркофага, с которого соскользнула крышка. Точнее, отсутствие там вообще какого-либо содержимого.

– Пустой! – ошеломленно воскликнул монах. – Он пустой!

Затем он взобрался на повозку и заглянул в тот саркофаг, крышку которого расколола стрела, пущенная сарацином.

– И здесь ничего! – Брат Франц упал на колени. – А мощи? Где же святые мощи? Что все это значит?! – Молодой монах встретился глазами с Йоахимом и не увидел в них ни малейшего удивления. – Ты знал…

Брат Йоахим снова перевел взгляд на приближающихся всадников. Их караван с самого начала являлся уловкой, хитростью, предназначенной для того, чтобы обмануть людей Черного Папы, отвлечь их внимание на себя. А святые мощи, обернутые в грубый холст и спрятанные в копне сена, отправились в путь днем раньше на одинокой телеге, запряженной парой мулов.

Брат Йоахим повернулся и, бросив взгляд через долину, в последний раз посмотрел на Фьерабраса. Пусть сарацин сегодня напьется его крови, но Черный Папа никогда не получит святые мощи.

Никогда!

Наши дни
22 июля, 23 часа 46 минут
Кёльн, Германия

До полуночи оставались считанные минуты. Джейсон передал Мэнди наушники от своего цифрового плеера.

– На, послушай, это новый сингл Годсмэка. В Штатах он еще даже не вышел на диске. Классно, правда?

Предложение не вызвало у девушки того энтузиазма, на который рассчитывал парень. С равнодушным выражением лица она пожала плечами, но все же взяла наушники и, откинув назад черные волосы, концы которых были выкрашены в розовый цвет, сунула их в уши. От этого движения полы ее куртки разошлись, и взгляду Джейсона предстали груди девушки, каждая размером с яблоко, туго обтянутые черной майкой. Он не сводил с них глаз.

– Я ничего не слышу, – сказала Мэнди с усталым вздохом и укоризненно посмотрела на своего спутника.

– Ах да! – спохватился он и нажал кнопку воспроизведения на плеере, а затем откинулся назад и оперся руками о траву.

Они сидели на газоне, окаймлявшем предназначенную только для пешеходов площадь Домфорплац. Посередине площади возвышался огромный готический кафедральный собор Кёльна. Возносясь к небу с вершины Кафедрального холма, он доминировал над всем городом.

Джейсон смотрел на летящие ввысь шпили, украшенные каменными фигурами, на мраморные барельефы с изображением религиозных и мистических сцен. Подсвеченный прожекторами, собор производил жутковатое впечатление чего-то очень древнего, неожиданно для всех выросшего из-под земли, чего-то не принадлежащего этому миру.

Затем Джейсон перевел взгляд на Мэнди, которая слушала музыку, льющуюся из плеера. Оба они учились в Бостонском колледже, а сейчас, на летних каникулах, путешествовали

с рюкзаками за спиной по Германии и Австрии. Путешествовали они в компании со своими друзьями – Брендой и Карлом, но этих двоих гораздо больше интересовали местные бары и дискотеки, нежели полуночная месса. Однако Мэнди, воспитанная в строгих традициях Римско-католической церкви, не могла пропустить столь важное и торжественное событие. Полуночная месса в этом соборе проводилась только по большим церковным праздникам, причем служил ее сам архиепископ Кёльна. Сегодня отмечался праздник Трех царей[2].

Джейсон, хотя и принадлежал к протестантам, с готовностью согласился сопровождать Мэнди, и вот теперь они ждали наступления полуночи. Мэнди покачивала головой в такт музыке. Джейсону нравилось смотреть, как колышутся пряди ее волос. Он любовался ее лицом со слегка выпяченной от сосредоточенности нижней губой. Внезапно Джейсон ощутил прикосновение ее руки, которая легла на его ладонь, и затаил дыхание, однако глаза девушки были по-прежнему устремлены на собор.

На протяжении последних десяти дней они оказывались наедине друг с другом все чаще, хотя до этой поездки были не более чем знакомы. Мэнди и Бренда дружили еще со школы, а Джейсон и Карл делили одну комнату в общежитии студенческого городка. Бренда и Карл, ставшие любовниками, не хотели отправляться в путешествие одни, опасаясь, что их отношения испортятся. Но ничего такого не произошло. И именно поэтому Джейсон и Мэнди зачастую заканчивали осмотр достопримечательностей вдвоем.

Джейсона это вполне устраивало. В колледже он изучал историю искусств, а Мэнди специализировалась по истории Европы. Здесь сухие академические знания, почерпнутые ими из учебников, наполнялись жизнью, обрастая плотью и впитывая дыхание веков. Каждое новое открытие заставляло их души трепетать от восторга, и благодаря этому они чувствовали себя в компании друг друга легко и непринужденно.

Джейсон не смотрел на руку девушки, лежавшую поверх его руки, но не мог думать ни о чем другом, кроме этого прикосновения. Неужели ночь действительно стала светлее или ему это только показалось?

К сожалению, песня закончилась слишком скоро. Мэнди выпрямилась и подняла руку, чтобы снять наушники.

– Нам пора идти, – прошептала она и кивнула в сторону длинной вереницы людей, тянущейся в открытые двери собора.

Мэнди встала и застегнула на все пуговицы свою строгую черную куртку, скрыв от посторонних взглядов цветастую футболку, а затем одернула юбку и убрала за уши пряди волос с окрашенными в розовый цвет концами. После этого девушка неузнаваемо преобразилась, превратившись из современной девицы с развязными манерами в положительную ученицу какого-нибудь католического колледжа. Джейсон с изумлением наблюдал за этой неожиданной трансформацией. Сам он был одет в черные джинсы и светлую куртку, и этот наряд вдруг показался ему совершенно неподходящим для торжественного события, на котором им предстояло присутствовать.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказала Мэнди, словно прочитав его мысли.

– Спасибо, – пробормотал Джейсон.

Собрав с газона свои вещи, они бросили пустые банки из-под кока-колы в урну и пересекли вымощенную брусчаткой площадь Домфорплац.

– Guten Abend, – приветствовал их дьякон в черной рясе, стоявший у подножия лестницы. – Willkommen[3].

---

[2] Имеются в виду волхвы (иначе называемые тремя святыми царями или – в переводе Евангелия – магами), пришедшие поклониться новорожденному Иисусу.

[3] Добрый вечер… Добро пожаловать (*нем.*).

– Danke[4],– ответила Мэнди, и они стали подниматься по ступеням.

Из гостеприимно распахнутых дверей собора лился свет множества свечей, и их отблески трепетали на каменных ступенях. От этого ощущение седой старины еще более усиливалось. Еще раньше, днем, когда они с Мэнди приходили сюда на экскурсию, Джейсон узнал, что первый камень собора был заложен еще в XIII веке. Целая пропасть отделяла тот день от сегодняшнего, и разум Джейсона оказывался не в состоянии охватить эту бездну времени.

Залитые колеблющимся светом свечей, они достигли массивных резных дверей, и Джейсон вошел следом за Мэнди в передний вестибюль собора. Девушка опустила правую руку в купель со святой водой и сотворила крестное знамение, а Джейсон вдруг почувствовал себя неловко. Это все же была не его вера, и он ощущал себя здесь даже не прохожим, а посторонним. Он боялся совершить какую-нибудь оплошность, поставив тем самым в неловкое положение и себя, и Мэнди.

– Иди за мной, – сказала девушка. – Я хочу найти место получше, но не слишком близко к алтарю.

Когда они вступили в главный зал собора, страх в душе Джейсона уступил место благоговейному трепету. Хотя он уже успел побывать здесь и узнал много любопытного об истории и архитектуре этого сооружения, величественные размеры собора вновь потрясли молодого человека. Прямо перед ним на целых сто двадцать метров протянулся центральный неф, поделенный пополам трансептом[5] длиной в девяносто метров. Пересекаясь, они создавали крест, в центре которого располагался алтарь.

Но наиболее сильное впечатление производили даже не огромные размеры помещения, а его невероятная высота. Взгляд Джейсона поднимался все выше и выше, скользя по стрельчатым аркам и стройным колоннам, и наконец добрался до сводчатого потолка. От тысяч свечей возносились тонкие спирали дыма, на стенах трепетали отблески их огней, в воздухе витал аромат ладана.

Мэнди подвела Джейсона к алтарю. Тот был огорожен толстыми бархатными канатами, но рядом, в центральном нефе, было много свободных мест.

– Может, сядем здесь? – спросила девушка и улыбнулась мило и немного смущенно.

Джейсон только кивнул, пораженный непорочной красотой этой юной мадонны в черном, словно впервые заметил ее.

Мэнди взяла его за руку и повела за собой вдоль ряда скамей – подальше от прохода, к самой стене, где они и сели. Джейсон почувствовал себя очень уютно в этом уединенном месте. Мэнди продолжала держать его за руку, и Джейсон с замиранием сердца ощущал тепло ее ладони. Ночь определенно стала светлее!

И вот зазвонил колокол и запел хор. Месса началась. Джейсон внимательно следил за всем, что делала Мэнди и чего требовал отточенный за века «балет веры»: подняться со скамьи, опуститься на колени, снова сесть. Сам он ничего этого не делал, но все происходившее вокруг – и сама церемония, и окружающее ее великолепие – было чрезвычайно интересно: священнослужители в пышных одеяниях, размахивающие кадильницами; торжественная процессия, в сопровождении которой вышел архиепископ в высокой митре и роскошной, расшитой золотом тяжелой ризе; песнопения, выводимые хором и подхватываемые прихожанами; длинные горящие свечи.

Искусство являлось столь же неотъемлемой частью праздника, как и люди, в нем участвующие. Деревянная скульптура Марии с младенцем Иисусом, называвшаяся Миланской Мадонной, несмотря на древний возраст, светилась юностью и изяществом. Напротив стояло мраморное изваяние святого Христофора, он с ласковой улыбкой держал на руках маленького

[4] Спасибо (*нем.*).

[5] Трансепт – поперечный неф готического собора.

ребенка. И повсюду – массивные окна из баварского стекла. Темные в это ночное время, они все же были великолепны, отражая огни тысяч горевших в соборе свечей, которые превращали обычное стекло в драгоценные камни.

Но ни одно из этих произведений искусства не производило столь неизгладимого впечатления, как золотой саркофаг, находившийся позади алтаря в большом стеклянном кубе. Он был выполнен в виде миниатюрной церкви и являлся главным предметом в соборе. Собственно говоря, ради него, вокруг него и был построен собор. Саркофаг хранил в себе самые священные реликвии церкви. Созданный по чертежам Николая Верденского еще в XIII веке – задолго до того, как началось сооружение собора, – саркофаг считался самым выдающимся творением средневекового ювелирного искусства из всех, что дошли до наших времен.

Занятый наблюдениями, Джейсон не заметил, как месса подошла к концу, ознаменованному звоном колоколов и заключительной молитвой. Настало время Святого причастия. Прихожане стали подниматься со скамей и потянулись вдоль рядов, чтобы вкусить Кровь и Тело Господне.

Когда очередь дошла до Мэнди, она тоже поднялась и прошептала Джейсону:

– Я скоро вернусь.

Ряд скамеек, в котором сидел Джейсон, опустел, люди вереницей направились к алтарю. Юноша с нетерпением дожидался возвращения Мэнди и, воспользовавшись моментом, встал, чтобы немного размять ноги, а заодно и получше рассмотреть статую, стоящую рядом с исповедальней. Он уже жалел о том, что выпил целых три банки кока-колы. Бросив взгляд в сторону первого придела, через который они вошли сюда, Джейсон увидел расположенную прямо рядом с выходом туалетную комнату, предназначенную для прихожан.

Однако помимо этого прозаического, хотя и столь желанного в данную минуту помещения, Джейсон увидел кое-что еще. В собор вошли несколько монахов. Они тут же рассредоточились по помещению, заняв посты у каждой из боковых дверей. Хотя все они были в обычном монашеском облачении – длинных черных подпоясанных рясах с капюшонами, что-то в этих людях показалось Джейсону весьма странным. Они двигались слишком быстро, с выверенной точностью, присущей обычно военным, и старались держаться в тени. «Это что, какой-то традиционный атрибут религиозной церемонии?» – подумал юноша.

Окинув взглядом собор, Джейсон увидел, что люди в черных рясах появились и возле других дверей и даже в огороженной части трансепта позади алтаря. Хотя монахи стояли, скорбно опустив головы в просторных черных капюшонах, они больше напоминали охранников или часовых.

Что же здесь происходит?

Около алтаря Джейсон увидел Мэнди – девушка как раз принимала Святые Дары. Она оказалась почти последней, и позади нее, дожидаясь своей очереди, стояло всего несколько прихожан. По движению ее губ Джейсон без труда прочитал: «Тело и Кровь Христовы». «Аминь», – мысленно возгласил он.

Обряд причастия закончился, и последние прихожане, включая Мэнди, вернулись на свои места. Джейсон пропустил девушку к ее месту и сел рядом.

– Что это за монахи? – поинтересовался он, подавшись вперед, поскольку в этот момент Мэнди стояла на коленях, низко склонив голову.

В ответ она только шикнула на него. Джейсон откинулся на спинку скамьи. Большинство прихожан, подобно Мэнди, также стояли на коленях, опустив головы, и лишь несколько человек, которые, как и Джейсон, не причащались, остались сидеть. Священник закончил прибираться там, где причащал прихожан, а престарелый архиепископ занял место на предназначенном для него возвышении, уткнулся подбородком в грудь и, похоже, задремал.

Ощущение величественного и таинственного праздника в душе Джейсона стало таять и вскоре угасло, как последний уголек в потухшем очаге. Возможно, в этом был виноват пере-

полненный мочевой пузырь, но, так или иначе, единственное, чего ему сейчас хотелось больше всего на свете, это поскорее выбраться отсюда. Он уже протянул руку, чтобы прикоснуться к локтю Мэнди и поторопить ее, но его остановило непонятное движение впереди. Монахи, стоявшие возле алтаря, вынули из-под ряс короткоствольные автоматы «узи» с длинными черными глушителями. В свете горящих свечей темная сталь отливала тусклым масляным блеском. Выпущенная очередь, прозвучавшая не громче, чем кашель заядлого курильщика, выбила дробное стаккато по алтарю. Вдоль рядов стали подниматься головы прихожан. Священник, стоявший за алтарем, исполнил какой-то дикий танец, на его белом одеянии появились красные пятна, как при игре в пейнтбол. А затем он рухнул лицом на алтарь, и его кровь смешалась с выплеснувшимся из чаши вином для причастия.

После недолгого ошеломленного молчания в соборе поднялись крики. Люди стали вскакивать со скамеек. Дряхлый архиепископ проснулся и в ужасе вскочил с кресла. От резкого движения высокая митра свалилась с его головы и покатилась по помосту.

Монахи побежали по рядам – сзади и с боков. Они отрывисто выкрикивали команды на немецком, французском и английском языках:

– Bleiben Sie in Ihren Sitzen… Ne bouge pas…

Голоса их звучали приглушенно, поскольку лица под низко нависшими капюшонами были скрыты еще и за черными шелковыми полумасками. Но оружие, направленное на людей, делало их слова понятными без всякого перевода:

– Оставайтесь на своих местах, или умрете!

Мэнди, поднявшись с колен, села рядом с Джейсоном и взяла его за руку, а он, сжав ее пальцы, лишь смотрел по сторонам, не будучи в состоянии даже моргнуть. Все двери были закрыты, и у каждой из них возвышалась жуткая фигура в черной рясе.

Что происходит?

От группы монахов, стоявших у главного входа, отделился человек. Он был выше остальных, и его одеяние больше напоминало то ли накидку с капюшоном, то ли мантию. Было очевидно, что это их предводитель. Безоружный, он уверенно шел по центральному проходу нефа. После того как он приблизился к алтарю, между ним и архиепископом завязался ожесточенный спор. До Джейсона не сразу дошло, что разговор идет на латыни. Внезапно архиепископ, объятый ужасом, отшатнулся назад.

Предводитель сделал шаг в сторону, и к алтарю подошли двое его людей. Стволы автоматов изрыгнули огонь. Однако их целью было не убийство – они стреляли по стеклянному кубу, в котором находился золотой саркофаг. На пуленепробиваемом стекле остались отметины, однако оно устояло.

– Грабители… – пробормотал Джейсон.

Это было всего лишь тщательно спланированное ограбление.

Увидев, что прозрачный сейф не поддается атакам налетчиков, архиепископ, похоже, обрел силу духа и немного приободрился. Предводитель протянул по направлению к нему руку и что-то сказал по-латыни. Священнослужитель отрицательно покачал головой.

– Lassen Sie dann das Blut Ihrer Schafe Ihre Hände beflecke, – сказал мужчина, на сей раз по-немецки.

«Тогда пусть кровь твоих овец падет на твои руки».

Предводитель сделал знак, и к алтарю подошли двое других монахов. Они встали по разные стороны стеклянного куба и прижали к его металлическому основанию два больших металлических диска. Эффект последовал незамедлительно. Уже ослабленное пулями стекло лопнуло, словно от порыва ураганного ветра. В отблесках огней саркофаг засиял еще ярче. Джейсон вдруг ощутил непонятное давление, у него заложило уши, как если бы стены собора резко сошлись, пытаясь раздавить собравшихся. Перед глазами поплыли круги.

Джейсон повернулся к Мэнди. Она все еще сжимала его руку, но теперь ее голова была запрокинута назад, а рот широко открыт в беззвучном крике.

– Мэнди…

Боковым зрением он увидел, что остальные прихожане застыли в такой же неестественной позе. Рука Мэнди, которую сжимал Джейсон, стала дрожать, вибрировать, словно динамик аудиосистемы, работающей на пределе громкости. Из ее глаз потекли слезы, сначала обычные, а потом кровавые. Девушка перестала дышать, дернулась и напряглась, ее свободная рука колотила по скамейке. Джейсон почувствовал, что из кончиков ее пальцев вырвалось что-то вроде электрического разряда, отдернул руку и, дрожа от ужаса, вскочил. Из широко открытого рта Мэнди поднялась тонкая струйка дыма. Ее глаза закатились – до такой степени, что остались видны только белки, а уголки глаз обуглились. Она была мертва.

Охваченный паническим ужасом, Джейсон обвел взглядом собор. То же самое творилось повсюду. Лишь несколько человек оставались невредимы – те, которые, как и Джейсон, не подходили к причастию. Двое маленьких детей, оказавшись зажаты между мертвыми родителями, отчаянно плакали от страха.

Джейсон метнулся в густую тень у стены, и, к счастью, это быстрое движение осталось незамеченным. Он пошарил руками у себя за спиной, нащупал дверь и открыл ее. Только вот дверь была не настоящая. Приоткрыв ее и проскользнув внутрь, Джейсон оказался в исповедальне.

Он упал на колени, пригнулся к полу, обхватив голову руками, и забормотал молитвы.

А потом, так же внезапно, все закончилось. Он почувствовал это всем своим существом. Давление исчезло, круги перед глазами – тоже, а стены собора раздвинулись. Джейсон плакал, и слезы, стекавшие по лицу, были холодными как лед.

Через какое-то время он набрался смелости, приподнялся и, найдя щель в двери исповедальни, прильнул к ней глазом. Отсюда был хорошо виден неф и алтарь. В воздухе пахло палеными волосами. Крики и стоны все еще были слышны, но теперь они исходили от тех немногих, которые остались в живых. Мужчина в грязной заношенной одежде, по-видимому бездомный, поднялся со скамьи и, шатаясь, побежал по проходу. Но не успел он сделать и десяти шагов, как получил пулю в затылок и неуклюже растянулся на полу.

«О боже… О боже…»

Изо всех сил сдерживая всхлипы, Джейсон посмотрел в сторону алтаря. Тело убитого священника уже сбросили с помоста и поставили на это место саркофаг. Предводитель вытащил из-под плаща большой полотняный мешок, его подчиненные открыли раку и высыпали в мешок ее содержимое. После того как драгоценный саркофаг из массивного золота оказался пуст, его швырнули на пол, словно никчемную картонную коробку.

Предводитель взвалил мешок на плечо и направился к выходу, унося с собой похищенную святыню. Архиепископ крикнул ему вслед что-то по-латыни, и это прозвучало как проклятие. Вместо ответа мужчина, не оборачиваясь, только махнул рукой. Один из монахов приблизился к архиепископу и приставил автомат к его затылку.

Джейсон снова пригнулся и закрыл глаза. Он не мог больше смотреть на все это. Опять застрекотали выстрелы, а затем наступила тишина. Убийцы добили всех, кто еще дышал, и под сводами собора воцарилась смерть.

Не открывая глаз, Джейсон беззвучно молился. Чуть раньше, когда предводитель поднял руку и его черный плащ на секунду распахнулся, Джейсон увидел под ним необычный символ: свернувшийся кольцами дракон, обвивающий хвостом собственную шею. Этот знак был незнаком Джейсону, но выглядел весьма экзотически и имел, по всей видимости, восточное происхождение.

В свинцовой тишине, повисшей в соборе, вдруг прозвучали шаги ног, обутых в тяжелые ботинки. Они приближались к исповедальне, где нашел убежище Джейсон. Молодой человек

зажмурился еще крепче, подобно ребенку пытаясь спрятаться от страха. Перед его внутренним взором вновь возник ужас и святотатство, свершившееся здесь. И все это – ради мешка с древними костями.

Пусть этот собор был возведен исключительно ради них, пусть на протяжении веков им поклонялись многие монархи и даже сегодняшняя месса была посвящена празднику Трех царей. Пусть так… Но лишь один вопрос терзал душу Джейсона: зачем, ради чего сделано все это?

Образы трех святых царей были запечатлены в соборе многократно: в камне, в витражах, в золоте. На одном панно был изображен волхв, ведущий верблюдов через пустыню в направлении, указанном ему Вифлеемской звездой. На другом – преклонение перед младенцем Иисусом и подношение даров: коленопреклоненные фигуры протягивали золото, ладан и мирру.

Но сознание Джейсона было закрыто для этих образов. Он видел лишь последнюю улыбку Мэнди, ощущал ее теплое прикосновение.

Теперь ничего этого не осталось.

Ботинки протопали мимо исповедальни.

Джейсон безмолвно оплакивал пролитую кровь и искал ответ на единственный вопрос: зачем?

Зачем они похитили кости волхвов?

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1
В ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

24 июля, 4 часа 34 минуты
Фредерик, штат Мэриленд

Наконец-то он добрался до места назначения.

Грейсон Пирс медленно двигался между темных зданий, представлявших собой самое сердце Форт-Детрика. Электрический двигатель мотоцикла мурлыкал не громче, чем мотор холодильника. Перчатки на водителе были черные, мотоцикл – тоже, только вот краска эта была не совсем обычной и представляла собой специальное никелево-фосфорное соединение под названием «НФС суперчерный». Оно поглощало бóльшую часть света, делая покрытые им предметы почти невидимыми даже в сумерках, не говоря уж о ночном времени. Костюм и шлем мотоциклиста были обработаны тем же магическим составом.

Сгорбившись в седле мотоцикла, Грей доехал до конца аллеи. Впереди открывался внутренний двор, темная расселина, окаймленная оштукатуренными кирпичными зданиями, которые составляли Национальный институт раковых заболеваний – придаток Медицинского исследовательского института инфекционных заболеваний армии США. Здесь, на территории в шестьдесят тысяч квадратных футов, в лабораториях максимальной защиты день за днем велась невидимая миру война против угрозы биологического терроризма.

Грей выключил мотор, но с мотоцикла пока не слезал. Его левое колено упиралось в сумку, в которой лежали семьдесят тысяч долларов. Он оставался в аллее, избегая открытого пространства и предпочитая темноту. Луна давно спряталась, а до восхода солнца оставалось еще двадцать две минуты. Даже звезды были скрыты рваными облаками, оставшимися от летней грозы, что бушевала накануне вечером.

Сработает ли его уловка?

– Мул вызывает Орла, – еле слышно проговорил он в микрофон, укрепленный у горла. – Я прибыл на место. Дальше иду пешком.

– Принято, – послышался ответ в миниатюрном наушнике. – Мы видим вас через спутник.

Грею хотелось задрать голову к небу и приветственно помахать рукой. Вообще-то он терпеть не мог, когда за каждым его шагом наблюдали, но сегодняшняя операция была слишком важна, так что артачиться не приходилось. Грей все-таки сумел выбить для себя уступку, настояв на том, что отправится на встречу один. Его агент был до невозможности пуглив. Чтобы установить и наладить с ним связь, понадобилось полгода, причем для этого Грею пришлось задействовать все свои контакты в Ливии и Судане. Это оказалось очень непростым делом. За деньги доверие не купишь, особенно в такой работе.

Отцепив сумку от мотоцикла и повесив ее на плечо, он загнал мотоцикл в самую густую тень, стараясь производить как можно меньше шума, и перешел на противоположную сторону аллеи.

Если кто-то в этот час и не спал, то только электронные устройства, которыми было напичкано все вокруг. Его липовые документы были проверены еще на воротах «Старой фермы», как называлась база. Теперь же ему предстояла гораздо более сложная задача – обмануть электронику.

Грей посмотрел на светящийся циферблат своих часов для подводного плавания. 4:45. Встреча должна состояться через пятнадцать минут. Как много зависит от того, станет ли она успешной!

Наконец он добрался до пункта назначения. Корпус 470. В этот предрассветный час здание было пустынным, а в следующем месяце оно и вовсе исчезнет с лица земли, поскольку предназначено на снос. По этой причине оно охранялось кое-как и представляло собой оптимальное место для проведения тайной встречи. Но в этом крылась и определенная ирония. В шестидесятые годы здесь в гигантских баках и цистернах выращивали бациллы сибирской язвы – до тех пор, пока в 1971 году не был подписан договор о запрещении производства химического и биологического оружия. С того времени здание почти не использовалось и стало приходить в упадок, превратившись в огромный склад Национального института раковых заболеваний. Однако сегодня ночью под его крышей снова зайдет разговор о сибирской язве.

Грей поднял глаза. Все окна были темны. Он должен встретиться с продавцом товара на четвертом этаже. Подойдя к боковой двери, Грей сунул в прорезь электронного замка магнитную карточку, которую получил от своего агента, работавшего на базе.

Деньги, лежавшие в сумке, являлись второй – и последней – частью гонорара, предназначенного для продавца. Первую тот получил еще месяц назад. Единственным оружием Грея являлся тридцатисантиметровый пластиковый кинжал, покрытый специальным углеродным составом, делавшим его тверже стали. Ничего другого не удалось бы пронести через рамку металлодетектора у входа на базу.

Закрыв за собой дверь, Грей направился к расположенной в правой части холла лестнице, над которой тускло светилась табличка с надписью «ВЫХОД». Он поднял руку к своему мотоциклетному шлему и включил вмонтированный в него прибор ночного видения. Все окружающие предметы стали ярче, окрасившись в зеленоватые и серебристые цвета. Быстрыми шагами Грей стал подниматься по ступеням и вскоре добрался до четвертого этажа. Оказавшись на лестничной клетке, он толкнул дверь и вошел внутрь.

Грей понятия не имел, где именно он встретится со своим агентом. Тот сам должен был подать сигнал. Задержав дыхание, он стал изучать открывшееся перед ним пространство. Что-то здесь ему не нравилось.

Лестница располагалась в угловой части здания. Прямо перед Греем тянулся вдаль один коридор, второй уходил влево. Вдоль одной из стен каждого коридора располагался ряд офисных дверей с непрозрачными стеклами, вдоль другой – окна. Грей двинулся вперед. Он шел медленно и настороженно, готовый мгновенно отреагировать на любой звук, любое движение.

Внезапно в окно ударил мощный сноп света. Многократно усиленный прибором ночного видения, он едва не ослепил Грея. Тот отскочил в сторону и укрылся в темноте. Неужели его обнаружили? Свет переместился в другое окно, затем в следующее и так далее – вдоль всего коридора.

Подавшись вперед, Грей осторожно выглянул в окно, выходившее на широкий двор перед зданием. По дороге медленно катился тяжелый «хаммер», ощупывая прожектором каждый дюйм поверхности.

Ночной патруль. Не спугнет ли он его агента?

Беззвучно ругаясь, Грей ждал, пока патруль закончит свой объезд. В следующее мгновение машина исчезла, скрывшись за громадным неуклюжим сооружением, возвышавшимся прямо посередине двора. По виду оно напоминало заржавевший космический корабль, но на самом деле эта стальная сфера размером с трехэтажный дом, стоящая на двенадцати мощных опорах, представляла собой контейнер емкостью в миллион литров. Поскольку этот циклопический шар находился в стадии ремонта, он был покрыт строительными лесами и обставлен приставными лестницами. Видимо, кто-то решил вернуть этому сооружению былую славу,

которой оно пользовалось в годы холодной войны, являясь одним из главных объектов проводившихся здесь исследований. По всему «экватору» шар был опоясан стальным трапом.

Грею было известно прозвище, данное этому шару сотрудниками базы: «Восьмое яйцо». На его губах появилась невеселая улыбка, когда он подумал о том, в каком положении оказался. Зажатый за «Восьмым яйцом»…[6]

Патрульная машина наконец выехала из-за сферы, пересекла двор и укатила. Грей с облегчением вздохнул и пошел дальше. Вскоре путь ему преградила дверь, обе створки которой открывались в любую сторону. Сквозь небольшие оконца в их верхней части можно было увидеть просторное помещение по другую сторону двери. Грей разглядел несколько высоких и тонких резервуаров, металлических и стеклянных. Одна из старых лабораторий – без окон и света.

Его появление, видимо, не осталось незамеченным. Снова вспыхнул свет, ударив по глазам с такой силой, что Грей был вынужден поспешно отключить прибор ночного видения. На сей раз источником света стал карманный фонарик. Он вспыхнул ровно три раза. Сигнал! Грей подошел к двери, носком ботинка приоткрыл одну из створок и проскользнул внутрь. Послышалось негромкое:

– Сюда.

Впервые он услышал голос своего агента. Прежде тот, одержимый манией конспирации, общался с ним только в виртуальном пространстве. Но больше всего Грея поразило то, что голос принадлежал женщине. Грей насторожился еще больше: он не любил сюрпризы.

Он осторожно двинулся вперед, лавируя между письменными столами, поверх которых были нагромождены стулья. Женщина сидела за одним из них. На его поверхности тоже было свалено несколько стульев, но один – свободный – стоял по другую сторону стола.

– Садитесь.

Грей ожидал увидеть взвинченного ученого, который, поборов страх, пришел сюда, движимый исключительно алчностью, желая получить причитающиеся ему деньги. Оплаченное предательство становилось все более распространенным явлением в ведущих научно-исследовательских заведениях. Медицинский исследовательский институт инфекционных заболеваний не являлся исключением, разве что продажность его сотрудников могла иметь поистине смертоносные последствия. Содержимое даже одного купленного здесь пузырька, распыленное в метро или на автобусном вокзале, вызвало бы смерть тысяч людей. А эта женщина была готова продать целых пятнадцать таких пузырьков!

Грей уселся напротив нее и положил на стол сумку с деньгами.

Женщина оказалась азиаткой. Нет, скорее полукровкой: в ее жилах азиатская кровь смешалась с европейской. Глаза у нее были не слишком узкие, а кожа – бронзовая, словно покрытая сильным, красивым загаром. На фоне обтягивающего черного костюма с высоким воротником ярко выделялась висящая на шее серебряная цепочка с кулоном. Присмотревшись внимательнее, Грей увидел, что кулон представляет собой что-то вроде амулета с изображением свернувшегося кольцом дракона. Да и сама женщина скорее напоминала леди-дракона. Она не проявляла никаких признаков беспокойства или тревоги, которые испытывал сам Грей. Более того, она явно скучала.

Конечно, весьма вероятно, что источником ее уверенности в себе являлся 9-миллиметровый «ЗИГ-зауэр» с глушителем, направленный прямо в грудь Грея. Но кровь в его жилах застыла не от вида оружия, а от ее следующей фразы:

– Добрый вечер, коммандер Пирс.

Услышав собственное имя, он вздрогнул. Если ей известно это…

[6] Игра слов: выражение «behind the eight ball» означает «оказаться в опасном или крайне затруднительном положении».

Он уже начал движение, но… опоздал. Раздался хлопок, и пуля, выпущенная с расстояния в полметра, ударила его с такой силой, что отшвырнула назад вместе со стулом, на котором он сидел. Грей упал на спину, запутавшись ногами в ножках стула. Грудь пронзила такая боль, что он не мог дышать, во рту появился вкус крови.

Предан…

Женщина встала, обошла вокруг стола и остановилась над его распростертым телом. Пистолет был направлен ему в голову. Шансов на спасение не оставалось. Амулет с серебряным драконом покачивался на груди женщины и ярко светился в темноте.

– Я полагаю, все происходящее здесь записывается устройствами, вмонтированными в ваш шлем, коммандер Пирс. И возможно, даже транслируется в Вашингтон, в «Сигму». Вы не будете возражать, если я воспользуюсь некоторым количеством вашего, гм, эфирного времени?

Грей был не в том положении, чтобы возражать.

Женщина склонилась ниже и заговорила:

– Через десять минут «Гильдия» положит конец Форт-Детрику. Вся база подвергнется заражению бациллами сибирской язвы. Таким образом мы расквитаемся с «Сигмой» за срыв нашей операции в Омане. Однако у меня есть еще один должок – перед вашим директором Пейнтером Кроу. Должок личного характера. Это – за мою сестру Кассандру Санчес.

Дуло пистолета прижалось к забралу мотоциклетного шлема.

– Кровь за кровь.

Она нажала на курок.

5 часов 02 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

В сорока двух милях от Форт-Детрика погас экран, транслировавший изображение, передаваемое спутником.

– Где группа поддержки? – спросил Пейнтер Кроу.

Голос директора был твердым и спокойным, хотя на самом деле ему хотелось разразиться длинной тирадой самых отборных ругательств. Однако от эмоций в данном случае было бы мало проку.

– В десяти минутах езды.

– Вы сумеете восстановить связь?

Техник с сожалением покачал головой:

– Видеокамера в его шлеме уничтожена, но у нас осталась возможность наблюдать за территорией базы с помощью спутника НРС[7].

Молодой человек указал в сторону другого монитора – на нем застыло черно-белое изображение Форт-Детрика, посередине которого располагался внутренний двор в окружении зданий.

Пейнтер прошелся вдоль длинного ряда мониторов. Значит, все это – ловушка, расставленная для того, чтобы отомстить «Сигме» и ему лично.

– Поднимите по тревоге охрану Форт-Детрика, – распорядился он.

– Простите, сэр? – недоуменно переспросил его заместитель по оперативной работе Логан Грегори.

Пейнтер понимал причину замешательства Логана. Лишь небольшое число посвященных знали о существовании «Сигмы» и о людях, которые в ней работают: президент, Объединенный комитет начальников штабов и непосредственное начальство «Сигмы» в УППОНИР – Управ-

[7] Спутник, управляемый Национальной разведывательной службой и предназначенный для прослушивания радиосигналов с Земли. Спутники НРС способны перехватывать чрезвычайно слабые сигналы, вплоть до разговоров по мобильному телефону.

лении перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, являвшемся важным подразделением Пентагона. После произошедшей в прошлом году тотальной перетряски в высшем эшелоне организация постоянно находилась под пристальным наблюдением. Ошибку, даже самую незначительную, им бы не простили.

– Я не хочу рисковать агентом, – сказал Пейнтер. – Позвоните им.

– Есть, сэр.

Логан потянулся к телефонной трубке. Он походил больше на калифорнийского любителя серфинга, нежели на ведущего специалиста в области стратегического планирования: светлые волосы, загорелая кожа, широкие плечи и узкая талия. А вот Пейнтера можно было принять за его тень: наполовину индеец, темные волосы и голубые глаза. И – никакого загара. Он уже забыл, когда в последний раз был на солнце.

Пейнтеру хотелось сесть и уткнуться головой в колени. Он был назначен директором «Сигмы» всего восемь месяцев назад и все это время занимался лишь реструктуризацией организации и укреплением системы безопасности. Необходимость этого была вызвана тем, что незадолго до того в «Сигму» удалось внедриться агенту международного преступного картеля, известного под названием «Гильдия». Установить, какая именно информация была им за это время похищена, кому продана и кто получил к ней доступ, было невозможно, поэтому систему безопасности пришлось выстраивать заново, с чистого листа. Даже главный командный пункт «Сигмы» пришлось перевести из Арлингтона в это подземное убежище, расположенное под Вашингтоном.

Вообще-то сегодня утром Пейнтер приехал сюда, чтобы разобрать коробки в своем новом кабинете, и вот – экстренный звонок с пункта спутникового наблюдения.

Он посмотрел на монитор, передававший картинку со спутника НРС.

Ловушка.

Ему было известно, к чему стремится «Гильдия». Четыре недели назад Пейнтер вновь приступил к проведению активных операций – впервые после года вынужденного бездействия. Это был пробный шар. Было задействовано две группы оперативников. Одна занималась расследованием пропажи в Лос-Аламосе компьютерной базы данных, связанных с ядерными исследованиями; вторая работала, что называется, в собственном огороде, в Форт-Детрике, расположенном в сорока милях от Вашингтона.

Атака «Гильдии» нацелена на то, чтобы парализовать «Сигму» и Пейнтера, доказать, что «Гильдия» до сих пор не утратила своего могущества. С помощью этого маневра они хотели, чтобы «Сигма» оказалась отброшена назад, а то и вовсе расформирована. В таком случае «Гильдия» смогла бы безнаказанно творить свои черные дела. Этого допустить нельзя!

Пейнтер перестал расхаживать по комнате и, повернувшись к своему заместителю, посмотрел на него вопросительным взглядом.

– Я пытаюсь установить соединение с базой, – сказал Логан, – но на линии какие-то провалы.

Несомненно, тоже дело рук «Гильдии».

Донельзя расстроенный, Пейнтер склонился к письменному столу и уставился на папку из манильского картона, в которой находились личные дела сотрудников «Сигмы». На папке была напечатана единственная буква – греческая сигма:

Σ

В математике сигмой обозначается сумма всех составляющих, объединение набора несопоставимых величин в единое целое. Кроме того, эта буква являлась символом организации «Сигма», которой руководил Пейнтер.

Работая под покровительством УППОНИР, исследовательского подразделения Министерства обороны, «Сигма» проводила тайные операции по всему миру, направленные на то,

чтобы взять под охрану, выкрасть или уничтожить технологии, имеющие жизненно важное значение для национальной безопасности Соединенных Штатов. Все сотрудники были полностью засекречены, все служили раньше в различных подразделениях специального назначения и являлись там элитой. Затем их оттуда забрали, они прошли подготовку по широкому спектру дисциплин, и только после этого из них была сформирована военизированная организация оперативников высочайшего класса, обладающих разносторонними познаниями в самых различных областях. А говоря проще, организация ученых-убийц.

Пейнтер открыл лежащую перед ним папку. Первым в ней находилось досье лидера команды.

Доктор и коммандер Грейсон Пирс.

С фотографии в правом верхнем углу на Пейнтера смотрело лицо агента. Это был снимок из полицейского архива, сделанный в то время, когда Пирс отбывал годичное тюремное заключение в тюрьме Ливенуорт. Темные волосы подстрижены коротким ежиком, в голубых глазах застыло сердитое выражение. Его уэльское происхождение выдавали резко очерченные скулы, широко расставленные глаза и мощная челюсть. Однако красноватый оттенок кожи он приобрел уже в Техасе, на иссохших холмах под обжигающим солнцем округа Браун.

Пейнтер не стал читать само досье толщиной в добрый дюйм, поскольку знал его наизусть. Грей Пирс завербовался в армию в возрасте восемнадцати лет, в двадцать один год был взят в десантное диверсионно-разведывательное подразделение, принимал участие во многих боевых операциях. А когда ему исполнилось двадцать три, он попал под трибунал за то, что набил морду вышестоящему офицеру. Пейнтер знал, что произошло между этими двумя в Боснии, и, мысленно ставя себя на место Грея, понимал, что поступил бы, наверное, точно так же. Однако армейская дисциплина превыше всего, и солдату, уже успевшему получить несколько воинских наград, пришлось провести целый год в Ливенуорте.

Однако Грей Пирс представлял собой слишком большую ценность, чтобы его можно было списать со счетов. Такой подготовкой и навыками, какими он обладал, просто так не бросаются. Поэтому три года назад, сразу же после того, как Грей вышел из тюрьмы, он был завербован в «Сигму».

А вот теперь он оказался пешкой в опасной игре между «Сигмой» и «Гильдией». Пешкой, которую должны уничтожить.

– Уф, я дозвонился до охраны базы, – с облегчением в голосе произнес Логан.

– Сообщите им, что…

– Сэр! – Молодой техник вскочил на ноги. На голове у него были наушники, а провод от них подсоединен к приборной консоли. – Директор Кроу! Я принимаю аудиосигнал!

– Что?

Пейнтер шагнул к технику и поднял руку, приказывая Логану молчать. Тот щелкнул тумблером громкой связи, и до них донесся знакомый голос. Слышимость была отвратительной, но они сумели разобрать несколько слов, слившихся в одно:

– Матьтвоюсволочьговнопоганое…

5 часов 07 минут

Форт-Детрик, штат Мэриленд

Грей выбросил вперед ногу и угодил женщине прямо в подвздошье. Он с удовлетворением ощутил соприкосновение своего каблука с чужой плотью, но ничего не услышал. В ушах у него гудело от контузии, полученной после выстрела, сделанного с близкого расстояния в его кевларовый шлем. От удара пули по забралу паутиной разбежались трещины, левое ухо горело, поскольку находившийся в нем миниатюрный наушник закоротило и ушная раковина была обожжена. Однако все это мало волновало Грея.

Вскочив на ноги, он выхватил из ножен, вделанных в рукав, свой чудо-кинжал и нырнул под ближайший к нему ряд письменных столов. Слух начинал восстанавливаться. Грей услышал негромкий хлопок, похожий на сухой кашель, – еще один выстрел. Пуля попала в край стола и отколола от него большую щепку.

Грей осторожно пополз на четвереньках, одновременно ощупывая глазами комнату. От его удара женщина выронила фонарик, он откатился куда-то в угол, и теперь предметы, стоявшие в комнате, отбрасывали на пол причудливые тени. Грей ощупал свою грудь. То место, куда угодила пуля убийцы, до сих пор болело, но крови не было.

– Жидкая броня, мистер Пирс? – послышался голос женщины.

Грей пригнулся ниже, пытаясь определить ее местонахождение.

Когда он нырнул под стол, включился внутренний экран, вмонтированный в забрало его шлема. Поскольку тот был поврежден выстрелом, голографические образы дрожали и беспорядочно мелькали, то появляясь, то исчезая, а по экрану бежали широкие полосы. Все это, безусловно, мешало обзору, но Грей ни за какие коврижки не согласился бы сейчас снять шлем, поскольку тот служил лучшей защитой от пуль. А их в пистолете женщины-убийцы осталось еще немало.

Шлем и костюм.

Убийца была права. Жидкая броня – так называлась разработка, созданная учеными армии США в 2003 году. Ткань его спецкостюма имела два слоя, между которыми была закачана особая жидкость – раствор полиэтил енгликоля со взвесью микрочастиц кремния. В обычных условиях эта смесь оставалась в жидком состоянии, но при ударе мгновенно твердела, превращаясь в настоящую броню. Спецкостюм только что спас ему жизнь. По крайней мере, на этот раз…

Женщина снова заговорила – спокойным, холодным, как и прежде, тоном. Судя по голосу, она медленно приближалась к двери.

– Здание нашпиговано пластид ом Си-четыре и тротилом. Оно предназначено для сноса, и военные были столь милы, что уже провели здесь проводку, необходимую для будущего взрыва, а я всего лишь немного усовершенствовала детонатор – так, чтобы взрыв оказался более зрелищным и… результативным.

В воображении Грея возник столб огня, обломки, взлетающие высоко в утреннее небо.

– Сибирская язва… – с ужасом пробормотал он себе под нос, но женщина все же его услышала.

– Остроумно, не правда ли, использовать снос старого здания в качестве пусковой установки для распыления биологического оружия?

«Боже мой, – подумал он, – она превратила все здание в биологическую бомбу!» При сильном ветре в опасности оказалась бы не только база, но и соседний город Фредерик.

Грей пошевелился. Ее необходимо остановить! Но где она?

Он тоже двинулся в сторону двери. Теперь-то он знал, что она вооружена, но это не могло остановить его. Ставки были слишком высоки. Грей попытался включить систему ночного видения, но единственным, чего он добился, оказались все те же мелькающие образы и полосы на экране. Ну и хрен с ним! Грей отстегнул застежку под горлом и стащил шлем с головы.

Воздух пах плесенью и какими-то антисептиками. Низко пригибаясь, Грей двинулся вперед, держа шлем левой рукой и зажав кинжал в правой. Добравшись до задней стены, он пошел вдоль нее по направлению к двери. Глаза немного привыкли к темноте, и он мог поклясться, что ни одна из створок двери до сих пор даже не шелохнулась. Значит, женщина-убийца все еще в комнате. Но где именно и как ее остановить? Грей крепче сжал рукоятку кинжала. Пистолет против ножа. Это вряд ли можно назвать честным поединком.

Поскольку шлема на нем уже не было, Грей заметил, как возле двери шелохнулась какая-то тень. Он застыл, словно изваяние. Женщина скорчилась в метре от двери, укрывшись позади стола.

Сквозь оконца в створках двери проникал бледный свет. Близилось утро, и в коридоре становилось все светлее. Убийца не сможет бежать отсюда без того, чтобы не обнаружить себя. Пока что она пряталась в густых тенях лаборатории, гадая, вооружен ли ее противник.

Грей должен положить конец этой игре леди-дракона.

Размахнувшись, он швырнул мотоциклетный шлем к противоположной стене лаборатории, и там раздался оглушительный грохот и звон. Видимо, «снаряд» разбил один из старых стеклянных резервуаров. В следующий момент Грей метнулся к тому месту, где пряталась женщина. В его распоряжении было не больше двух секунд.

Она выскочила из-за своего укрытия с пистолетом на изготовку и выпустила сразу несколько пуль в том направлении, откуда послышался шум. Одновременно она сделала грациозный бросок к двери – казалось, ее перенесла туда отдача от выстрелов. Грей был впечатлен, но не до такой степени, чтобы замедлить атаку.

Его рука уже была занесена над головой, и через долю секунды кинжал, рассекая воздух, понесся навстречу своей жертве. Выверенный, сбалансированный до совершенства, чудо-кинжал всегда поражал цель со смертоносной точностью. Так случилось и сейчас: лезвие попало ей в шею. Грей продолжал движение в ее сторону. Однако в следующее мгновение он понял свою ошибку.

Кинжал отскочил от воротника женщины и, звякнув, упал на пол.

Жидкая броня…

Неудивительно, что леди-дракон знала о его необыкновенном костюме! На ней был точно такой же.

И все же удар кинжала сбил ее с ног. Женщина тяжело рухнула на пол и, судя по всему, вывихнула колено. Но, как опытный боец, она не выпустила из поля зрения своего противника и, уже лежа на спине, направила дуло «ЗИГ-зауэра» в лицо Грея. Вот только теперь на нем не было шлема.

5 часов 09 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Контакт потерян, – сообщил зачем-то техник, хотя всем это было понятно и без него.

За секунду до этого Пейнтер услышал на линии какой-то грохот, после чего наступила леденящая тишина.

– Охрана базы все еще на связи, – напомнил его заместитель, по-прежнему сжимая в руке телефонную трубку.

Пейнтер лихорадочно анализировал какофонию звуков, услышанных им за последние две минуты.

– Он швырнул свой шлем! – наконец выпалил он.

Двое других мужчин уставились на него широко открытыми глазами.

Пейнтер вновь обратился к лежащему перед ним досье. Грейсон Пирс далеко не дурак. В поле зрения «Сигмы» он попал даже не из-за своих выдающихся боевых навыков, а благодаря результатам тестов на интеллект. Они намного превышали обычные показатели, хотя надо признать, что у некоторых других сотрудников эти показатели были еще выше.

Что же заставило «Сигму» остановить свой выбор на Пирсе? Его необычное поведение во время заключения в Ливенуорте. Несмотря на ежедневный изнурительный труд от рассвета до заката, он находил время для того, чтобы столь же истово заниматься изучением химии и… даосизма. Подобное несоответствие интересующих его предметов заинтриговало Пейнтера и тогдашнего руководителя «Сигмы» доктора Шона Макнайта.

С тех пор Пирс многократно, хотя, наверное, и неосознанно демонстрировал противоречивость своей натуры. Живущий в Техасе выходец из Уэльса, человек, изучающий даосизм и при этом не расстающийся с четками, солдат, который, сидя в тюремной камере, совершенствуется в химии… Именно этой уникальной особенности ума Пирс и был обязан тем, что в конечном итоге оказался в «Сигме».

Однако подобное своеобразие имело и оборотную сторону. Грейсон Пирс оказался законченным единоличником и ненавидел работать в команде. Так произошло и сейчас. Вопреки всем инструкциям он пошел на задание один.

– Сэр! – уже не в первый раз окликнул Пейнтера его заместитель.

Пейнтер глубоко вздохнул.

– Сейчас. Еще две минуты.

5 часов 10 минут

Фредерик, штат Мэриленд

Первая пуля просвистела в дюйме от уха. Грею повезло: убийца выстрелила слишком быстро, не успев как следует прицелиться. Грей, все еще находясь в стремительном броске, смог сгруппироваться и благодаря этому остался цел. Попасть из пистолета в голову гораздо сложнее, чем показывают в фильмах.

Он навалился на женщину, и ее пистолет оказался зажат между их телами. Теперь, даже если она выстрелит, у него гораздо больше шансов остаться в живых. Правда, больно будет чертовски!

Подтверждая его последнее предположение, она выстрелила, и пуля угодила ему в левое бедро. Грею показалось, что по его ноге ударили кувалдой, и он заорал от боли. А почему бы и нет, черт побери! Он что, не человек, что ли? Однако Грей не позволил себе раскиснуть. Наоборот, он использовал свою боль и ярость для того, чтобы многократно усилить удар локтем, направленный в ее глотку. Бесполезно! Жидкая броня мгновенно затвердела и свела его усилия на нет.

Проклятие!

Она снова спустила курок. Грей был гораздо тяжелее и сильнее, чем эта женщина, но она не нуждалась в сильных кулаках и коленях. В ее распоряжении находилась мощь современного стрелкового оружия, и она доказала это. Очередная пуля с чавканьем впилась в живот Грея, отшвырнув его назад и лишив возможности дышать. А женщина тем временем снова навела на него пистолет.

Магазин «ЗИГ-зауэра» рассчитан на пятнадцать патронов. Сколько выстрелов она уже сделала? Наверняка в ее пистолете осталось достаточно зарядов для того, чтобы превратить Грея в дуршлаг.

Он должен положить этому конец.

Грей рванулся вперед и попытался боднуть ее головой в лицо. Однако она не была новичком и не попалась на этот древний трюк. Женщина повернула голову, и удар пришелся ей в боковую часть черепа. Но все же этот маневр позволил Грею выиграть какую-то долю секунды. Он успел ухватиться за электрический провод, спускавшийся с одного из бесхозных письменных столов, и дернуть его. Зеленая библиотечная лампа, от которой тянулся этот самый провод, свалилась со стола и, упав на пол, разлетелась на тысячу изумрудных осколков.

Словно медведь, заламывающий свою жертву, Грей снова навалился на женщину и перекатил ее влево. Нет, он не надеялся на то, что осколки стекла вопьются в ее тело. Жидкая броня не допустила бы этого. У Грея была иная цель.

Он услышал, как под весом ее тела лопнула электрическая лампочка. Вот и хорошо!

По-лягушачьи поджав ноги, Грей оттолкнулся ими от пола и прыгнул. Все это напоминало игру в рулетку: пан или пропал. Его целью являлся электрический выключатель, расположенный на стене около двери.

Пистолет кашлянул еще раз, и пуля ударила его в нижнюю часть спины.

Грея словно огрели плетью. Его тело ударилось о стену, но в этот момент он нащупал на стене выключатель и нажал на кнопку. Огни в лаборатории вспыхнули и неуверенно замигали. Видимо, электропроводка доживала последние дни.

Он отступил назад, по направлению к женщине, которая собиралась отправить его на тот свет. Нет, он вовсе не надеялся, что его Немезиду убьет электрическим током. Такое тоже случается только в кино. Грей думал о другом: дай-то бог, чтобы тот, кто сидел за этим письменным столом последним, забыл перед уходом выключить настольную лампу!

Грей крутанулся на пятках.

Леди-дракон сидела на осколках разбитой лампы. Ее руки с зажатым в них пистолетом были вытянуты в его сторону. Она спустила курок, но пуля прошла мимо, разбив окошко в одной из створок входной двери.

Грей обошел женщину стороной, не спуская с нее глаз. Она даже не пошевелилась. Она была просто не способна пошевелиться, зацементированная в своем костюме.

– Жидкая броня, – проговорил Грей, повторив недавно сказанные женщиной слова. – Она действительно жидкая, и в этом заключается преимущество костюма. Но у каждой медали есть оборотная сторона. – Грей приблизился к женщине и легко выдернул из ее руки пистолет. – Полиэтиленгликоль представляет собой спиртовое соединение – великолепный электропроводник. И даже столь ничтожный заряд, какой исходит от лопнувшей электрической лампочки, пронзит костюм в доли секунды. А главное заключается в том, что костюм реагирует на любой признак атаки…

Грей ударил женщину в голень. Костюм ответил ему твердостью скальной породы.

– Вот ты и попалась!

Ее собственный костюм превратился в ее тюрьму.

Поскольку женщина оказалась почти полностью парализована, Грей быстро обыскал ее. Она все же могла двигаться – едва-едва, как заржавевший Железный Дровосек из сказки о волшебнике страны Оз. Женщина сдалась на милость победителя. От напряжения лицо ее покраснело.

– Если ты ищешь детонатор, то его нет. Заряд будет приведен в действие часовым механизмом. – Ее глаза опустились к циферблату наручных часов, которые работали в режиме секундомера и вели обратный отсчет. – Осталось две минуты. Тебе нипочем не обезвредить заряды.

Грей взглянул на ее часы.

02:00.

01:59.

01:58.

Время неумолимо утекало. Жизнь женщины тоже была накрепко привязана к этим тающим секундам. Грей заметил в ее глазах тень страха – убийца или нет, но она была живым существом и тоже не хотела умирать, – однако в остальном ее лицо было таким же твердым, как и ее костюм.

– Где вы припрятали емкости с бациллами?

Грей знал, что она не ответит, но внимательно наблюдал за ее глазами. Она непроизвольно взглянула вверх и тут же снова перевела взгляд на него.

Крыша. Это имело определенный смысл. В других подтверждениях Грей и не нуждался. Бациллы сибирской язвы – Bacillus anthracis – чрезвычайно чувствительны к высокой температуре. Если террористка хотела, чтобы в результате взрыва смертоносные споры распростра-

нились на обширной территории, она должна была разместить емкости как можно выше, иначе в пожаре, который наверняка начнется после взрыва, бактерии просто погибнут.

Женщина плюнула Грею в лицо. Плевок угодил ему в щеку, но он даже не потрудился его стереть. Не до того!

01:48.

Грей выпрямился и бросился к двери.

– У тебя ничего не выйдет! – крикнула ему вдогонку женщина.

Видимо, она поняла, что он собирается обезвредить биологическую бомбу, не заботясь о собственной жизни. Почему-то это разозлило его. Можно подумать, она знает его достаточно хорошо, чтобы делать такие умозаключения!

Грей пробежал по коридору, выскочил на лестничную клетку и, преодолев два пролета, оказался у двери, ведущей на крышу. Это был пожарный выход, оборудованный в соответствии со стандартами Администрации профессиональной безопасности и здоровья. Дверь была заперта на специальный засов, который при открывании автоматически приводил в действие пожарную сигнализацию. В данный момент это было как раз то, что нужно.

Грей отодвинул засов, и в воздухе разнесся пронзительный вой сирены. Он вышел в темно-серую предрассветную дымку. Крыша была выстлана рубероидом и пропитана гудроном, под ногами хрустел песок. Грей осмотрелся. Здесь имелось слишком много мест, куда можно спрятать небольшие емкости со спорами: вентиляционные отверстия, трубы, тарелки спутниковой связи… А время неумолимо таяло.

5 часов 13 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Он на крыше! – воскликнул техник, ткнув пальцем в монитор, на который транслировалась картинка со спутника.

Пейнтер наклонился поближе и увидел крошечную фигурку, показавшуюся в поле зрения камеры. Что могло понадобиться Грею на крыше? Пейнтер внимательно осмотрел все пространство вокруг.

– Погони не видно?

– Нет, сэр, я ничего такого не заметил.

– Охрана базы сообщает, что в корпусе четыреста семьдесят сработала пожарная сигнализация, – доложил Логан, оторвавшись от телефонной трубки.

– Наверняка он активировал ее, когда выбирался на крышу, – предположил техник.

– Вы можете увеличить изображение? – поинтересовался Пейнтер.

Техник кивнул и нажал на какую-то кнопку. Камера сфокусировалась на Грейсоне Пирсе. Его шлем исчез, а левое ухо было обожжено и кровоточило. Он все еще стоял у пожарного выхода.

– Что он делает? – недоуменно спросил техник.

– Охрана базы все еще на связи, – напомнил Логан.

Пейнтер тряхнул головой, но страшное подозрение уже закралось в его душу холодной змеей.

– Скажите им, чтобы не вмешивались. Пусть эвакуируют всех, кто находится поблизости от этого корпуса.

– Простите, сэр?

– Делайте, что я сказал! – рявкнул Пейнтер.

5 часов 14 минут

Фредерик, штат Мэриленд

Грей еще раз окинул крышу взглядом. Пожарная сигнализация продолжала надрываться, но он не обращал на нее внимания. Он размышлял, пытаясь поставить себя на место террористки. Как бы действовал он сам, если бы перед ним стояла такая же задача?

Грей нагнулся. Скорее всего, женщина спрятала емкости с бациллами совсем недавно, сразу после вчерашнего ливня. Внимательно приглядевшись, он заметил, что ровная поверхность песка на рубероиде кое-где потревожена. Обнаружить это было нетрудно, поскольку Грей знал, что женщина обязательно должна была пройти через эту дверь – единственный проход на крышу.

Он пошел по следам, и они привели его к вентиляционной отдушине. Ну разумеется! Вентиляционный желоб послужит превосходным выводным каналом, через который смертоносные споры после взрыва на нижних уровнях будут выброшены в пространство, словно из вулкана.

Встав на колени, Грей увидел, что ржавчина на вентиляционной решетке в одном месте поцарапана. Значит, он не ошибся. У него не было времени осматриваться в поисках мины-ловушки, поэтому он с яростным рычанием просто сорвал решетку.

Бомба находилась внутри желоба. Пятнадцать стеклянных флаконов, закрепленных вокруг бруска пластида С-4. Грей уставился на белый порошок, находившийся внутри флаконов. Прикусив нижнюю губу, он протянул руку и аккуратно вытащил бомбу из жерла воздуховода. Цифры на таймере быстро сменяли друг друга, отсчитывая секунды, оставшиеся до взрыва.

00:54.

00:53.

00:52.

Поднявшись с колен, Грей быстро осмотрел бомбу. У него не было времени разбираться в хитросплетении проводов. Заряд сработает в любом случае, поэтому сейчас главное – убрать его подальше от здания, от зоны большого взрыва и, желательно, от самого себя.

00:41.

Оставался единственный шанс. Грей сунул бомбу в нейлоновую сумку на поясе и отбежал к двери пожарного выхода. Рев сирены вызвал переполох, и теперь все прожекторы были направлены на этот корпус. Однако охранникам ни за что не поспеть сюда вовремя.

Единственный шанс. Он должен сделать это, пусть даже ценой собственной жизни!

Грей повернулся спиной к двери и рванулся по направлению к краю крыши. Достигнув его, он подпрыгнул и перелетел через кирпичный парапет. Под ним разверзлась пропасть глубиной в шесть этажей.

5 часов 15 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Господи Всемогущий! – выдохнул Логан, когда Грей прыгнул с крыши.

– Да он же форменный псих! – охнул техник.

И только Пейнтер не проявил ни малейшего удивления, негромко проговорив:

– Он делает то, что должен.

5 часов 15 минут

Фредерик, штат Мэриленд

Поджав под себя ноги и раскинув руки, чтобы сохранить равновесие, Грей летел по воздуху. Земля неотвратимо приближалась, а он молился, чтобы знание законов физики, умение анализировать сочетание факторов скорости, траектории и векторов не подвели его. Он готовился к удару.

Двумя этажами ниже и на расстоянии в двадцать ярдов его встречала круглая крыша «Восьмого яйца». Сферическая стальная поверхность гигантского контейнера вместимостью в миллион литров блестела от утренней росы.

Грей слегка изогнул тело, чтобы удар пришелся на ноги.

Время как будто ускорилось. А может, это он ускорил свое движение.

Его ноги ударились в поверхность сферы. Жидкая броня костюма мгновенно затвердела вокруг лодыжек, предохраняя их от перелома. Мощная инерция швырнула Грея вперед, он упал лицом вниз и распластался на металле. Однако он немного не дотянул до верхней точки сферы и оказался на покатом склоне, ближнем к корпусу 470. Грей скреб ногтями по стальной поверхности, но не находил ничего, за что можно было бы зацепиться. Его тело медленно скользило вниз по мокрому от росы металлу. Он раскинул ноги и попытался затормозить, упираясь носками ботинок, но и это не помогло. И вот он миновал точку невозвращения, за которой снова началось свободное падение.

Поскольку щека Грея была прижата к поверхности сферы, он не видел мостика до тех пор, пока не ударился о него левой ногой. В следующую секунду он тяжело приземлился на четвереньки на стальную конструкцию с ограждением, опоясывающую шар.

Пошатываясь от удара, Грей поднялся на ноги. Ему не верилось в то, что он еще жив. Вытаскивая бомбу из сумки на поясе, он обшаривал глазами поверхность шара. В нее были вмонтированы круглые иллюминаторы, через которые ученые когда-то наблюдали за ходом своих биологических экспериментов. За все годы использования гигантского контейнера из него не удалось вырваться ни одной патогенной бактерии. Грей молился, чтобы «Восьмое яйцо» и сегодня продемонстрировало те же качества.

Он взглянул на таймер бомбы.

00:18.

Не оставалось времени даже на то, чтобы выругаться. Грей бросился по мостику в поисках люка и, обежав примерно четверть сферы, обнаружил стальную дверь с вмонтированным в нее иллюминатором. Бросившись к ней, он ухватился за ручку и потянул ее на себя. Дверь не поддалась.

Заперто.

5 часов 15 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер видел, как Грей свалился на стальной мостик, опоясывающий гигантскую сферу, отметил напряжение и неистовую спешку, написанные на его лице, и понял, что в запасе у Пирса считанные секунды. Чуть раньше он наблюдал, как тот вытащил из воздуховода взрывное устройство. Задача, поставленная перед Грейсоном, заключалась в том, чтобы выманить на свет и обезвредить преступника, который, как предполагалось, торгует биологическим оружием, поэтому Пейнтер не сомневался, какого рода заряд находился в обнаруженной Пирсом бомбе.

Сибирская язва.

Разумеется, Грейсон не может просто зашвырнуть бомбу подальше и позволить ей взорваться. Он должен поместить ее в какое-нибудь надежное место, чтобы нейтрализовать последствия взрыва и последующего распыления убийственных бацилл. Однако пока Грею не везло.

Сколько времени осталось в его распоряжении?

5 часов 15 минут
Фредерик, штат Мэриленд
00:18

Грейсон снова побежал по мостику. Возможно, в сфере имеется еще один люк. Ему казалось, что он бежит в лыжных ботинках, поскольку лодыжки по-прежнему были скованы защитным костюмом.

Он преодолел еще четверть окружности сферы. Впереди показался второй люк.

– ЭЙ ТЫ! СТОЯТЬ!

Охрана базы.

Голос, многократно усиленный громкоговорителем, прозвучал с таким напором, что Грей чуть было не остановился. Чуть было… Но все же он продолжал бежать. На него упал луч мощного прожектора.

– СТОЙ, ИЛИ МЫ ОТКРЫВАЕМ ОГОНЬ!

Грею некогда было вести переговоры. Загрохотали автоматы, и пули, рикошетя, высекли искры из стальной поверхности «Восьмого яйца». Ни одна из них не легла рядом с Греем. Предупредительные выстрелы.

Он поравнялся с люком, ухватился за ручку, повернул и потянул на себя. Хоть и с трудом, но дверь поддалась. Из груди Грея вырвался вздох облегчения. Он швырнул бомбу в чрево контейнера, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, а затем сполз по ней вниз, на мостик.

– ЭЙ ТЫ, ТАМ! ОСТАВАЙСЯ НА МЕСТЕ! НЕ ДВИГАЙСЯ!

У Грея не было ни малейшего желания куда-либо двигаться. Ему и здесь было хорошо. Он ощутил спиной слабый толчок, и сфера завибрировала и загудела, как колокол после удара. Внутри ее сработало взрывное устройство, надежно изолированное от окружающего мира стальной оболочкой.

Но это был лишь первый из серии оглушительных взрывов, потрясших землю: буммм, буммм, буммм… Их последовательность, равномерность, мощность – все было тщательно, профессионально выверено. Начался снос корпуса 470. Правда, намного раньше, чем запланировано.

Даже находясь на противоположной стороне сферы, Грей почувствовал легкое движение воздуха, а затем услышал мощный рокот, как будто старое здание сделало последний в своей жизни вдох и шумно выдохнуло. В воздух поднялась огромная туча пыли и обломков. Сложившись словно карточный домик, корпус 470 превратился в гору кирпичной пыли и искореженной арматуры. Грей поднял голову и увидел огромный плюмаж дыма и пыли, который взметнулся под облака и стал принимать форму уродливого серого гриба. Но главным было то, что ветер, разносивший во все стороны эту пыль, не нес с собой смертоносные бактерии.

Наконец в развороченных недрах погибшего здания прогремел последний взрыв, обрушив на сферу колючий дождь из кирпичной крошки. Земля закачалась, и Грей услышал какой-то новый звук. Скрежет металла.

Рукотворное землетрясение привело к тому, что две из двенадцати стальных опор, на которых держалось «Восьмое яйцо», согнулись, как если бы сфера вдруг решила встать на колени. Все огромное сооружение накренилось в сторону от рухнувшего здания.

Затем одна за другой начали гнуться остальные опоры. Контейнер на миллион литров стал заваливаться прямо на грузовики с сотрудниками охраны. А на боку этой гигантской туши, на той ее стороне, которой она должна была удариться о землю, находился Грейсон Пирс.

Он вскочил на ноги и побежал по мостику, стараясь выбраться из опасной зоны. Но поскольку огромный шар продолжал валиться, уже через несколько шагов Грей обнаружил, что мостик вздыбился перед ним почти вертикально и превратился в лестницу. Цепляясь руками за детали металлической конструкции, Грей отталкивался ногами от стоек ограждения. Последний отчаянный бросок вперед – и он вырвался наконец из тени падающего шара.

«Восьмое яйцо» рухнуло на газон и вдавилось в пропитанную дождем почву. Удар был настолько сильным, что Грея сбросило с мостика. Он полетел вниз и шмякнулся спиной о мок-

рую траву. На этот раз полет продолжался недолго: к счастью, Грей находился всего в нескольких ярдах от земли.

Опершись на локоть, он приподнялся. Вереница грузовиков с охранниками подалась назад, чтобы не попасть под падающую стальную махину, но они все еще были здесь. А Грей не мог позволить, чтобы его поймали.

Он со стоном поднялся на ноги и поковылял в ту сторону, где из руин разрушенного взрывами здания поднимались клубы дыма. Только сейчас до его слуха донеслись завывания сирены, раздававшиеся по всей территории базы. На ходу Грей избавился от своего защитного костюма. Под ним оказалась гражданская одежда, и он прицепил к карману рубашки идентификационную карточку, с помощью которой проник на базу. Теперь нужно было как можно скорее добраться до дальней стороны внутреннего двора, до следующего здания, возле которого он оставил свой мотоцикл.

Двухколесная машина оказалась на месте. Перебросив ногу через седло, Грей повернул ключ в замке зажигания, и мотор довольно заурчал, радуясь тому, что его вернули к жизни. Грей потянулся к рукоятке газа, но внезапно остановился. На руле мотоцикла что-то висело. Грей отцепил этот предмет, поглядел на него и сунул в карман.

Черт!..

Он нажал на газ и направил мотоцикл в ближайшую аллею. Путь в данный момент был свободен. Сгорбившись над рулем, Грей пришпорил двигатель и стрелой пролетел между темными зданиями. Оказавшись у Портер-стрит, он резко вывернул руль влево, чиркнув коленом по асфальту, когда мотоцикл почти лег набок. На дороге было всего две машины, но ни одна из них не принадлежала военной полиции, поэтому Грей, заложив еще один резкий вираж, пронесся мимо них в направлении другой части базы – Наллин-Понд, которая представляла собой парковую зону с большим количеством лиственных деревьев. Здесь Грей сможет переждать возникший на базе переполох, а потом ускользнет незамеченным. По крайней мере, сейчас он находился в безопасности.

И все же он по-прежнему ощущал тяжесть предмета, лежавшего в его кармане. Предмета, который кто-то повесил на руль его мотоцикла.

Серебряной цепочки с кулоном в виде дракона.

5 часов 48 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер отошел от приборной консоли. Техник засек побег Грейсона на мотоцикле, после того как тот вырвался из облака дыма и пыли. Логан до сих пор висел на телефоне, передавая информацию по засекреченным каналам, забалтывая своих собеседников из Форт-Детрика и внушая им, что ничего особенного не произошло. Эту версию поддержит самое высокое руководство, и происшествие на базе будет списано на плохую ведомственную координацию, скверное качество связи, устаревшее вооружение. Короче, на все, что угодно, но организация «Сигма» не будет упомянута нигде.

Техник поправил наушник:

– Сэр, на проводе директор УППОНИР.

– Переключите его на меня, – откликнулся Пейнтер и поднял трубку стоящего рядом с ним телефонного аппарата.

Приложив трубку к уху, он услышал характерный звук включения шифрующего устройства. Затем наступило молчание, от которого по всему телу Пейнтера поползли мурашки, и техник молча кивнул ему, давая понять, что связь установлена. Хотя на линии по-прежнему царило молчание, Пейнтер будто воочию видел своего наставника и командира.

– Директор Макнайт? – осведомился он, думая, что шеф позвонил, скорее всего, для того, чтобы получить отчет о проведенной акции.

Выяснилось, что он ошибался.

– Пейнтер, – раздался голос на другом конце линии, – я только что получил разведданные из Германии, и они носят очень тревожный характер. Странная массовая гибель людей в Кёльнском соборе. Мы должны послать туда команду. Не позже вечера.

– Так быстро?

– Подробности я сообщу в течение пятнадцати минут, но учти, команду должен возглавить твой самый лучший агент.

Взгляд Пейнтера был устремлен на монитор с картинкой со спутника. Он смотрел на мотоцикл, мчащийся по холмам, лавирующий между деревьями.

– Пожалуй, у меня есть нужный человек, – проговорил он, – но могу ли я узнать, чем вызвана такая срочность?

– Рано утром поступил звонок с требованием провести расследование необычного происшествия в Германии. В качестве особого условия было выдвинуто участие в нем «Сигмы».

– Требование? От кого?

Что-либо требовать от Макнайта мог только один человек – президент Соединенных Штатов Америки, но и на сей раз предположение Пейнтера оказалось ошибочным.

– От Ватикана, – отрезал директор.

2
ВЕЧНЫЙ ГОРОД

24 июля, полдень (местное время)
Рим, Италия

Обед с мамой и сестрой, судя по всему, полетел к чертовой матери.

Лейтенант Рейчел Верона спустилась по узкой лестнице, которая вела глубоко в подземелье базилики Святого Климента. Раскопки под знаменитой церковью продолжались уже более двух месяцев, а проводила их маленькая группа археологов из университета Неаполя.

– Lasciate ogni speranza… – пробормотала себе под нос Рейчел.

Профессор Лена Джованна, руководитель раскопок, а сегодня – ее гид по подземным катакомбам, с удивлением посмотрела на нее. Это была высокая женщина в возрасте далеко за пятьдесят лет, но из-за сильной сутулости она казалась старше и ниже ростом. Профессор Джованна устало улыбнулась:

– Я вижу, вы знаете Данте Алигьери! «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate» – «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Рейчел смутилась. Согласно Данте, эта фраза была начертана на вратах преисподней. Ей не хотелось, чтобы ее слова были услышаны, но здешняя акустика подвела.

– Извините, если я вас обидела, профессор, – извиняющимся тоном сказала она.

Ее спутница только поцокала языком и добродушно ответила:

– Не стоит извиняться, лейтенант. Наоборот, для меня является приятным сюрпризом, что хоть кто-то из карабинеров способен цитировать Данте. Тем более если это человек, который работает на Tutela Patrimonio Culturale – Управление по охране культурных ценностей.

Рейчел прекрасно понимала причину этого небольшого недоразумения. Большинство людей воспринимали карабинеров плоско и однозначно: мужчины и женщины в форме и с оружием патрулируют улицы и охраняют здания. Однако сама она пришла работать в полицию, окончив университет и имея степень в области психологии и истории. Рейчел пригласили в корпус карабинеров, когда она была еще студенткой, и после университета она провела два года в специальном учебном заведении для офицеров полиции, изучая международное законодательство. После этого Рейчел оказалась в распоряжении генерала Ренде, возглавлявшего спецподразделение карабинеров по борьбе с кражами произведений искусства и предметов старины.

Сойдя с последней ступени лестницы, Рейчел шагнула в глубокую лужу затхлой воды. В результате грозы, бушевавшей над Римом на протяжении нескольких последних дней, городские подвалы сильно затопило. Она с грустью посмотрела себе под ноги. Что ж, не так уж и глубоко – всего по щиколотки.

Ей одолжили резиновые сапоги размера на три больше, вероятно мужские, а собственные туфли-лодочки от Феррагамо, подарок мамы на день рождения, она держала в руке. Рейчел не решилась оставить их на лестнице – слишком много кругом ворья. Если бы эти туфли украли или она испортила бы их, мама замучила бы ее упреками.

А вот на профессоре Джованне был рабочий комбинезон – гораздо более подходящая одежда для путешествий по затопленному водой подземелью, нежели голубые слаксы и шелковая блузка в цветочек, надетые на Рейчел. Однако когда четверть часа назад ее пейджер разразился истеричным пиканьем, она направлялась на давно планировавшийся обед с мамой и сестрой, и у нее не было времени, чтобы вернуться домой и переодеться в служебную форму. По крайней мере, если она все еще надеялась успеть на званый обед.

Поэтому она направилась прямиком сюда и была встречена парой местных карабинеров. Рейчел оставила их в базилике, а сама приступила к первоначальной стадии расследования совершенного похищения.

Но с другой стороны, Рейчел была даже довольна тем, что обстоятельства помешали ей встретиться с мамой и сестрой. Она долго откладывала неизбежное объяснение с матерью по поводу того, что между ней и Джино все закончилось. Ее теперь уже бывший любовник ушел от нее месяц назад. Рейчел словно наяву видела укоризненный взгляд матери, словно говорящий: «Я же тебя предупреждала…», хотя на самом деле вслух эта фраза так никогда и не будет произнесена. А ее старшая сестра, вышедшая замуж три года назад, будет сидеть, многозначительно крутить на пальце обручальное кольцо с бриллиантом и скорбно кивать головой, молчаливо соглашаясь с матерью.

Они обе не одобряли выбор профессии Рейчел. «Как ты собираешься удержать мужчину, который окажется рядом с тобой? – нараспев говорила мама. – Ты накоротко остригла свои изумительные волосы, ты спишь с пистолетом под подушкой. Какой мужчина станет терпеть такое?»

Именно по этой самой причине Рейчел очень редко навещала своих родственников, обитавших в пригороде Рима – местечке под названием Кастельгандольфо, неподалеку от летней резиденции Папы, где их семья поселилась после Второй мировой войны.

Из всех родичей ее понимал только один человек – бабушка. Они с Рейчел одинаково любили предметы старины и стрелковое оружие. Еще маленькой Рейчел жадно слушала рассказы бабушки о войне: страшные истории, окаймленные кружевом специфического юмора. В тумбочке бабули до сих пор лежал смазанный и отполированный немецкий «Люгер Р-08», реликт последней войны, украденный у фашистов во время бегства их семьи от нацистов. Нет, бабуля была не из тех старушек, которые тратят оставшиеся им дни на вязание.

– Ну вот мы и пришли, – сказала профессор Джованна, шлепая по лужам. – Мои ученики следят за тем, чтобы здесь все было в порядке.

Идя следом за своим проводником, Рейчел подошла к низкому дверному проему и, нагнувшись, вошла внутрь. Освещенное неровным, мигающим светом карбидных фонарей, это помещение больше напоминало пещеру. Высоко над их головами свод изгибался куполом, выложенным из огромных кусков отесанного вулканического туфа. Рукотворный грот. Древнеримское святилище.

Вытаскивая ноги из липкой грязи, Рейчел постоянно чувствовала махину базилики над своей головой. Возведенная в XII веке в честь святого Климента, эта церковь была построена на месте другого святилища, сооруженного еще в IV веке от Рождества Христова. Но и это древнее святилище скрывало в себе темную тайну, поскольку располагалось на руинах древнеримских сооружений, в том числе и языческого храма, создание которых датировалось I веком. Такие «надстройки» – один храм поверх другого – были обычным явлением: новая религия хоронила под собой прежнюю.

Рейчел почувствовала знакомую дрожь. Это чувство не раз посещало ее в моменты, когда она соприкасалась с его величеством Временем, ощущая его многотонный груз. Хотя один век хоронил под собой другой, они все присутствовали здесь: история человечества, запечатленная в камне и молчании. В этом храме царила торжественность не меньшая, чем в том, что находился наверху.

– Это мои студенты, – сказала профессор Джованна. – Тиа и Роберто.

Проследив за взглядом спутницы, Рейчел с трудом разглядела в полутьме силуэты двух людей, темноволосых и одетых в одинаковые рабочие комбинезоны. Они были заняты тем, что прикрепляли ярлыки к осколкам разбитой древней вазы, но теперь поднялись на ноги, чтобы поздороваться с пришедшими. В правой руке Рейчел были по-прежнему зажаты ее туфли, поэтому она протянула левую и обменялась со студентами рукопожатиями. На вид им нельзя

было дать больше пятнадцати лет, но, возможно, дело было в том, что после того, как Рейчел отпраздновала свое тридцатилетие, все остальные стали казаться ей сосунками.

– Сюда, – сказала профессор, ведя Рейчел к алькову в дальней стене помещения. – Воры, по-видимому, проникли внутрь во время вчерашней грозы.

Профессор Джованна направила луч фонарика на мраморную статую, стоявшую в дальней нише. Она была примерно в метр высотой. Точнее, была бы, если бы имела голову. Теперь от нее остались лишь торс, ноги и горделиво торчащий вперед каменный пенис. Древнеримский бог плодородия.

Женщина-ученый горестно покачала головой:

– Какая трагедия! Это было единственное скульптурное изваяние, которое мы обнаружили здесь в полной сохранности.

Рейчел понимала отчаяние, испытываемое женщиной. Протянув руку, она пробежалась пальцами по месту скола на шее статуи и ощутила характерные неровности.

– Слесарная ножовка, – констатировала она.

Это было орудие современных расхитителей гробниц, простое в использовании и достаточно компактное, чтобы его можно было легко спрятать. С помощью этого немудрящего инструмента воры крали, уродовали и уничтожали произведения древнего искусства по всему Риму. Вандалам требовалось совсем немного времени, чтобы вытащить ножовку из складок одежды и отпилить часть ценной статуи или другого предмета. Случалось, они делали это даже в те короткие минуты, когда гид или куратор выставки оборачивался к ним спиной.

Игра стоила свеч. Незаконный оборот предметов старины оказался весьма доходным бизнесом и по прибыльности уступал лишь торговле наркотиками, отмыванию денег и контрабанде оружия. Именно поэтому в 1992 году военные приняли решение создать спецподразделение по борьбе с кражами произведений искусства и предметов старины, которое еще называли «полицией культурного наследия». Работая рука об руку с Интерполом, сотрудники подразделения пытались положить конец этой вакханалии вандализма.

Рейчел наклонилась к подножию статуи и снова ощутила знакомое жжение внизу живота. Нет, с самочувствием у нее все было в порядке, но она испытывала эту почти физическую боль каждый раз, когда видела, как – пусть по крохам, по небольшим кусочкам – растаскивается, уничтожается многовековая римская история. Это было преступление против самого времени.

– Ars longa, vita brevis, – прошептала она афоризм Гиппократа, один из ее любимых: «Жизнь коротка, искусство вечно».

– Действительно, – подтвердила профессор страдальческим голосом, – это была уникальная находка. Великолепно сохранившийся мрамор, тонкая работа поистине выдающегося мастера. И так изуродовать ее!

– А почему эти гады не забрали всю статую? – спросила студентка по имени Тиа. – Тогда она хотя бы целой осталась!

Рейчел постучала одной из своих туфель по мраморному пенису скульптуры и ответила:

– Несмотря на то что здесь статуя выглядит сравнительно небольшой, она все же слишком велика для того, чтобы таскаться с ней по городу. У воров, по всей видимости, уже имелся покупатель, причем наверняка иностранец. Одну только голову проще перевезти через границу, чем всю скульптуру.

– Есть ли какая-нибудь надежда на то, что пропажа будет обнаружена? – с тревогой спросила профессор Джованна.

Рейчел не хотела давать несбыточных обещаний. Из шести тысяч предметов старины, похищенных в прошлом году, обнаружены были считанные единицы.

– Мне понадобится фотография статуи в нетронутом виде для отправки в Интерпол, причем желательно, чтобы хорошо была видна голова.

– У нас есть база данных изображений в цифровом формате, – сказала профессор Джованна. – Я могу переслать вам снимки по электронной почте.

Рейчел кивнула и снова перевела взгляд на обезглавленную статую.

– А может быть, Роберто сам сообщит нам о том, что он сделал с головой статуи? – спросила вдруг она.

Взгляд профессора метнулся к молодому человеку. Роберто сделал шаг назад.

– Ч-ч-что?.. – Его взгляд заметался по помещению, а потом остановился на лице преподавателя. – Профессор… честное слово… Я ничего не знаю! Это безумие какое-то!

Рейчел продолжала смотреть на статую, размышляя о том, вернуться ли на работу или рискнуть, предприняв мгновенную атаку прямо здесь. Первый вариант повлечет за собой нескончаемые допросы, груду бумажной работы. Женщина закрыла глаза и подумала об обеде, на который она уже опоздала. Кроме того, если она хочет обнаружить пропавшую голову, от быстроты ее действий также очень многое зависит.

Открыв глаза, она заговорила, словно обращаясь к статуе:

– Известно ли вам, что шестьдесят четыре процента краж предметов старины совершаются теми, кто непосредственно работает на раскопках?

С этими словами она повернулась к троице археологов.

Профессор Джованна нахмурилась:

– Не думаете же вы на самом деле, что Роберто…

– Когда была обнаружена статуя? – задала вопрос Рейчел.

– Э-э-э… два дня назад. Но я поместила сообщение о нашей находке и ее изображение на интернет-сайте университета Неаполя, так что о ней многие знали.

– А сколько людей знали о том, что во время последней грозы раскопки не будут охраняться? – Рейчел не спускала глаз с молодого человека. – Роберто, вам есть что сказать?

Его лицо выражало крайнюю степень растерянности и смущения.

– Нет… я… я не имею с этим ничего общего.

Рейчел отцепила от пояса рацию.

– В таком случае вы, полагаю, не будете возражать, если мы обыщем ваше жилище? А вдруг нам удастся обнаружить там ножовку с остатками мраморной пыли?

В его глазах вспыхнул злой огонек.

– Я… я… – начал он, но Рейчел не дала ему договорить.

– Пять лет тюремного заключения! – отчеканила она. – Минимум!

В колеблющемся свете фонариков было видно, как побледнел парень.

– Если вы добровольно поможете следствию, я обещаю, что по отношению к вам будет проявлено снисхождение.

Роберто помотал головой, и было непонятно, от чего он отказывается.

– Ну что ж, я предоставила вам шанс, но вы им не воспользовались.

Рейчел поднесла рацию к губам и нажала кнопку. Под сводчатыми стенами раздался шипящий звук радиопомех.

– Нет! – крикнул Роберто, подняв руку и делая ей знак остановиться.

Для Рейчел это не стало неожиданностью. Молодой человек потупился. Воцарилось долгое молчание, и Рейчел не стала нарушать его. Она хотела, чтобы юный преступник сделал признание без ее принуждения.

Наконец Роберто всхлипнул и заговорил прерывающимся голосом:

– У меня… были долги… Карточные долги… У меня не оставалось выбора…

– Боже милостивый! – выдохнула профессор Джованна и приложила ладонь ко лбу. – Роберто, как же ты мог!

У студента не было ответа.

Рейчел могла представить себе, какое давление оказали на юношу те, кто организовал это похищение. Это было обычным явлением, именно так делались подобные черные дела. Парень стал всего лишь маленькой ячейкой в огромной, широко раскинутой сети, организации столь мощной, что выкорчевать окончательно ее, наверное, не удастся никогда. Максимум, на что могла надеяться Рейчел, это своевременно срезать новые побеги ядовитого куста.

Она снова поднесла рацию к губам:

– Карабинер Джерардо, я поднимаюсь наверх кое с кем, у кого может быть дополнительная информация в связи с пропажей.

– Вас понял, лейтенант, – прозвучал голос из рации.

Рейчел выключила рацию. Роберто стоял, закрыв лицо руками. Его карьере ученого пришел конец.

– Как вы узнали? – спросила профессор.

Рейчел не сочла нужным пускаться в долгие объяснения относительно того, что члены преступных группировок постоянно – уговорами, подкупом, угрозами – вовлекали в орбиту своей криминальной деятельности людей, занятых на археологических раскопках. Это была весьма распространенная практика, причем в сети, расставленные преступниками, попадали в первую очередь слабовольные или наивные люди.

Она отвернулась от Роберто. Зачастую, как случилось сейчас, для того чтобы раскрыть преступление по горячим следам, Рейчел было достаточно определить, кто среди археологов является слабым звеном. Что касается этого парня, то у нее не было никаких особых оснований подозревать именно его. Она всего лишь выдвинула предположение и слегка надавила на Роберто.

Да, существовал определенный риск того, что она поторопилась. В этом случае Рейчел потерпела бы фиаско. А вдруг преступником оказался бы не Роберто, а Тиа? Воспользовавшись тем, что Рейчел пустилась по ложному следу, девушка преспокойно сумела бы передать украденный раритет покупателю. А если бы злоумышленником оказалась профессор Джованна, решившая подработать на продаже собственных археологических открытий? Одним словом, существовало множество факторов, которые могли бы пустить насмарку едва начавшееся расследование, однако Рейчел умела рисковать и чаще всего бывала вознаграждена за этот риск.

Профессор Джованна по-прежнему смотрела на нее, и в глазах ее читался все тот же немой вопрос: как она поняла, что преступление совершил Роберто?

Рейчел поглядела на мраморный фаллос. Это он дал ей подсказку – единственную, но очень важную.

– На черном рынке хорошо продаются не только головы древних скульптур, – заговорила она. – Существует также огромный спрос на предметы искусства эротического характера, причем их стоимость может быть в четыре раза выше. Я подумала, что для вас, женщин, не стало бы проблемой отпилить у статуи столь… гм… выдающуюся деталь. А вот у мужчины вряд ли поднимется рука – они воспринимают это слишком близко к сердцу.

Рейчел усмехнулась и направилась к лестнице, обронив напоследок:

– Они даже своих собак не кастрируют.

13 часов 34 минуты

Уже опоздала…

Кинув взгляд на часы, Рейчел заторопилась по выложенной брусчаткой площади перед базиликой Святого Климента. Она наступила на качающийся камень, потеряла равновесие и сделала несколько неверных шагов, но все же не упала. Оглянувшись на предательский булыжник, она посмотрела на свои туфли-лодочки.

Merda![8]

По внешней стороне одной туфли протянулась широкая царапина. Рейчел подняла глаза к небу и подумала: какого святого она прогневила? Впрочем, судя по тому, как складывались события, разгневанные на нее святые уже выстроились в очередь.

Она продолжила путь, уворачиваясь от ненормальных велосипедистов, которые так и носились вокруг, словно перепуганные голуби. Теперь она шла не так быстро, внимательно глядя под ноги и напоминая себе мудрые слова императора Августа: «Festina lente». «Торопись медленно».

Но с другой стороны, у императора Августа не было матери, которая своими вечными придирками и нытьем может свести с ума даже лошадь.

Наконец Рейчел дошла до «мини-купера», припаркованного на краю площади. Полуденное солнце выкрасило его слепящим серебром, и Рейчел улыбнулась – пожалуй, впервые за целый день. Эта машина тоже являлась подарком на день рождения, и сделала его себе сама Рейчел. В конце концов, тридцать лет исполняется только один раз в жизни! Машина оказалась немного экстравагантной, особенно после того, как по заказу Рейчел салон был выполнен из натуральной кожи и были добавлены некоторые дополнительные детали, например откидная крыша. Ну и что, зато теперь у нее есть хоть какая-то радость в жизни!

Не исключено, что это было одной из причин, по которым месяц назад ее бросил Джино: машина вдохновляла Рейчел гораздо сильнее, нежели мужчина, с которым она делила постель. Ну и черт с ним! Это был стоящий обмен, поскольку от общения со своей машиной она получала гораздо больший заряд положительных эмоций. Кроме того, откидной верх… Рейчел относилась к женщинам, высоко ценящим гибкость, и если она не могла получить этого от своего мужчины, то теперь получала от своей машины.

Рейчел открыла дверцу, но раньше, чем она успела сесть на водительское сиденье, зазвенел сотовый телефон, укрепленный у нее на поясе. Ну что там еще? Скорее всего, звонил карабинер Джерардо, на попечение которого она передала Роберто. Молодого человека отправили в полицейский участок Париоли, где он будет допрошен. Взглянув на дисплей телефона, Рейчел узнала коды страны и города – 39–06,– но сам номер был ей незнаком. Кто может звонить ей из Ватикана?

Она поднесла трубку к уху и сказала:

– Лейтенант Верона слушает.

Знакомый голос проговорил:

– Как поживает моя любимая племянница? Чем она занимается кроме того, что огорчает свою мать?

– Дядя Вигор?

Лицо Рейчел расцвело улыбкой. Это был ее дядя, более известный как монсиньор Вигор Верона, ректор Папского института христианской археологии. Но сейчас он говорил с ней не из своего университетского кабинета.

– Я звонил твоей маме, думал, ты у нее, но у карабинеров, судя по всему, рабочий день не нормирован? И это, кажется, не очень по нраву твоей мамочке.

– Я сейчас как раз еду в ресторан.

– Ты и поехала бы туда, если бы не мой звонок. Теперь планы меняются.

– Дядя Вигор, о чем ты…

– Я уже выразил своей дорогой сестре глубочайшее сожаление по поводу того, что ваш обед откладывается. Вместо этого вы встретитесь за ранним ужином в ресторане «Матричиано». Разумеется, в качестве компенсации за это небольшое неудобство платить за ужин придется тебе.

---

[8] Merda – дерьмо (*ит.*).

«Кто бы сомневался! – подумала Рейчел. – И платить придется не только евро, а еще и изрядно попорченными нервами».

– А что произошло, дядя?

– Ты мне нужна здесь, в Ватикане. Немедленно! Пропуск будет ждать тебя на воротах Святой Анны.

Рейчел посмотрела на часы. Чтобы добраться туда, ей придется проехать половину Рима.

– У меня назначена встреча в полицейском участке с генералом Ренде по поводу расследования, которое я веду.

– Я уже поговорил с твоим начальником, и он не имеет ничего против твоей экскурсии сюда. Более того, ты поступаешь в мое распоряжение на всю неделю.

– На неделю?!

– А может, и больше. Я расскажу все, как только ты окажешься здесь.

Дядя подробно объяснил, где он хочет с ней встретиться, после чего брови Рейчел поползли вверх от удивления. Но прежде, чем она успела задать ему хотя бы еще один вопрос, дядя сказал:

– Ciao, bambina[9],– и отключил связь.

Тряхнув головой, словно отказываясь верить собственным ушам, Рейчел села за руль и завела двигатель.

Похоже, когда начинал говорить Ватикан, почтительно умолкали даже военные. С другой стороны, ее семейство и семья генерала Ренде дружили уже на протяжении двух поколений, а сам Ренде и ее дядя Вигор были близки, как братья. То, что генерал обратил на Рейчел внимание и пригласил ее в свою службу после окончания Римского университета, было вовсе не простой случайностью. С тех пор как пятнадцать лет назад в автокатастрофе погиб ее отец, дядя всячески опекал Рейчел и присматривал за ней.

Под его покровительством она в течение каждого лета исследовала бесчисленные музеи Рима, живя с монахинями монастыря Святой Бригиды неподалеку от Григорианского университета[10] (известного также под сокращенным названием «Григ»), в котором дядя Вигор проводил свои исследования и читал лекции.

Возможно, дядя поначалу надеялся, что племянница пойдет по его стопам и посвятит жизнь служению церкви в одном из монастырей, но со временем, видимо, понял, что Рейчел слишком непоседлива и активна для благочестивой монастырской жизни, и не стал навязывать ей свою волю. Зато за многие летние месяцы, проведенные вместе, ему удалось наделить племянницу одним поистине бесценным даром: поселить в ее душе любовь к истории и искусству, которое навеки запечатлело гений человечества в мраморе и граните, в масляных красках, стекле и бронзе.

Однако, судя по всему, дядя еще не окончательно потерял интерес к племяннице.

Надев солнцезащитные очки с синими стеклами от Рево, Рейчел поехала по улице Лабикано, направляясь к громаде Колизея. На дорогах образовались страшные пробки, но Рейчел сумела объехать их по второстепенным улочкам, узким и вплотную заставленным припаркованными вдоль тротуаров машинами. Она лавировала между другими автомобилями с умением пилота «Формулы-1», который вступил в борьбу за Гранпри. Подъехав к развороту, где машины, выезжавшие с пяти различных улиц, сливались в одну сумасшедшую карусель, Рейчел прибавила газу. Туристы обычно говорят про римских водителей, что они нетерпеливы, невежливы и любят гонять. Рейчел, напротив, считала их настоящими копушами.

---

[9] До свидания, девочка (*ит.*).

[10] Папский Григорианский университет был создан в 1552 г. Игнатием Лойолой с одобрения Папы Юлия III. С тех пор университетом традиционно руководят иезуиты.

Она втиснулась между грузовиком с открытой груженой платформой и напоминавшим огромную коробку автобусом «Мерседес С-500». Ее «мини-купер» был похож на стрелу, пролетающую между двумя слонами. Обогнав «мерседес», она вильнула вправо, заняв крохотную нишу впереди него, и получила вдогонку возмущенный рев клаксона, которым наградил ее водитель сзади. Вскоре она выехала с круга, свернув на основную магистраль, ведущую по направлению к Тибру.

Управляя автомобилем, Рейчел цепко фиксировала взглядом все, что происходит справа и слева от нее. Для того чтобы ездить по улицам Рима, от водителя требовалась не столько осторожность, сколько умение планировать каждое следующее действие. Именно благодаря этому Рейчел заметила за собой хвост. Черный седан «БМВ» пристроился через пять автомобилей позади нее.

Кому понадобилось преследовать ее и с какой целью?

14 часов 05 минут

Через четверть часа Рейчел затормозила у въезда в подземный гараж за территорией Ватикана. Выйдя из машины, она огляделась, но черного «БМВ» и след простыл. Он исчез, как только женщина миновала мост через Тибр, и после этого не появлялся.

– Спасибо, – сказала она в трубку сотового телефона, – машина отстала.

– Вы уверены в том, что вам ничто не грозит? – спросил мужчина.

Это был дежурный по отделению офицер. Рейчел позвонила ему сразу после того, как обнаружила хвост, и постоянно оставалась на связи.

– Похоже на то, – ответила она.

– Может быть, выслать к вам патрульную машину?

– В этом нет необходимости. Здесь, на площади, все время дежурят карабинеры, так что теперь я в безопасности. Ciao.

Она вовсе не чувствовала неловкости из-за того, что подняла ложную тревогу. Над ней никто не станет смеяться. В корпусе карабинеров не только не осуждали, но даже поощряли некоторую долю здоровой паранойи у своих сотрудников.

Рейчел нашла пустое парковочное место, вышла из машины и заперла ее. В руке она все еще держала сотовый телефон, хотя ей было бы спокойней, если бы вместо него ее ладонь сжимала 9-миллиметровый пистолет.

Поднявшись из подземного гаража на поверхность, женщина направилась к площади Святого Петра. Несмотря на то что она приближалась к мировому архитектурному шедевру, ее глаза обшаривали прилегающие к площади улицы. Черного «БМВ» по-прежнему не было видно. Скорее всего, люди, сидевшие в нем, были обычными туристами, предпочитающими в полуденную жару знакомиться с городскими достопримечательностями не пешком, а в комфортабельных условиях дорогого лимузина с кондиционером. На летние месяцы приходился пик туристического сезона, а Ватикан являлся непременным пунктом экскурсионной программы подавляющего большинства визитеров. И вообще, с какой стати она решила, что эта машина следит за ней? В конце концов, не зря ведь говорят, что все дороги ведут в Рим!

Со вздохом облегчения Рейчел прицепила телефон к поясу и продолжила свой путь к дальнему концу выложенной известковым туфом площади, где возвышался собор Святого Петра, построенный над могилой погибшего мученической смертью святого. Купол собора, спроектированный Микеланджело, являлся высшей точкой Рима. С обеих сторон двумя широкими арками расходилась двойная колоннада Бернини, посередине которой и располагалась площадь в форме замочной скважины. Согласно замыслу Бернини, колоннада должна была символизировать руки святого Петра, распростертые ко всей верующей пастве. А с этих «рук» на зрелище, разворачивающееся внизу, смотрели, склонив головы, сто сорок высеченных из камня святых.

А посмотреть было на что!

Место, где раньше был цирк Нерона и где когда-то замучили святого Петра, распяв его вниз головой, по-прежнему оставалось настоящим цирком. Неумолчный гул тысяч голосов, тараторящих на всех языках мира: французском, арабском, польском, иврите, голландском, китайском… Туристы, островками сгрудившиеся вокруг своих гидов, с фальшивыми улыбками позирующие перед фотокамерами… Несколько молящихся с Библиями в руках, набожно склонивших головы… Небольшая группа католиков из Кореи, одетых в желтые одежды: они преклонили колени прямо на камнях площади… И повсюду суетились уличные торговцы, бойко сбывая туристам папские монеты, ароматизированные четки и освященные распятия.

Еле протолкавшись сквозь это столпотворение, Рейчел с облегчением подошла к одному из пяти входов на территорию Ватикана, ближайшему к цели ее назначения. Porta Sant'Anna. Ворота Святой Анны.

Она остановилась перед одним из швейцарских гвардейцев, которые на протяжении веков охраняли Ватикан. Гвардеец был в темно-синей форме с белым воротничком и в черном берете. Он спросил имя посетительницы, проверил ее документы и с удивлением окинул взглядом стройную фигуру Рейчел, словно не веря в то, что эта хрупкая женщина – лейтенант карабинеров. Вполне удовлетворенный проверкой, гвардеец подвел ее к сотруднику виджиланцы – ватиканской полиции, который вручил ей ламинированный пропуск.

– Он должен постоянно находиться при вас, – предупредил ее полицейский.

Следуя за толпой других посетителей, Рейчел вошла в ворота и двинулась по виа Пеллегрино – улице Пилигримов. Большая часть города-государства была закрыта для посторонней публики. Единственными местами, открытыми для посещения туристов, являлись собор Святого Петра, а также знаменитые музеи и сады Ватикана. На остальную территорию площадью в сто акров без специального пропуска попасть было невозможно.

Но одна часть была закрыта практически для всех, за исключением горстки избранных, – Апостольский дворец, резиденция Папы. Туда-то сейчас и направлялась Рейчел.

Она прошла мимо казарм из желтого кирпича, в которых размещались швейцарские гвардейцы, а затем миновала серую громадину церкви Святой Анны. Здесь ни на секунду не возникало ощущения святости самого святого в мире города – так, обычная улица, заполненная прохожими и запруженная томящимися в автомобильной пробке машинами. Миновав папскую типографию и почтовое управление, Рейчел увидела впереди Апостольский дворец.

Приближаясь к нему, она рассматривала это здание из серого камня. С виду оно больше напоминало рядовой дом, в каких обычно размещаются правительственные учреждения, и, глядя на него, было сложно поверить в то, что здесь располагается ни много ни мало как сам Святой престол. Взять ту же крышу: плоская, тускло-коричневая, невзрачная. Однако Рейчел знала, что на верхнем этаже Апостольского дворца лежит изумительный потайной сад – с фонтанами, ровными дорожками, вдоль которых выстроились увитые растениями шпалеры и аккуратно подстриженные кусты. Все это было скрыто под фальшивой крышей, предназначенной для того, чтобы укрыть Его Святейшество от нескромных взоров гуляющих внизу, а то и от зоркого взгляда снайпера, который мог затаиться на одной из близлежащих городских крыш, вооружившись винтовкой с мощным оптическим прицелом.

Для Рейчел этот дворец во многом отождествлялся с самим Ватиканом – загадочным, полным тайн, отчасти даже немного одержимым манией повсюду создавать эти самые тайны, но по сути своей – городом простой красоты и благочестия. И возможно, отчасти то же самое можно было сказать о самой Рейчел. Она никогда не являлась ревностной католичкой и посещала церковь только в дни религиозных праздников, но при этом в ее душе жила истинная вера.

После того как Рейчел миновала пост службы безопасности, ей пришлось еще трижды предъявлять свой пропуск швейцарским гвардейцам. И отчего-то ей вспомнилось, как Петр трижды отрекся от Христа раньше, чем прокричал петух.

Наконец Рейчел пропустили в само здание, где ее уже ждал проводник – молодой семинарист-американец по имени Джейкоб. Это был худощавый молодой человек лет двадцати пяти, со светлыми, уже сильно поредевшими волосами. Он был одет в черные льняные брюки и белую рубашку, застегнутую на все пуговицы.

– Пожалуйста, следуйте за мной, – пригласил он. – Мне поручено отвести вас к монсиньору Вероне. – Затем молодой человек посмотрел на пропуск Рейчел и в растерянности мигнул. – Лейтенант Верона? Вы… вы имеете какое-то отношение к монсиньору?

– Он мой дядя.

Джейкоб взял себя в руки и понимающе кивнул:

– Прошу прощения, просто мне сказали, что я должен сопровождать лейтенанта карабинеров, поэтому я и растерялся. Пожалуйста, – сделал он приглашающий жест, призывая ее следовать за собой. – Я – ученик и помощник монсиньора Вероны в «Григе».

Рейчел улыбнулась. Большинство учеников ее дяди благоговели перед ним. Будучи человеком церковным и глубоко религиозным, он обладал широчайшими научными познаниями. На двери в свой институтский кабинет он даже повесил табличку с изречением, украшавшим когда-то дверь Платона: «Да не войдет сюда не знающий геометрии!»

Путь оказался неблизким, и вскоре Рейчел окончательно перестала ориентироваться в хитросплетении коридоров и залов. Раньше ей приходилось бывать здесь лишь однажды – когда дядю назначили ректором Папского института христианской археологии, и Рейчел даже присутствовала на его встрече с самим Папой Римским. Этот дворец был поистине гигантским: полторы тысячи комнат и залов, тысячи лестничных пролетов и двадцать внутренних дворов. Все здесь было донельзя запутанным. Даже сейчас, направляясь в резиденцию Папы, расположенную на одном из верхних этажей, они почему-то спускались вниз.

Рейчел не могла взять в толк, почему дядя назначил ей встречу именно здесь, а не в своем университете. Может быть, что-то похищено? Но почему тогда он не сказал ей об этом по телефону? Впрочем, она прекрасно знала о жестком кодексе молчания, существовавшем в Ватикане. Он был даже записан в канонических законах. Святой престол всегда умел хранить свои тайны.

Наконец они подошли к маленькой двери без всяких надписей. Джейкоб открыл ее и пропустил Рейчел внутрь.

Сделав несколько шагов, она очутилась в комнате, от облика которой отдавало чем-то кафкианским. Ярко освещенное помещение было узким и длинным, но с очень высоким потолком. Стены от пола до потолка были заставлены серыми стальными шкафами и ящиками для хранения документов, а возле одного из них стояла высокая библиотечная лестница, чтобы можно было добраться до верхних рядов ящиков. Хотя в комнате царила идеальная чистота, здесь все же пахло пылью и древностью.

– Рейчел! – окликнул ее дядя, стоявший рядом с незнакомым ей священником, который сидел за письменным столом в дальнем углу комнаты. – Ты быстро доехала, моя дорогая. Впрочем, чему тут удивляться, ведь я уже имел несчастье прокатиться с тобой в одном автомобиле, когда ты сидишь за рулем! Добралась без потерь?

Рейчел улыбнулась дяде и подошла к стоящим мужчинам. Она обратила внимание на то, что дядя, обычно носивший джинсы, футболку и шерстяную кофту на пуговицах, сейчас был одет более формально: в черную сутану с кантом и пуговицами фиолетового цвета. Видимо, того требовала официальная обстановка. Он даже набриолинил свои пепельные от седины кудри и подровнял козлиную бородку, которую сам он, правда, предпочитал именовать эспаньолкой.

– Это отец Торрес, официальный хранитель мощей, – представил он своего собеседника.

Пожилой мужчина встал. Он был невысок ростом, коренаст и одет в черный костюм с белым воротничком священника. По его лицу скользнула едва заметная улыбка.

– Я предпочитаю называться хранителем реликвий, – сказал он.

Рейчел окинула взглядом десятки стальных шкафов, выстроившихся до потолка. Ей приходилось слышать об этом помещении, ватиканском хранилище реликвий, но оказалась она здесь впервые и поэтому с трудом подавила внезапный приступ отвращения. Занесенные в каталоги, пронумерованные и отсортированные, в этих ящиках хранились останки различных святых и мучеников: мумифицированная кожа и фаланги пальцев, пряди волос, сосуды с прахом, обрывки одеяний, обрезки ногтей, высохшая кровь. Не многим известно о том, что по каноническим законам в алтаре каждого из католических соборов должна храниться та или иная святая реликвия. И, учитывая, что во всем мире то и дело открывались новые приходы – церкви или часовни, – обязанности отца Торреса заключались в том, чтобы отправлять в них курьерской доставкой фрагменты костей или другие останки различных святых.

Рейчел никогда не могла понять одержимость Римско-католической церкви древними мощами. У нее от них мурашки по коже бежали. В Риме этих реликвий было хоть отбавляй. Именно здесь были обнаружены самые необычные и экстравагантные: ступня Марии Магдалины, голосовые связки святого Антония, язык святого Яна Непомука, желчные камни святой Клары. В бронзовом саркофаге собора Святого Петра лежало тело причисленного к лику святых Папы Пия X. Но самой экзотической из реликвий являлась… крайняя плоть Иисуса Христа.

Рейчел кашлянула и неуверенно спросила:

– Здесь… что-то пропало?

Дядя Вигор подал знак своему молодому помощнику и попросил:

– Джейкоб, тебя не затруднит принести нам по чашечке капуччино?

– Разумеется, монсиньор.

Дождавшись, пока Джейкоб выйдет и закроет за собой дверь, монсиньор перевел взгляд на Рейчел.

– Ты что-нибудь слышала о массовом убийстве в Кёльне?

Этот вопрос застал Рейчел врасплох. Целый день она металась как угорелая, и ей было не до того, чтобы сидеть у телевизора и смотреть выпуски новостей. Однако о гибели десятков прихожан в Германии, произошедшей прошлой ночью, она, конечно, слышала, хотя подробностей пока было известно крайне мало.

– Только то, что сообщали по радио, – сказала она.

Дядя кивнул и начал рассказывать:

– Курии стало известно об этом происшествии еще до того, как сообщения о нем появились в средствах массовой информации. Убиты восемьдесят четыре человека, включая архиепископа Кёльна. Но о чем до сих пор не проинформировали общественность, так это о том, каким образом эти люди были убиты.

– Что ты имеешь в виду?

– Несколько человек были застрелены, но подавляющее большинство, похоже, погибли от электрошока. Ну, примерно так, как если бы их одновременно посадили на электрический стул и включили рубильник.

– От электрошока?

– Это предварительные данные. Вскрытие тел погибших продолжается. Когда на место трагедии прибыли представители властей, некоторые тела еще дымились.

– Господи Всемогущий! Но каким образом…

– Этот вопрос может подождать. Сейчас собор буквально кишит следователями самого разного рода: криминалистами, детективами, судмедэкспертами и даже электриками. Туда

съехались бригады германских спецслужб, эксперты Интерпола в области терроризма и даже агенты Европола. Но поскольку преступление было совершено в соборе Римско-католической церкви, на освященной земле, Ватикан объявил омерту.

– Кодекс молчания…

Дядя что-то промычал в знак подтверждения и продолжил:

– Церковь готова к сотрудничеству и находится в постоянном контакте с властями Германии, но в то же время она пытается ограничить доступ на место преступления, чтобы оно не превратилось в цирк.

Рейчел непонимающе помотала головой:

– Но какое это имеет отношение ко мне? Для чего ты меня вызвал?

– Предварительные выводы следствия заключаются в том, что мотивом преступления могло быть только одно: золотой саркофаг со святыми мощами.

– Стало быть, они украли саркофаг…

– В том-то и дело, что нет. Эту массивную золотую раку, это бесценное произведение искусства они просто бросили за ненадобностью. Они похитили лишь то, что находилось внутри. Святые мощи.

– И это были мощи волхвов, – вмешался отец Торрес.

– Трех библейских мудрецов? – В голосе Рейчел прозвучали недоверчивые нотки, она даже не пыталась скрыть их. – Они украли мощи, но оставили золотой саркофаг, которому на черном рынке цены нет, тем более по сравнению с какими-то костями!

Дядя Вигор вздохнул.

– По просьбе государственного секретаря я пришел сюда для того, чтобы определить происхождение этих, как ты изволила выразиться, костей. И выяснилось, что они имеют весьма богатую историю. Они оказались в Европе в результате паломничества святой Елены, матери императора Константина. Взойдя на трон, он послал свою мать в путешествие – собирать где только можно святые реликвии. Самой известной из них стал, разумеется, Святой Истинный Крест, на котором был распят Иисус Христос.

Рейчел бывала в церкви Святого Креста на Масличной горе в Иерусалиме. В заднем помещении церкви, закрытом стеклянной витриной, находились самые знаменитые святыни, найденные святой Еленой: перекладина креста, на котором был распят Сын Божий, один из гвоздей, которыми он был прибит к кресту, и два шипа из его тернового венца. И все же существовало много сомнений относительно истинного происхождения этих святынь. Многие полагали, что святую Елену попросту одурачили.

– Однако, – продолжил свой рассказ дядя, – не многие знают о том, что царица Елена в своем путешествии добралась не только до Иерусалима, но и гораздо дальше и вернулась при загадочных обстоятельствах с тремя большими, вытесанными из камня саркофагами, заявив, что нашла останки трех святых царей. В течение некоторого времени эти святыни хранились в одной из церквей Константинополя, а после смерти императора Константина их перевезли в Милан и поместили в тамошний собор.

– Но, по-моему, ты говорил о Германии?

Дядя Вигор воздел руку, призывая племянницу не торопиться.

– В двенадцатом веке германский император Фридрих Барбаросса разграбил Милан и похитил реликвии. Как все это произошло, сейчас доподлинно неизвестно – слишком много вокруг всего этого слухов. Но тем не менее все они утверждают, что в конечном итоге святые мощи оказались в Кёльне, где они и находились…

– До вчерашней ночи, – закончила фразу Рейчел.

Дядя Вигор снова кивнул.

Рейчел закрыла глаза. Ни один из мужчин не проронил ни слова, чтобы не мешать ей думать. Она услышала, как открылась дверь, но глаз не открыла, чтобы не потерять нить мысли.

– А убийства? – спросила она. – Почему бы просто не украсть мощи, когда в церкви никого не было? Следовательно, это был осознанный акт, прямая атака на церковь. Убийство паствы предполагает помимо похищения святыни еще один мотив: месть.

– Очень хорошо! – послышался новый голос, прозвучавший от двери.

Рейчел в изумлении открыла глаза и немедленно узнала одежды человека, который присоединился к их компании: черную сутану, накидку с капюшоном, широкий пояс на талии – такого же красного цвета, как и круглая шапочка на макушке.

– Кардинал Спера, – проговорила она, почтительно склонив голову.

Вошедший приветствовал ее поднятием руки, на которой сверкнуло кольцо. Оно обозначало его кардинальский сан, но на другой руке мужчины было еще одно точно такое же, символ занимаемого им поста государственного секретаря Ватикана. Он был сицилийцем, темноволосым и смуглым. Кроме того, кто-то мог бы подумать, что Спера еще слишком молод для занимаемого им поста: ему не исполнилось и пятидесяти.

Он тепло улыбнулся Рейчел и обратился к ее дяде:

– Я вижу, монсиньор Верона, вы были недалеки от истины, столь восторженно расхваливая свою племянницу.

– Я бы ни за что не осмелился лгать кардиналу, тем более человеку, являющемуся правой рукой Папы! – Дядя Вигор пересек комнату, но вместо того, чтобы, как положено по этикету, поцеловать оба перстня кардинала, просто заключил его в крепкие объятия. – Как воспринял печальные новости Его Святейшество?

Кардинал нахмурился и скорбно покачал головой:

– После нашей утренней встречи я связался с его преосвященством в Санкт-Петербурге. Завтра же утром он вылетает обратно.

«После нашей утренней встречи»… Теперь Рейчел стало понятно, почему на дяде были не обычные для него джинсы, а сутана: еще утром он приехал сюда на встречу с кардиналом-падроне – государственным секретарем Ватикана.

– Я должен подготовить его официальное обращение в синод епископов и коллегию кардиналов. Затем мне необходимо подготовиться к поминальной службе, которая состоится завтра. Она пройдет на закате.

Рейчел переполняли чувства. Если Папа являлся главой Ватикана, абсолютным монархом этого города-государства, то реальная власть здесь находилась в руках кардинала, пост которого соответствовал должности премьер-министра в любой другой стране. От внимания Рейчел не укрылся усталый взгляд его глаз, ссутулившиеся плечи. Было очевидно, что кардинал дошел до крайней степени усталости.

– Увенчались ли чем-нибудь ваши изыскания? – поинтересовался кардинал.

– Определенно – да! – твердо ответил дядя Вигор. – В распоряжении похитителей оказались не все останки.

Рейчел вздрогнула от неожиданности и, не удержавшись, выпалила:

– Что-то осталось?

Дядя повернулся к ней.

– Да, и теперь мы можем говорить об этом с абсолютной уверенностью. Судя по всему, на протяжении нескольких веков после похищения святых останков Фридрихом Барбароссой город Милан только тем и занимался, что добивался их возвращения. И чтобы поставить точку в этом затянувшемся споре, в тысяча девятьсот шестом году часть святых мощей была отправлена обратно в Милан и помещена в церковь Святого Евсторгия.

– Благословение Господу! – воскликнул кардинал Спера. – Значит, они все же не до конца потеряны для нас!

В разговор вмешался отец Торрес:

– Мы обязаны немедленно доставить их в Ватикан и поместить сюда, в это охраняемое хранилище!

– А до той поры я прикажу усилить охрану церкви, – ответил кардинал и, обращаясь к Вигору Вероне, добавил: – На обратном пути из Кёльна вы остановитесь в Милане и заберете с собой святыню.

Верона почтительно склонил голову.

– Ах да, – продолжил кардинал, – я велел заказать для вас билеты на самый ранний рейс. В три часа утра наш вертолет доставит вас обоих в аэропорт.

Обоих? Рейчел не верила своим ушам.

– Вот и замечательно, – прокомментировал услышанное дядя Вигор и, повернувшись к племяннице, добавил: – Похоже, нам придется разочаровать твою маму еще раз. Судя по всему, семейного ужина тоже не получится.

– Я… Мы… мы что, едем в Кёльн?

– В качестве нунциев Ватикана, – ответил дядя.

Рейчел безуспешно пыталась привести мысли в порядок. Нунции были послами Ватикана в зарубежных странах.

– В качестве нунциев по особым поручениям, – поправил кардинал Спера, – временных, назначенных только в связи с известными событиями. Вы будете выступать лишь в качестве пассивных наблюдателей, представлять интересы Ватикана и регулярно присылать нам отчеты о происходящем. Я хочу иметь там острые глаза. Кого-то, кто разбирается в похищениях предметов старины. – Кивок в сторону Рейчел. – И кого-то, кто разбирается в самих этих предметах.

– Впрочем, все равно это лишь наше прикрытие, – добавил дядя Вигор.

– Прикрытие?

Кардинал Спера нахмурился и строгим тоном одернул монсиньора:

– Вигор…

Дядя Рейчел повернулся к государственному секретарю:

– Она имеет право знать всю подоплеку. Мне казалось, вы уже приняли решение на этот счет.

– Нет, это вы так решили!

Некоторое время двое мужчин мерили друг друга тяжелыми взглядами. Наконец кардинал Спера махнул рукой и со вздохом сдался:

– Ладно, поступайте, как считаете нужным.

Дядя Вигор снова повернулся к Рейчел:

– Должность папских нунциев для нас – всего лишь дымовая завеса.

– Так кем же мы будем на самом деле? – растерянно спросила Рейчел.

И он рассказал ей.

15 часов 35 минут

Все еще не придя в себя от удивления, Рейчел дожидалась, пока дядя и кардинал Спера, выйдя в коридор, закончат свой приватный разговор. Отец Торрес тем временем, воспользовавшись передышкой, приводил в порядок папки, в беспорядке наваленные на его письменном столе. Наконец вернулся дядя.

– Я надеялся, что у тебя будет время собрать штук десять чемоданов, столь необходимых для любой женщины при кратковременной поездке, но, поскольку наше расписание уплотнилось, тебе придется ограничиться паспортом, зубной щеткой и еще несколькими предметами, без которых не обойтись в заграничном путешествии продолжительностью в два дня.

Рейчел стояла на своем:

– Значит, мы теперь – шпионы Ватикана?

Дядя Вигор недоуменно поднял брови:

– А что тут такого? Ватикан является суверенным государством и всегда располагал полноценной разведкой с квалифицированными сотрудниками и оперативными агентами. Они использовались для внедрения во вражеские группы, тайные общества, враждебные государства – всюду, где интересы Ватикана оказывались под угрозой. Вальтер Чишек, священник, работавший под оперативным именем Владимира Липинского, на протяжении многих лет играл в кошки-мышки с советским КГБ, пока не был схвачен и отправлен в тюрьму на добрых два десятка лет.

– И нас только что завербовали в эту службу?

– Завербовали тебя. Лично я работаю в ней на протяжении последних пятнадцати лет.

– Не может быть! – чуть не задохнулась Рейчел.

– Разве может быть лучшее прикрытие для разведчика, чем личина уважаемого и авторитетного археолога, работающего на Ватикан? – Дядя взял Рейчел под локоть и повел ее к двери. – Пойдем, милая, мы должны проследить за тем, чтобы все было в порядке.

Рейчел поплелась следом за дядей, глядя ему в спину уже другими глазами.

– Нам предстоит встретиться с группой американцев. Они, как и мы, будут проводить тайное расследование случившегося, но сконцентрируют свое внимание именно на массовом убийстве, оставив нам все, что связано с похищением святой реликвии.

– Я не понимаю, к чему все эти увертки, ухищрения? – воскликнула Рейчел. – Зачем и кому нужна подобная секретность?

Дядя остановился и, взяв племянницу за плечи, почти втолкнул ее в крохотную, размером со стенной шкаф, часовню, где пахло ладаном так сильно, что кружилась голова.

– Сейчас я скажу тебе то, о чем знает лишь горстка людей, – заговорил он. – После нападения на собор остался один выживший. Мальчишка. Он был в шоке, но сейчас постепенно поправляется. Он находится в одной из больниц Кёльна, под охраной.

– И он был свидетелем нападения?

Дядя утвердительно кивнул и добавил:

– То, что он рассказывает, похоже на бред сумасшедшего, но проигнорировать его слова мы не имеем права. Все смерти – по крайней мере, те, которые произошли от поражения электрическим током, – случились одновременно. Умирающие падали прямо там, где стояли – либо на ногах, либо будучи коленопреклоненными. Парень не может объяснить, *как* это стало возможным, но он непреклонен относительно того *кто.*

– Кто убил прихожан?

– Нет, кто стал жертвой, кто из членов общины погиб столь ужасной смертью.

Рейчел молчала, понимая, что дядя еще не закончил. И действительно, он заговорил снова:

– Все, кто был казнен электрошоком – я не могу найти более подходящего словосочетания, – за минуту до этого прошли обряд Святого причастия.

– Что?!

– Каждого из них убила облатка – то, что в ходе церемонии называют «телом Христовым» или «хлебом Господним».

По телу Рейчел побежали мурашки. Если кто-то прознает о том, что церковные облатки для причастия стали причиной столь страшной трагедии, последствия по всему миру могут оказаться поистине непредсказуемыми. В глазах верующих будет скомпрометировано одно из главных церковных таинств, существовавшее на протяжении столетий.

– Так что же получается: облатки были отравлены или чем-то пропитаны?

– Этого пока никто не знает. Но Ватикан хочет получить ответы, причем немедленно. А в первую очередь они нужны Святому престолу. Учитывая то, что мы не располагаем возможностями для проведения столь сложных расследований, тем более на территории иностранного государства, я позвонил одному человеку из американской военной разведки, у которого был

передо мной должок. Кстати сказать, я верю ему беспредельно. Так вот, сегодня вечером на месте происшествия уже будет находиться группа его людей.

Ошеломленная открытиями последнего часа, Рейчел сумела лишь молча кивнуть.

– Я думаю, ты была права, Рейчел, – сказал дядя Вигор, – массовое убийство в Кёльне действительно явилось прямой атакой на церковь. Но мне кажется, что это всего лишь гамбит, начальная фаза какой-то гораздо более крупной и опасной игры. Только вот что это за игра?

– И главное, – подхватила Рейчел, – какое отношение ко всему этому имеют мощи библейских волхвов?

– Вот именно! Пока ты будешь собираться в дорогу, я загляну в несколько библиотек и архивов. На меня уже работает команда ученых, которые просеивают и анализируют каждую крупицу информации, связанную с тремя святыми царями. К тому времени, когда вертолет поднимет нас в воздух, в моем распоряжении будет все, что имеет хоть какое-то отношение к волхвам. – Дядя Вигор потрепал племянницу по плечу и прошептал ей на ухо: – Ты еще можешь отказаться от всего этого, и, поверь, я не стану думать о тебе хуже.

Рейчел мотнула головой и отстранилась.

– Как гласит пословица, fortes fortuna adiuvat.

– Удача сопутствует смелым, – перевел древнее высказывание дядя и поцеловал племянницу в щеку. – Если бы только у меня была такая дочь, как ты…

– Если бы у тебя была такая дочь, как я, тебя бы разбил паралич от переизбытка впечатлений, – перебила его Рейчел. – А теперь – пошли!

Рука об руку они вышли из Апостольского дворца, после чего их пути разошлись: дядя направился к библиотеке, а племянница – к воротам Святой Анны. Занятая своими мыслями, Рейчел даже не обратила внимания на то, сколько времени ей потребовалось, чтобы добраться до своего «мини-купера». Но, оказавшись рядом с ним, она села на водительское сиденье, завела мотор, и вскоре ее машина уже влилась в тесный поток автомобилей, мчавшихся по близлежащим улицам. Управляя машиной, Рейчел была погружена в свои мысли, пытаясь разобраться в том, что ей довелось услышать на протяжении последнего часа, и не обращала внимания на происходящее вокруг.

Она гнала машину по мосту через Тибр, направляясь к центру города. Будучи «на автопилоте», она слишком поздно заметила появление хвоста. Как и прежде, черный «БМВ» ехал через пять машин позади ее автомобиля, повторяя любой ее маневр.

Сердце Рейчел бешено забилось. Она сделала несколько резких поворотов, стараясь, однако, не показать преследователям, что они обнаружены. Эти действия были продиктованы скорее ее собственным безрассудством и отчаянием, но Рейчел нужно было знать наверняка, преследуют ли ее или это всего лишь совпадение.

«БМВ» продолжал ехать за ней, и сомнений у нее не осталось.

Проклятие!

Рейчел выруливала на второстепенные проулки и улочки. Дорога продолжала сужаться. Все это начинало напоминать автомобильные гонки в замедленной киносъемке.

Увидев впереди автомобильную пробку, Рейчел съехала на обочину, чтобы обойти затор справа. На следующем перекрестке она свернула на пешеходную аллею. Гуляющие с вытаращенными глазами разбегались в разные стороны, выскакивая чуть ли не из-под колес ее машины и посылая ей вдогонку самые изощренные проклятия. Какая-то особенно эмоциональная матрона запустила в лобовое стекло машины Рейчел буханкой хлеба.

Доехав до следующей оживленной улицы, Рейчел нажала на газ и сделала поворот, потом еще один. Эта часть Рима представляла собой настоящий лабиринт аллей и бульваров, и преследователям трудно было угнаться здесь за ней.

Визжа тормозами, ее машина выскочила на виа Альдрованди и понеслась вдоль высокого забора зоопарка Джардино. Время от времени Рейчел поглядывала в зеркало заднего вида.

Наконец-то ей удалось избавиться от хвоста, и по крайней мере сейчас она находилась в безопасности.

Держа руль одной рукой, другой она взяла сотовый телефон и нажала клавишу быстрого набора, которая должна была соединить ее с полицейским отделением Париоли. Ей требовалась поддержка.

Пока устанавливалась связь, Рейчел, не желая испытывать судьбу, снова свернула с центральной магистрали и углубилась в хитросплетение боковых улочек. Будучи сотрудником подразделения по борьбе с кражами произведений искусства и предметов старины, она, разумеется, имела достаточно врагов среди мафиозных семей, промышляющих этим преступным бизнесом. Кто из них поставил за ней «наружку»?

В трубке щелкнуло, раздался короткий гудок, а затем воцарилась мертвая тишина. Посмотрев на дисплей телефона, Рейчел увидела, что индикатор приема сигнала стоит на нуле. Семь знаменитых холмов Рима и многочисленные постройки из мрамора и кирпича на их склонах сильно мешали качеству сотовой связи.

Рейчел нажала кнопку повторного звонка. Молясь тому из святых, кто отвечает за сотовую связь, она мимоходом подумала, что, возможно, ей стоит заехать домой, но потом отказалась от этой мысли. До отъезда в Германию лучше оставаться в Ватикане: здесь безопаснее.

Выехав на виа Салариа, старинную Соляную дорогу, она услышала раздавшийся в трубке мужской голос:

– Дежурная часть. Говорите.

Но прежде чем Рейчел успела ответить, слева от нее возникло огромное черное пятно. С ее «мини-купером» поравнялся тот самый «БМВ». Справа появилась другая точно такая же машина, за одним исключением: второй «БМВ» был белого цвета.

Теперь у нее оказалось уже два хвоста. Сосредоточив все внимание на более броской черной машине, она не заметила появления белой. Роковая ошибка!

Две машины взяли ее в «коробочку». Заскрежетал металл. Их боковые стекла уже были опущены, и оттуда торчали тупые дула автоматов. Рейчел надавила на тормоз. Снова послышался железный скрежет, но освободиться ей не удалось. Она находилась в крепко сжатых клещах. Спасения не было.

3
СЕКРЕТЫ

24 июля, 10 часов 25 минут
Вашингтон, округ Колумбия

Ему нужно было поторапливаться.

В раздевалке спортивного зала Грейсон Пирс натянул черные спортивные шорты и свободную нейлоновую футболку, а затем сел на лавку и переобулся в кроссовки. За его спиной хлопнула дверь раздевалки. Грейсон оглянулся и увидел Монка Коккалиса с баскетбольным мячом под мышкой и в спортивной кепке, надетой задом наперед. Ростом чуть выше пяти футов, Монк сейчас напоминал вспотевшего питбуля. И тем не менее его знали как умелого и проворного игрока в баскетбол. Соперники обычно недооценивали его, а вот Монк словно обладал способностью читать их мысли, что помогало ему финтить, обманывать соперников, и поэтому редко какой из его бросков не достигал цели.

Монк бросил мяч в специальную корзину для спортинвентаря, как всегда не промахнувшись, а потом подошел к своему шкафчику, стащил с себя майку, скомкал ее и кинул внутрь. После этого он взглянул на Пирса, и у него глаза полезли на лоб.

– Ты что, в таком виде собираешься встречаться с коммандером Кроу?

Грей встал.

– Я иду в гости к родителям.

– Но, по-моему, заместитель директора по оперативной работе приказал нам не покидать лагерь!

– Да плевал я!..

Монк поднял брови домиком. Эти кустистые брови представляли собой единственную растительность на его гладко выбритой голове. Он предпочитал сохранять тот имидж, к которому привык за годы службы в «зеленых беретах». От тех же лет на его теле остались и отметины – три шрама от пулевых ранений: на плече, на верхней части ноги и на груди. Он единственный из всего подразделения выжил после того, как оно угодило в засаду в Афганистане. Оправившись от ранения, Монк вышел из госпиталя, и его тут же завербовали в «Сигму». Причиной вербовки стал невероятно высокий коэффициент интеллектуального развития, который он продемонстрировал. После этого Монк прошел переподготовку, специализируясь в области судебно-медицинской экспертизы.

– Врачи от тебя уже отвязались? – спросил Монк. – Что они там у тебя нашли?

– Пустяки. Несколько ссадин и ушиб ребер, – отмахнулся Грей.

«И еще – раненое самолюбие», – подумал он про себя, прикоснувшись к болезненному пятну чуть ниже седьмого ребра.

Грей уже записал на видеопленку отчет о своей миссии. Ему удалось обезвредить бомбу, но леди-дракона он захватить не смог. Таким образом, единственный след, который мог привести к источнику подпольной продажи биологического оружия, оказался безвозвратно утерян. Ее амулет с драконом Грей передал экспертам в надежде, что они сумеют обнаружить на нем отпечатки пальцев, однако надежда эта была призрачной.

Он взял с лавки рюкзак.

– Это недалеко, всего пятнадцать минут на метро. Кроме того, у меня с собой пейджер.

– Надеюсь, ты не заставишь директора ждать?

Грей только пожал плечами. С него было довольно: подробнейший отчет о ходе выполнения миссии, скрупулезный медицинский осмотр, а теперь еще этот загадочный вызов к директору! Он не сулил ничего хорошего. Грей не должен был отправляться в Форт-Детрик в одиночку и сам понимал это. Но сейчас, когда в его крови все еще бурлил адреналин после

кошмарного утреннего приключения, он просто не мог сидеть сложа руки и ждать. Директор уехал в штаб-квартиру УППОНИР в Арлингтоне и не сказал, когда вернется, а Грей тем временем нуждался в движении, ему было нужно выпустить пар.

Он надел свой велосипедный рюкзак.

– Знаешь, кого еще вызвали на встречу с директором? – спросил Монк.

– Кого?

– Кэт Брайент.

– Правда?

– Ага.

Капитан Кэтрин Брайент пришла в «Сигму» всего десять месяцев назад, но уже успела пройти подготовку по специализации геолога, и поговаривали, что сейчас она оканчивает вторые курсы, на сей раз по инженерным дисциплинам. Если так, она станет вторым оперативником, прошедшим подготовку в двух разных областях. Первым был и пока остается Грейсон.

– В таком случае, – заметил Грей, – это вряд ли связано с новым назначением. Новичков вроде нее не посылают на боевые задания.

– Ну, она еще тот новичок. – Монк взял полотенце и направился к душевым кабинам. – Пришла к нам из военно-морской разведки. Говорят, участвовала в тайных операциях.

– Мало ли что говорят, – пробурчал Грей и пошел к выходу.

Хотя коэффициент интеллектуального развития оперативников «Сигмы» был значительно выше обычного, сплетни и слухи были распространены здесь не в меньшей степени, чем в любой конторе. Даже сегодняшний вызов к директору породил среди сотрудников целую бурю пересудов и воспоминаний. Бесспорно, во многом причиной этого стала последняя миссия Грея. «Гильдия» атаковала одного из них! Слухи плодились как мухи. Имела ли место какая-то новая утечка, или засада была спланирована на основе сведений, полученных преступниками от своего прежнего информатора еще до того, как «Сигма» перебралась в Вашингтон из штаб-квартиры УППОНИР в Арлингтоне и временно заморозила свою деятельность?

Как бы то ни было, среди сотрудников «Сигмы» крепло убеждение в том, что готовится какая-то новая операция, имеющая колоссальное значение для национальной безопасности страны и санкционированная чуть ли не на самом верху. Однако точно никто ничего не знал.

Грей наотрез отказывался участвовать в этих пересудах. Он предпочитал немного подождать и услышать все от начальства. Кроме того, Грей предполагал, что после последней операции, которую сам он считал не иначе как провалом, ему в ближайшее время вряд ли поручат что-нибудь еще. Скорее всего, ему довольно долго придется греть задницей скамью для запасных – или штрафных? – игроков. Поэтому сейчас он счел себя вправе выполнить обязательство, которое почитал священным.

Выйдя из спортзала, Грей прошел через лабиринт коридоров к шахте лифта. Здесь до сих пор пахло свежей краской и старым цементом.

Скрытый за семью печатями от всего остального мира, командный пункт «Сигмы» располагался в подземном бункере бывшего бомбоубежища, в котором во время Второй мировой войны предполагалось устроить хранилище, чтобы спрятать там от врага самые ценные достижения человеческой мысли, имевшиеся в стране. Так никому и не пригодившееся бомбоубежище было со временем закрыто и заброшено. Лишь горстка людей знала о существовании этой подземной крепости, расположенной под научным центром Вашингтона – комплексом музеев и лабораторий, которые вместе образовывали Смитсоновский институт.

Теперь у тайного убежища появились новые постояльцы. Для окружающего мира это было очередное новое научное хранилище, многие сотрудники которого работали в лабораториях Смитсоновского института, проводя различные исследования в различных областях научного знания. Именно из-за близости новой штаб-квартиры «Сигмы» к всевозможным лабораториям начальство и остановило на ней свой выбор, и именно таким образом организация

оказалась «похороненной» под самым сердцем вашингтонского научного сообщества. Смитсоновский институт стал для них одновременно и подручным ресурсом, и прикрытием.

Грей прижал руку к контрольной панели системы безопасности, установленной на внешней стороне шахты лифта. Синяя полоска пробежала по его ладони, сканируя рисунок линий, и двери с шипением раздвинулись. Войдя в кабину, он нажал на самую верхнюю кнопку, возле которой значилось: «Вестибюль». Кабина бесшумно поднялась на четыре этажа вверх.

Грей чувствовал, как его со всех сторон ощупывают невидимые лучи сканеров системы безопасности, выискивая спрятанные электронные устройства. Это было необходимо для предотвращения воровства любого рода информации из командного центра «Сигмы». Впрочем, тут имелись и свои издержки. К примеру, в первую неделю пребывания здесь Монк по неопытности стал причиной тревоги, пытаясь пронести после дневной пробежки цифровой CD-плеер.

Двери открылись, и Грей оказался в ничем не примечательном казенном помещении, в котором находились два вооруженных охранника и женщина-секретарь. Эту комнату можно было бы принять за фойе какого-нибудь банка, однако по обилию электронных средств слежения и безопасности она могла бы поспорить с Форт-Ноксом.

Второй вход в бункер, охраняемый не менее тщательно, располагался в частном гаражном комплексе примерно в полумиле отсюда. Там стоял сейчас мотоцикл Грея, требующий починки, и как раз по этой причине сам он сейчас топал по направлению к станции метро, рядом с которой всегда – на случай разного рода непредвиденных обстоятельств – его дожидался горный велосипед.

– Доброе утро, доктор Пирс, – приветливо сказала секретарша.

– Привет, Мелоди.

Девушка не имела ни малейшего представления о том, что располагалось под ее ногами, и по простоте душевной верила, что там находится научное хранилище под названием «Сигма». Правду знали лишь молчаливые охранники. Они приветствовали Грея кивками.

– Вы уходите на весь день? – спросила Мелоди.

– Нет, примерно на час.

Грей сунул свой голографический пропуск в считывающее устройство на столе, а затем прижал большой палец к монитору, подтверждая, что он покидает командный центр. Раньше он всегда считал, что меры безопасности здесь доведены до полного абсурда. Теперь ему уже так не казалось.

Щелкнул замок двери, выходящей наружу. Один из охранников распахнул ее и отступил в сторону, пропуская Грея.

– Хорошего вам дня, сэр, – сказал он Грею, когда тот проходил мимо.

Грей при этом подумал, что слово «хороший» к сегодняшнему дню явно не относится.

Дальше шел длинный коридор, обшитый деревянными панелями. Он упирался в короткий лестничный пролет, выводивший в общедоступную часть здания. Оказавшись там, Грей миновал группу японских туристов, которых сопровождали гид и переводчик. Никто не удостоил его ни единым взглядом. Не зря говорят: прячься там, где много людей!

Проходя мимо японцев, Грей услышал, как гид бубнит текст, который он, наверное, повторял уже не менее тысячи раз: «Сооружение Смитсоновского дворца, краеугольный камень которого был заложен еще президентом Джеймсом Полком, завершилось в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Это самая большая и самая старая постройка институтского комплекса. Раньше здесь располагались первые научные музеи и лаборатории, а сейчас оно служит в качестве административного корпуса и Информационного центра, обслуживающего пятнадцать музеев Института, национальный зоопарк, а также множество научно-исследовательских лабораторий. Если вы проследуете за мной дальше…»

Грей подошел к дверям, которые выходили на улицу, идущую вдоль Смитсоновского дворца, толкнул их и оказался на свободе. Непривычный солнечный свет ослепил его, и Грей инстинктивно прикрыл глаза ладонью. Это движение причинило ему боль в поврежденных ребрах. По-видимому, тайленол и кодеин, принятые накануне, постепенно переставали действовать.

Дойдя до границы, где заканчивались аккуратно подстриженные кусты, Грей оглянулся на дворец. Из-за своих красно-кирпичных парапетов, бойниц, шпилей и башен это сооружение считалось одним из самых выдающихся сооружений в стиле Ренессанс на территории Соединенных Штатов Америки. Оно являлось сердцем комплекса Смитсоновского института.

Подземный бункер, протянувшийся туннелем под этим комплексом, был сооружен после того, как в 1866 году одна из башен сгорела дотла и ее пришлось отстраивать, что называется, с нуля. Подземные ходы были объединены в особый лабиринт, превратившийся в сверхсекретное хранилище, предназначенное для того, чтобы спрятать самые светлые умы Америки или… самых важных персон из Белого дома.

Теперь этот бункер скрывал в своих недрах командный пункт «Сигмы».

Кинув последний взгляд на американский флаг, реющий над самой высокой из башен, Грей пошел по направлению к единственной интересующей его станции метро. Помимо защиты Соединенных Штатов Америки у него были и другие, не менее важные обязанности. Обязанности, которыми он пренебрегал слишком долго.

16 часов 25 минут (местное время)

Рим, Италия

Два «БМВ» зажали машину Рейчел так крепко, что ей не удавалось освободиться, какие бы маневры она ни предпринимала. Дула автоматов из открытых задних окон угрожающе выдвинулись.

Прежде чем автоматчики открыли огонь, Рейчел перевела ручку автоматической коробки передач в положение «парковка» и до упора вытянула рукоятку ручного тормоза. Машина содрогнулась, словно ее ударили, послышался звук рвущегося металла, зеркало заднего обзора разлетелось вдребезги. На несколько секунд Рейчел оказалась недосягаема для стрелков, но вырваться из клещей ей не удалось и на этот раз. Два «БМВ» продолжали тащить ее автомобиль вперед.

Поскольку ее «мини-купер» заглох и двигался, лишь увлекаемый машинами налетчиков, Рейчел упала на бок, а в следующий момент загрохотали автоматные очереди, и веер пуль пронесся над тем местом, где только что находилась ее голова.

Во второй раз ей может не повезти, тем более что автомобили стали сбавлять скорость. Необходимо было действовать немедленно. Рейчел ударила по кнопке, которая превращала ее машину в кабриолет. Стекла окон поползли вниз, а крыша начала складываться. Внутрь салона ворвался ветер.

Поджав ноги под себя и опершись рукой на дверцу, Рейчел оттолкнулась от сиденья и перебросила свое тело наверх через полуоткрытую крышу. Белый «БМВ» ехал, прижавшись к ее машине со стороны пассажирского сиденья, и Рейчел, не теряя ни секунды, совершила еще один прыжок и приземлилась на его крышу.

Теперь машины ехали со скоростью не более тридцати километров в час. Снизу полетели пули, пробивая металл крыши автомобиля. Рейчел не стала дожидаться, когда одна из них угодит ей в живот, и совершила третий прыжок – туда, где вдоль дороги были припаркованы машины. Упав животом на крышу «ягуара», она соскользнула на тротуар и ударилась об асфальт так сильно, что у нее щелкнули зубы. Стоящие машины отгородили ее от проезжей части. Рейчел лежала неподвижно, не видя ничего вокруг себя.

«БМВ» начали тормозить, но внезапно взревели моторами и, взвизгнув резиной колес, рванулись вперед. В воздухе послышалось завывание полицейской сирены.

Перекатившись на спину, Рейчел стала шарить по поясу брюк в поисках сотового телефона, но чехол из-под него был пуст. Она как раз звонила, когда на нее напали.

– О господи… – пробормотала Рейчел, с трудом поднимаясь на ноги.

Она не боялась, что нападавшие вернутся. На улице уже образовалась пробка – машины останавливались, поскольку ее изуродованный «мини-купер» перегородил дорогу. Однако у Рейчел сейчас были более важные заботы. Когда черный «БМВ» увязался за ней в первый раз, она не обратила внимания на его регистрационный номер, но когда машина появилась снова, она специально запомнила его номер: SCV 03681. Ей не нужно было наводить справки, чтобы выяснить место регистрации этого автомобиля, поскольку буквы SCV говорили сами за себя: Stato della Città del Vaticano. Святой град Ватикан.

Голова у Рейчел раскалывалась, а во рту чувствовался вкус крови, но все это были пустяки. На нее напали люди, имевшие какое-то отношение к Ватикану. У женщины вдруг бешено заколотилось сердце: она подумала о том, что теперь они, возможно, попытаются добраться до другой своей мишени. До дяди Вигора.

11 часов 03 минуты

Такома-Парк, штат Мэриленд

– Грей, это ты?

Грейсон Пирс закинул велосипед на плечо и, поморщившись от боли в ушибленных ребрах, поднялся по ступеням, ведущим к двери родительского дома. Это было бунгало с деревянным крыльцом и широким выступающим фронтоном.

– Да, мам! – крикнул он в полуоткрытую дверь.

Сняв велосипед, он прислонил его к поручням перил. Он позвонил домой от станции метро, чтобы предупредить родителей о своем скором приезде.

– Ужин почти готов, – донесся голос матери.

– Ты еще и готовить умеешь? – Грей распахнул дверь, и старая пружина недовольно заскрипела, а затем захлопнула дверь за его спиной. – Чудеса, да и только!

– Прекратите издеваться над матерью, молодой человек! Уж сэндвичи-то я вполне в состоянии сделать. С ветчиной и сыром.

Он пересек гостиную, уставленную мебелью ручной работы. Это были со вкусом подобранные предметы, как современные, так и относящиеся к антиквариату. У его матери никогда не хватало времени всерьез заниматься домом. Сначала она преподавала в школе иезуитов в Техасе, а после того, как три года назад они с отцом переехали сюда, стала работать помощником декана факультета биологии Вашингтонского университета. Родители с удовольствием поселились в этом тихом историческом уголке Такома-Парка с его причудливыми викторианскими домами и еще более старыми отдельными коттеджами. Что касается Грея, то у него была своя квартира в паре миль отсюда, на Пайни-Брэнч-роуд. Он хотел находиться поближе к родителям и помогать им, чем может. Сейчас это было необходимо как никогда.

– А где папа? – спросил он, войдя на кухню и увидев, что отца нет.

Мать закрыла дверцу холодильника. В руке она держала галлонную бутылку молока.

– В гараже. Сколачивает очередной скворечник.

– Как, опять?

Мать нахмурилась.

– Ему нравится это занятие. Оно отвлекает его от проблем. Вот и врач говорит: очень хорошо, что у отца есть хобби.

Она протянула сыну две тарелки с сэндвичами.

Судя по всему, мать только что вернулась из университета. На ней все еще был синий блейзер поверх белой блузки, а светло-серые волосы зачесаны назад и скреплены большой заколкой. Она выглядела аккуратно, как типичная учительница. Однако вид у нее был измученный: казалось, она истончилась, уменьшилась в размерах, лицо ее вытянулось и осунулось.

Грей взял тарелки.

– Может, работа по дереву и помогает папе, но почему он делает одни только скворечники? В Мэриленде и птиц-то столько не наберется.

Мать улыбнулась.

– Кушай лучше. Хочешь маринованных огурчиков?

– Нет, спасибо.

Так бывало всегда: они болтали о пустяках, лишь бы не говорить о грустном. Однако не все разговоры можно откладывать до бесконечности.

– Где его нашли? – спросил Грей.

– Возле магазина «Сэвен-Илевен» на Кедровой улице. Он заблудился, пошел не туда, куда было нужно. Хорошо хоть ему хватило ума позвонить Джону и Сьюз.

Это были соседи родителей. После звонка отца они, видимо, позвонили матери, а она, до полусмерти перепуганная, – Грею. Но уже через пять минут мама снова перезвонила. Отец уже был дома, в целости и сохранности. И все же Грей понял, что просто обязан заехать к родителям, хотя бы ненадолго.

– Он все еще принимает арисепт? – спросил Грей.

– Конечно, каждое утро. Я слежу за этим.

Вскоре после того, как родители перебрались сюда из Техаса, врачи поставили отцу страшный диагноз: болезнь Альцгеймера. Пусть и в начальной стадии, но болезнь была неизлечима. А начиналось все с невинной, как казалось, забывчивости: он стал забывать, куда положил ключи, забывать телефонные номера, имена соседей. По мнению врачей, дремавшую доселе болезнь пробудил к жизни их переезд из Техаса. Отец стал путать даты, плохо ориентироваться на местности, но, упрямый и непреклонный, он не хотел пасовать перед болезнью и постоянно пытался доказать свою состоятельность. А потом к провалам в памяти добавились вспышки беспричинного гнева. Отец перешагнул через какую-то новую, невидимую грань в своем заболевании.

– Может, отнесешь ему сэндвичи? – спросила мать. – Тем более что мне нужно позвонить в университет.

Грей взял тарелку, и на какой-то миг их руки встретились.

– Может быть, нам стоит подумать о том, чтобы пригласить к отцу постоянную сиделку?

Мать отдернула руки и отрицательно мотнула головой. Не то чтобы она возражала против этой идеи. Она просто не хотела ее обсуждать.

Грей не в первый раз наталкивался на эту невидимую стену. Во-первых, на присутствие сиделки никогда не согласится отец, поскольку в глазах окружающих он, по его мнению, станет выглядеть безнадежным инвалидом. Во-вторых, против этого была и сама мать, считавшая, что заботиться о муже должна только она, и никто больше. Но каких мучений все это стоило их семье!

– Кенни давно приезжал? – поинтересовался Грей.

Его младший брат возглавлял компьютерную фирму в соседнем штате, неподалеку от границы штата Виргиния. Он пошел по стопам отца и стал технарем, правда, специализировался не на нефти, как отец, а на электричестве.

– Ты же знаешь Кенни… – сказала мать. – Ну-ка погоди, я положу отцу маринованный огурчик.

Грей печально покачал головой. В последнее время Кенни часто говорил о том, что хочет переехать в город Купертино, что в Калифорнии. Он приводил массу аргументов в пользу этого

решения, но Грей-то знал правду. Его брат просто хотел сбежать, уехать как можно дальше от всех проблем. Но Грей не осуждал младшего брата. Когда-то он и сам сделал то же самое, завербовавшись в армию. Возможно, это была фамильная, передающаяся по наследству черта их семьи.

Мать протянула ему банку с маринованными огурцами, чтобы он открыл ее, и спросила:

– Как идут дела в твоей лаборатории?

– Отлично, – ответил Грей, а затем откупорил банку, выудил из нее огурец и положил на тарелку, предназначенную для отца.

– Я прочитала в газетах, что правительство собирается сократить финансирование УППОНИР.

– Не волнуйся, меня не уволят, – успокоил он ее.

Родители не знали о том, что такое «Сигма» и какую роль играет в ней их сын. Они считали, что Грей занимается какими-то малозначащими научными изысканиями по заказу Пентагона. У них, разумеется, не было допуска к секретным сведениям подобного рода.

С тарелкой в руке Грей направился к задней двери. Мать смотрела ему вслед.

– Он обрадуется, увидев тебя.

«Если бы только я мог сказать то же самое!» – с горечью подумал Грей, направляясь к сараю, стоявшему в дальнем конце участка. Из приоткрытой двери доносились звуки музыки кантри. Они возродили в памяти не самые приятные воспоминания.

Грей остановился у дверей сарая. Он увидел отца, склонившегося над верстаком, на котором лежали ровно оструганные дощечки.

– Папа! – окликнул он.

Отец выпрямился и обернулся. Он был примерно такого же роста, как Грейсон, только более коренастый, с широкой спиной и плечами. Перед тем как поступить в колледж, он работал на нефтяных месторождениях, зарабатывая деньги и опыт в области нефтедобычи. И все было прекрасно до тех пор, пока однажды в результате аварии на нефтяной вышке ему не отрезало по колено левую ногу. В результате отец вышел на пенсию в сорок семь лет.

Это случилось пятнадцать лет назад. Половина жизни Грейсона. Поганой, надо признать, жизни.

– Грей? – Отец словно не верил своим глазам. Он утер пот со лба, размазав по нему налипшие опилки, и сердито нахмурился. – Не стоило проделывать столь долгий путь.

– А как же иначе к тебе приехали бы эти сэндвичи? – сказал Грей, показывая отцу тарелку.

– Их приготовила твоя мать?

– Ты же ее знаешь. Она старалась как могла.

– Что ж, тогда я, пожалуй, их съем. Добрые порывы необходимо поощрять. – Оттолкнувшись от верстака, отец проковылял на своем протезе к холодильнику. – Пиво будешь?

– Мне скоро нужно возвращаться на работу.

– Одна бутылка пива тебя не убьет. У меня как раз есть «Сэм Адамс» – помои, которые тебе так нравятся.

Отец был любителем таких известных сортов пива, как «Будвайзер» и «Курс», но тот факт, что он забил холодильник банками «Сэма Адамса», значило в сто раз больше, чем дружеское похлопывание по спине. А может быть, даже больше, чем объятие.

Грей просто не мог отказаться от этого предложения.

Он взял бутылку и откупорил ее с помощью открывалки, привинченной к краю верстака. Отец подошел бочком, примостился на краешек высокой табуретки и поднял бутылку «Будвайзера», салютуя сыну.

– Быть старым, конечно, хреново, но пиво хотя бы немного скрашивает этот недостаток.

– Ты прав, – сказал Грей, сделав большой глоток.

Он подумал о том, что мешать кодеин с алкоголем не самое мудрое решение, но утро у него выдалось настолько кошмарным, что сейчас подобные мелочи уже не имели значения.

Отец молча смотрел на сына, и молчание длилось так долго, что стало неловким.

– Итак, – заговорил Грей, – ты теперь и домой самостоятельно дойти не можешь?

– Да пошел ты! – с притворной злостью огрызнулся отец, а затем улыбнулся и грустно покачал головой. Он не любил недомолвок и всегда ценил искренность и откровенность. Стрельба прямой наводкой – так называл это отец. – По крайней мере, я, в отличие от тебя, не сидел в тюряге!

– Да уж, до меня тебе далеко. Тебя в Ливенуорт даже за деньги не пустят.

– Вот и замечательно, плакать не буду! Два уголовника для одной семьи – многовато.

Эта добродушная пикировка немного разрядила атмосферу, но, когда их взгляды встретились, Грей заметил в глазах отца то, чего никогда не видел в них раньше. Страх.

Отношения между отцом и сыном всегда были непростыми. После аварии отец стал сильно пить и время от времени впадал в депрессию. Техасский нефтяник в одночасье превратился в домохозяйку, и это сломило его. Он был вынужден сидеть дома и растить двоих сыновей, в то время как его супруга каждый день ходила на работу и зарабатывала деньги. Злясь, но не в силах что-либо изменить, отец превратил дом в подобие концлагеря, а Грей, прирожденный бунтарь, постоянно выступал против драконовских порядков, которые навязывал отец. Когда же ему исполнилось восемнадцать, Грей просто собрал рюкзак, ушел посреди ночи из дома и записался в армию. После этого отец с сыном не разговаривали целых два года.

Постепенно и очень осторожно мать помирила их, и все же отношения между отцом и сыном напоминали скорее вооруженное перемирие.

«Вы в большей степени одинаковые, нежели разные», – сказала как-то мать. Более пугающих слов Грей не слышал за всю свою жизнь.

– Что за дерьмо! – нарушил молчание отец.

– «Будвайзер»? – подхватил Грей. – Это точно! Вот почему я пью только «Сэм Адамс».

Отец ухмыльнулся:

– Ну и засранец же ты!

– Ты меня сам таким воспитал. По своему образу и подобию.

– То есть я тоже засранец?

– Я этого не говорил.

Отец снова усмехнулся и спросил:

– А что это ты вдруг заявился?

«Потому что я не знаю, как долго ты еще будешь меня помнить», – мысленно ответил Грей, однако вслух этого не произнес. За фасадом жесткости и независимости в душе Грея все еще жила детская уязвимость, память о прошлых обидах, желание услышать от отца хоть несколько ласковых слов. Но время стремительно таяло, и какой-то частицей своего сознания Грей понимал, что, по всей вероятности, слов этих ему уже не услышать.

– Где ты купил эти сэндвичи? – спросил отец. – Они просто великолепны.

Грею пришлось приложить определенное усилие, чтобы на его лице ничто не отразилось.

– Мама сделала, – ответил он.

– А-а, ну да… – смущенно проговорил отец.

Их взгляды снова встретились, и помимо страха Грей заметил в глазах отца еще и стыд. Пятнадцать лет назад он перестал быть мужчиной, а теперь перестает быть человеком.

– Пап, я…

– Пей свое пиво!

В голосе отца прозвучала прежняя злость, и Грей по привычке, оставшейся с детства, немного испугался.

Он молча пил пиво, не в состоянии говорить. Возможно, мать была права: они действительно слишком похожи друг на друга.

Запищал прикрепленный к поясу пейджер. Поспешно схватив его, Грей увидел на дисплее телефонный номер «Сигмы».

– Это с работы, – пробормотал он. – У меня на сегодня запланирована еще одна встреча.

– Ну и ладно, – кивнул отец, – а мне пора заняться скворечником.

Они обменялись рукопожатиями – отец и сын, два извечных соперника, не желающие уступать друг другу даже в мелочах.

Вернувшись в дом, Грей попрощался с матерью, забрал с крыльца велосипед и, сев на него, быстро поехал в сторону станции метро. На дисплее его пейджера помимо телефонного номера «Сигмы» значился еще и пароль.

Σ911.

Экстренный вызов.

Ну наконец-то!

15 часов 03 минуты (местное время)

Ватикан

Поиск истины о судьбе останков трех волхвов напоминал тяжелейшие археологические раскопки, разве что монсиньору Вигору Вероне и его помощникам-архивариусам пришлось копаться не в пыли и камнях, а в грудах книг и древних свитков. Целая команда библиотечных работников провела кропотливую подготовительную работу в главной библиотеке Ватикана, и теперь Вигор в поисках путеводной нити просеивал информацию, находясь в самой закрытой зоне Святого города – Archivio Segretto Vaticano, печально известных секретных архивах Ватикана.

Вигор вошел в длинный подземный коридор. По правой стене тянулась вереница ламп. При его приближении каждая из ламп загоралась, а после того, как он проходил мимо, гасла. Свет словно сопровождал монсиньора и его молодого студента Джейкоба.

Коридор на самом деле являлся депозитарием манускриптов, получившим прозвище bonile, или бункера. Построенное в 1980 году, это подземное помещение имело два этажа, разделенные дырчатым стальным полом и соединенные крутыми лестницами. По одной из его сторон на многие километры протянулись стальные полки, на которых хранились миллионы документов и пергаментов. По противоположной стене тянулись точно такие же полки, но они были закрыты дверями из стальной сетки. Здесь хранились документы наиболее деликатного характера.

О Ватикане говорили, что Святой престол обладает слишком большим количеством тайн, но ему все мало. Шагая по депозитарию, Вигор усомнился в истинности этого суждения: секретов в Ватикане было слишком много даже для самого Ватикана.

Джейкоб нес лэптоп, в котором содержалась информация, касающаяся проводимого ими расследования.

– Выходит, волхвов было не три, а больше? – спросил молодой человек, когда они подошли к выходу из депозитария.

Монсиньор Верона и Джейкоб пришли сюда, чтобы перевести в цифровой формат фотографии вазы из так называемого музея Кирхера[11]. Рисунок на ней изображал библейских волх-

[11] Кирхер Атанасиус (ум. 27 ноября 1680 г.) – немецкий монах-иезуит, ученый, изобретатель мегафона и родоначальник египтологии. Написал 44 книги, вычислил скорость полета ласточки, придумал слово «электромагнетизм», составил карту Атлантиды и исследовал вулкан Везувий, спустившись в кратер по веревке. Кирхер оставил след в астрономии, музыке, медицине, физике, географии и языкознании, овладел более чем десятком языков, в том числе китайским, и безуспешно пытался расшифровать египетские иероглифы. Собранная им коллекция писем и диковинных предметов составила музей Кирхера, ставший в XVII веке одной из достопримечательностей Рима.

вов, но их было не три, а целых восемь! На фреске кладбища Святого Петра волхвов было всего два, а на картине в склепе Домициллы – четверо.

– В Евангелии нет упоминания относительно того, сколько было волхвов, – сказал Вигор. День выдался тяжелым, и он чувствовал огромную усталость, но, несмотря на это, не стал отмахиваться от расспросов помощника. Еще Сократ утверждал, что лучший способ разобраться в своих мыслях – проговорить их в слух, и Вигор не раз убеждался в эффективности этого метода. – О них говорится лишь в Евангелии от Матфея, да и то весьма расплывчато. Общепринятое предположение о трех волхвах опирается на количество принесенных новорожденному даров: золото, ладан и смирна[12]. Может, они и не были никакими царями. Слово «волхв» означает также «волшебник», «чародей», «маг».

– Они были чародеями?

– Не в том смысле, какой мы сегодня вкладываем в это слово. Скорее всего, они использовали некую тайную мудрость. Ведь помимо волшебника и чародея слово «волхв» означает также мудреца. Большинство исследователей Библии сегодня уверены в том, что это были последователи Заратустры, пришедшие из Персии или Вавилона. Они толковали расположение звезд и предсказали, что на западе по божественному промыслу будет рожден новый царь, а о его появлении на свет возвестит особый знак.

– Звезда Вифлеема?

Вигор кивнул.

– В отличие от того, что изображено на многочисленных картинах, восхождение Вифлеемской звезды не стало грандиозным событием. Как следует из Библии, никто в Иерусалиме даже не замечал его до тех пор, пока волхвы не пришли к царю Ироду и не рассказали ему об этом. Из их слов следовало, что, судя по расположению звезд, на свет появился новый царь, перед которым преклонит колени весь мир. Царь Ирод был потрясен, выслушав эти вести, и спросил волхвов, где они увидели взошедшую звезду. Затем он воспользовался священной книгой иудейских пророчеств, чтобы выяснить, где мог родиться новый царь, и послал волхвов в Вифлеем.

– Значит, это Ирод сказал им, куда идти?

– Да, и послал за ними шпионов. Но, как пишет Матфей, на пути в Вифлеем звезда снова взошла и указала волхвам путь к новорожденному. После этого, получив предупреждение от ангела, они тайно ушли, не сказав Ироду, где находится ребенок и кто его родители.

Джейкоб почти бежал, чтобы не отстать от своего учителя.

– Но ведь Мария и Иосиф вместе с новорожденным уже бежали в Египет, также предупрежденные ангелом. Что же произошло с волхвами?

– Действительно – что?

На протяжении последнего часа он исследовал гностические и апокрифические тексты, в которых могли содержаться любые упоминания волхвов – от Протоевангелия от Иоанна[13] до Книги Сифа[14]. Что стоит за похищением мощей библейских волхвов – тяга к наживе либо что-то другое и более серьезное? Именно его теперешние изыскания должны дать ответ на этот вопрос.

Вигор посмотрел на часы. Времени у него оставалось совсем чуть-чуть. Однако он знал, что главный архивариус продолжит его работу, передавая любые новые данные Джейкобу, который, в свою очередь, будет пересылать их ему по электронной почте.

– А верны ли исторические имена волхвов: Каспар, Мельхиор и Балтазар?

---

[12] Смирна – благовонная смола, употреблявшаяся для курений.

[13] Один из новозаветных апокрифов – книг, не вошедших в текст канонической Библии.

[14] Сиф – согласно Библии, третий сын Адама и Евы, рожденный после убийства Авеля Каином.

– Об этом можно только гадать. Эти имена впервые упомянуты в труде «Excerpta latina barbari»[15], относящемся к шестому веку. Впоследствии появлялись и другие сообщения, но лично я воспринимаю их как сказки, а не как серьезные исторические доказательства. Впрочем, отбрасывать нельзя ни одну версию. Выяснить это я поручаю тебе и нашему архивариусу отцу Альберто.

– Я сделаю все, что в моих силах.

Вигор нахмурился. Это была непростая задача, но, если посмотреть с другой стороны, так ли уж это важно? Сейчас главное – найти ответ на другой вопрос: зачем и почему похитили кости волхвов? Ни один правдоподобный ответ ему на ум не приходил, и Вигор сомневался, что он будет найден на тридцати километрах полок с документами секретных архивов. Но одна мысль все же начала складываться в его голове. Все истории, связанные с волхвами, намекали на существование некоего тайного знания – объемного, закрытого для непосвященных и доступного лишь для секты волхвов.

Кем же они были на самом деле? Чародеями, астрологами или служителями какого-то культа?

Вигор миновал Комнату пергаментов, и на него дохнуло запахами инсектицида и фунгицида. Должно быть, здесь недавно проводилась санитарная обработка. Эта процедура была чрезвычайно опасной, поскольку от едкого фунгицида многие пергаменты принимали фиолетовый оттенок, становились хрупкими и могли быть утеряны навеки.

Впрочем, опасность представляли собой не только химикалии, но и многое другое, и в первую очередь огромный объем хранящихся здесь документов. Добрая половина документов даже не была каталогизирована, а с каждым годом в хранилище поступало огромное количество новых, присылаемых послами Ватикана в разных странах, главами епархий и настоятелями отдельных приходов. Прочитать, описать и зарегистрировать все это было попросту невозможно.

Секретные архивы разрастались подобно раковой опухоли, распространяясь из помещения, отведенного для них изначально, на старые чердаки, в подземелья и заброшенные кельи. Вигор потратил полгода на изучение документов, составленных своими предшественниками, прежними шпионами Ватикана, тайными агентами Святого города, занимавшими различные и зачастую высокие посты в правительствах многих стран мира. Донесения были зашифрованы и содержали отчеты о политических интригах за последнюю тысячу лет.

Вигору было известно, что Ватикан, будучи не только религиозной, но и политической организацией, является объектом постоянных атак со стороны своих врагов. Именно такие люди, как Вигор, стояли между Святым престолом и внешним миром. Тайные воины, держащие линию обороны. И пусть Вигор был согласен не со всем, что делалось в прошлом и даже сегодня, его вера оставалась несокрушимой. Как и сам Ватикан. Он гордился тем, что служит Святому престолу.

Возникают и рушатся империи, рождаются и умирают философии. И только Ватикан остается несокрушимым и непоколебимым. В его камне слились и затвердели навеки история, время и вера.

Даже здесь, в сейфах, запертых сундуках и потемневших от времени деревянных шкафах архивов, хранились многие сокровища мира: письмо, написанное Марией Стюарт за день до того, как она была обезглавлена, любовная переписка Генриха VIII и Анны Болейн. Тут были документы времен инквизиции и охоты на ведьм, Крестовых походов, письма от персидского хана и императоров династии Минь. И наверное, самый таинственный артефакт хранился в

[15] «Excerpta latina barbari» («Латинские извлечения варвара») – сохранившийся латинский перевод (вероятно, ок. 491–518 гг.) затерянной греческой хроники, писанной неизвестным александрийцем ок. 400 г. «Excerpta barbari» названы так ввиду варварского перевода и грубой обработки.

запертом железном ларце, помещенном в специальное подземелье. Это было Третье пророчество Богоматери Фатимской. Одному только Папе было дозволено читать этот текст, представляющий собой воспоминания монахини Лусии душ Сантуш из Фатимы, которой в детстве, в 1917 году, явилась Богоматерь. Она предсказала начало третьей мировой войны и назвала точную дату конца света.

Однако то, что искал сейчас Вигор, охранялось не так тщательно. Вот только идти за этим нужно было очень далеко. До отъезда вместе с Рейчел в Германию он хотел проверить еще одно свое предположение.

Вигор достиг небольшого лифта, поднимавшегося на верхние этажи архива, которые назывались «piani nobli», или «благородные этажи». Придержав дверь для Джейкоба, он нажал на кнопку. Покачиваясь и дребезжа, кабина поехала вверх.

– Куда мы теперь? – спросил Джейкоб.

– В Torre dei Venti.

– В Башню ветров? А зачем?

– Там хранится один древний документ, копия «Описания мира» шестнадцатого века.

– Книга Марко Поло?

Вигор кивнул.

Лифт, вздрогнув, остановился, и мужчины вышли в длинный коридор.

Джейкоб снова ускорил шаг, пытаясь не отстать от учителя.

– А какое отношение приключения Марко Поло имеют к волхвам?

– В этой книге он рассказывает о легендах Древней Персии, в которых говорится о волхвах и о том, что с ними стало. Главное тут – подарок, который они получили от младенца Христа, камень, обладающий огромной силой. Именно этот камень стал центром, вокруг которого волхвы, как предполагается, создали тайное братство мистического знания. Я хочу проследить эту легенду.

Коридор привел их к Башне ветров. Пустующие комнаты башни были отданы под секретные архивы. К сожалению, комната, которая была нужна Вигору, находилась на самом верху. Проклиная отсутствие лифта, он начал взбираться по крутой винтовой лестнице и временно перестал читать своему ученику лекцию, чтобы сберечь дыхание для долгого подъема. Они молчали до тех пор, пока не достигли цели – одного из самых старых и удивительных помещений. Комнаты меридиана.

Джейкоб вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть фрески, которыми были покрыты полукруглые стены и потолок. Они изображали библейские сцены, херувимов и облака. Из отверстия в стене размером с небольшую монету тянулся похожий на копье луч света, утыкавшийся в мраморный пол комнаты, на котором были выложены знаки зодиака. По нему тянулась линия, отмечавшая меридиан. В XVI веке здесь была организована обсерватория, результатом работы которой впоследствии стало принятие григорианского календаря. Здесь трудился Галилей, пытаясь доказать, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. К сожалению, ему это не удалось. Церковь тогда показала себя не с лучшей стороны перед научным сообществом и с тех пор всячески пыталась оправдаться за подобную недальновидность.

Вигор постоял, пытаясь отдышаться, а затем вытер со лба пот и указал Джейкобу на дальний конец комнаты, где стоял массивный книжный шкаф. В нем-то и хранился необходимый им документ.

– Если верить каталогу, то нужная нам книга находится на третьей полке.

Джейкоб шагнул вперед и задел ногой тонкую веревку, натянутую вдоль порога. Вигор услышал тонкий звук натянутой струны, но предупредить парня уже не успел. Взрыв швырнул тело Джейкоба обратно к двери, прямо на Вигора. Они оба упали на спину, и в следующий миг над их головами пронесся огненный смерч, словно дыхание огнедышащего дракона.

4
ПРАХ К ПРАХУ

24 июля, 12 часов 14 минут
Вашингтон, округ Колумбия

Миссии был придан красный приоритет, черная срочность и серебряный уровень секретности. Эта цветовая «симфония» заставила директора Пейнтера Кроу печально покачать головой. У какого-то бюрократа, видимо, совсем плохо с головой.

Все эти обозначения сводились к одному: любой ценой не допустить провала. Кроме того, когда дело касалось национальной безопасности, второго места на пьедестале уже не существовало. Медаль могла быть только золотой, а серебряная и тем более бронзовая – отменялись.

Пейнтер сел за письменный стол и перечитал отчет дежурного офицера. Все, казалось, было в норме: документы оформлены, коды оперативной связи обновлены, система спутниковой связи проверена. Не была упущена ни одна деталь. Затем Пейнтер пробежал пальцем по статьям сметы расходов. На следующей неделе ему предстояло отчитываться по поводу расходования бюджетных средств перед Объединенным комитетом начальников штабов.

Он устало потер глаза. Вот во что превратилась его жизнь: бумажная возня, отчеты перед вышестоящим начальством и постоянные стрессы. Нудное, изматывающее существование. Да еще последние события: сначала – засада, устроенная «Гильдией», а теперь – операция, которую предстояло проводить за рубежом. В глубине души Пейнтер немного побаивался, думая о новых вызовах и возложенной на него ответственности. Он унаследовал «Сигму» от своего предшественника и основателя этой организации Шона Макнайта, который теперь являлся директором УППОНИР. Пейнтеру очень не хотелось разочаровать своего наставника. В течение всего утра они обсуждали последние события в Форт-Детрике, а также новую операцию, проговаривая, как в старые добрые времена, всевозможные варианты развития событий и ища оптимальные решения. Шон был удивлен тем, кого Пейнтер назначил руководителем команды, но вмешиваться не стал.

Итак, операция началась. Оставалось лишь проинструктировать оперативников. Вылет был запланирован на 2 часа 00 минут, так что времени оставалось немного. В аэропорту Даллес их уже ждал полностью заправленный и загруженный всем необходимым снаряжением частный самолет с эмблемой компании «Кенсингтон ойл». Великолепное прикрытие и щедрый дар от леди Кары Кенсингтон, которая – после личного звонка Пейнтера – с удовольствием согласилась помочь «Сигме» еще раз. «Ох уж эти американцы, ничего не могут сделать сами!» – весело уколола она его.

На столе Пейнтера зажужжал интерком. Он нажал на кнопку и произнес:

– Говорите.

– Директор Кроу, прибыли агенты Коккалис и Брайент.

– Пусть войдут.

Щелкнул электронный замок, и дверь открылась. Монк Коккалис придержал ее, пропустив вперед Кэтрин Брайент. Женщина была на голову выше бывшего «зеленого берета». Она двигалась с пластикой и скрытой силой львицы. Темно-рыжие волосы Кэтрин доходили до плеч и были стянуты резинкой, столь же обыденной, как и ее одежда: темно-синий пиджак, белые штаны и кожаные мокасины. Единственным цветным пятном в ее наряде являлась брошь на лацкане пиджака – маленькая изумрудная лягушка в золотой оправе. Это украшение как нельзя лучше сочеталось с зелеными глазами женщины.

Пейнтер знал происхождение этой броши. Она была подарена Кэтрин группой боевых аквалангистов, вместе с которыми ей пришлось участвовать в одной из операций во время службы в военно-морской разведке. Тогда она спасла двоих товарищей, доказав свою состо-

ятельность с помощью кинжала, однако один из аквалангистов все же погиб. В память о тех событиях она и носила эту брошь. Пейнтер предполагал, что в этой истории имелись и другие любопытные подробности, но в досье Брайент о них не было ни слова.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Пейнтер, приветствуя вошедших кивком. – А где же коммандер Пирс?

Монк уселся на стул.

– Грей… То есть коммандер Пирс был вынужден отлучиться по срочным семейным обстоятельствам. Он только что вернулся и сейчас придет.

«Прикрывают друг друга, – подумал Пейнтер. – Хорошо!» Это являлось одной из причин, по которой он включил в команду Монка Коккалиса, а командиром решил назначить Грейсона Пирса. Они дополняли друг друга своими навыками, но что более важно, очень хорошо ладили и подходили друг другу. Монк был уравновешенным и рассудительным, эдаким книжным червем, Грейсон – более динамичным и активным. И все же Монк умел проникнуть сквозь стальной панцирь Грейсона, и тот прислушивался к его мнению в большей степени, нежели к любому другому из «Сигмы». Монк обладал даром шутливого общения, которое в спорах оказывалось гораздо эффективнее любых взвешенных аргументов и рассудительных объяснений. Они двое представляли собой отличную команду.

Но с другой стороны…

Пейнтер обратил внимание на то, как была напряжена Кэт. Она сидела так, словно палку проглотила. Нет, она не волновалась, скорее выглядела усталой, но в целом излучала непоколебимую уверенность в себе. Возможно, даже чрезмерную. Решение включить женщину в состав команды основывалось даже не столько на том, что она прошла подготовку в области инженерных дисциплин, а на том, что Кэт обладала опытом работы в разведке. Она была знакома с жизнью и обычаями стран Европейского союза, и в первую очередь средиземноморских. Однако гораздо важнее было другое: у Кэт был установлен хороший контакт с монсиньором Вероной, одним из разведчиков Ватикана, который будет курировать проведение операции со стороны Святого престола. Они с Кэт работали вместе над расследованием преступлений, связанных с похищением произведений искусства.

– Пока мы дожидаемся коммандера Пирса, вам не повредит немного почитать, – сказал Пейнтер и протянул подчиненным толстые досье в черных кожаных папках, на лицевой стороне каждой из которых красовалась серебряная буква «Σ». Третья папка, предназначенная для Пирса, осталась лежать на столе. – Здесь содержатся все детали предстоящей операции.

Пейнтер прикоснулся к сенсорной панели, вмонтированной в поверхность его письменного стола. Три плоских экрана фирмы «Sony» – один за его спиной, второй на левой стене, третий на правой – сразу же среагировали на это прикосновение. Раньше на них был панорамный снимок гористой местности, сделанный с высоким разрешением, теперь же он исчез и сменился все тем же логотипом «Σ».

– Хотя обычно инструктаж перед очередной миссией является прерогативой моего заместителя по оперативной работе, сегодня я проведу его сам.

– Перераспределение обязанностей? – чуть насмешливо проговорила Кэт, и в ее голосе прозвучал акцент уроженки южных штатов. Однако Пейнтер знал, что в случае надобности она могла говорить без всякого акцента или с любым другим. – Это из-за засады в Форт-Детрике?

Пейнтер утвердительно кивнул головой.

– В связи с возможной утечкой данных в настоящее время осуществляется широкомасштабная проверка нашей системы безопасности, поэтому доступ к информации ограничен.

– И несмотря на это, нам поручена новая операция? – недоуменно спросил Монк.

– У нас нет выбора. Приказ поступил от…

Зажужжал интерком. Пейнтер нажал на кнопку включения.

– Директор Кроу, – послышался голос из динамика, – прибыл коммандер Пирс.

– Пусть войдет.

Замок снова щелкнул, и в кабинет вошел Грейсон Пирс. На нем были черные джинсы «Левис», черные кожаные туфли и накрахмаленная белая рубашка. Мокрые после душа волосы были аккуратно расчесаны.

– Прошу прощения за то, что опоздал, – сказал Грейсон, остановившись между своими коллегами.

Что-то в его взгляде сказало Пейнтеру, что его подчиненный и впрямь испытывает неловкость, а его поза свидетельствовала о том, что он готов покорно принять начальственный нагоняй.

Грейсон понимал, что заслужил выговор. После истории с проникновением в ряды «Сигмы» вражеского агента меры по обеспечению безопасности стали просто драконовскими, точно так же, как и требования по соблюдению дисциплины. И все же в «Сигме» всегда – и даже теперь – царил определенный дух либерализма, и казарменные порядки здесь никогда не приживались. Мужчины и женщины, служившие в этом спецподразделении, были лучшими из лучших. В ходе проведения операций они должны действовать творчески, проявлять изобретательность и независимость, а это станет невозможным, если на базе ввести палочную дисциплину.

Пейнтер знал все про всех своих подчиненных, в том числе и о том, что отец Грейсона тяжело болен. Ему также доложили о том, что Пирс покинул базу. Посмотрев сейчас на него, Пейнтер увидел усталость, затаившуюся глубоко в глазах мужчины и спрятанную за внешней невозмутимостью. Чем она была вызвана – утренней засадой или домашними неурядицами?

Грейсон не отвел глаз. Он просто молча ждал.

Эта встреча являлась не только инструктивным совещанием. Она была еще и испытанием.

Пейнтер жестом предложил Грейсону садиться и сказал:

– Дела семейные, бесспорно, важны. Постарайтесь только, чтобы опоздания не вошли у вас в привычку.

– Слушаюсь, сэр.

Грейсон сел на стул. Его взгляд был прикован к черным кожаным папкам с досье. Между бровей пролегла складка. То, что не последовало нагоняя, слегка выбило его из колеи. «Это хорошо», – подумал Пейнтер.

Он толкнул третью папку по направлению к Грейсону и пояснил:

– Мы только начали знакомиться с материалами по предстоящей операции.

Грей взял папку и стал читать. Его глаза недоуменно сузились, но он не произнес ни слова.

Пейнтер откинулся на спинку кресла и стукнул пальцем по сенсорной панели на своем столе. На трех экранах сразу же возникли три различных изображения. На левом появился величественный готический собор, на правом – снимок, сделанный внутри его. Повсюду лежали распростертые тела. На среднем экране была фотография алтаря, рядом с которым виднелись обведенные мелом очертания человеческого тела. Тут был обнаружен труп священника, отца Георга Брейтмана.

Пейнтер наблюдал за тем, как взгляды его подчиненных ощупывают каждую деталь изображений, застывших на экранах.

– Массовое убийство в Кёльне, – констатировала Кэт.

Пейнтер кивнул:

– Это произошло под конец полуночной мессы по случаю праздника Трех царей. Убиты восемьдесят пять человек. Мотив, казалось бы, лежит на поверхности – грабеж. Нападавшие взломали бесценный реликварий, хранившийся в соборе с незапамятных времен. – Пейнтер вывел на экраны изображение золотого саркофага и осколков пуленепробиваемого стекла от

контейнера, в котором он находился. – Однако похитили лишь содержимое ковчега. Предположительно это были кости библейских волхвов.

– Кости? – переспросил Монк. – Они бросили огромный ящик из чистого золота, но зато забрали кучу костей? Что же это за публика такая?

– Пока неизвестно. В этой бойне остался только один выживший.

Пейнтер вывел на экраны две фотографии. На одной был изображен молодой человек, которого на носилках выносили из собора, на другой – он же, но теперь уже на больничной койке, с глазами, застывшими от шока.

– Джейсон Пендлтон. Американец, двадцать два года. Его нашли прячущимся в исповедальной кабинке. Когда его обнаружили, он был не в себе, но после того, как ему вкололи лошадиную дозу успокоительного, парень немного очухался и сумел дать более или менее внятные показания. Налет был совершен группой людей в монашеской одежде, лица которых были закрыты капюшонами, поэтому опознать кого-либо невозможно. Вооруженные автоматическим оружием, они штурмом взяли собор. Несколько человек, включая настоятеля и архиепископа, были застрелены.

На плоских экранах сменяли друг друга снимки: прошитые пулями тела, нарисованные на полу меловые контуры людей, огнестрельные раны, протянутые в разных направлениях длинные красные нити, с помощью которых вычислялись траектории пуль. Отчасти это напоминало обычное место преступления, на котором работает полиция, но уж очень необычными были декорации.

– А при чем тут «Сигма»? – спросила Кэт.

– Дело в других смертях. Необъяснимых. Чтобы взломать защитный контейнер, злоумышленники использовали какой-то прибор, который не только разрушил его металлическое основание и пуленепробиваемое стекло, но также – по крайней мере, так следует из слов единственного выжившего – поднял и погнал по всему собору волну смертей.

Пейнтер снова стукнул пальцем по сенсорной панели, и на всех трех экранах тут же возникли фотографии погибших. На лицах агентов ничего не отразилось. Они видели смерть в самых различных ее проявлениях. Тела были искривлены, головы – откинуты назад. На одном из снимков лицо покойника было запечатлено крупным планом. Его глаза были открыты, роговая оболочка глаз потемнела и стала непрозрачной, а из уголков глаз стекали кровавые слезы. Губы раздвинулись, да так и остались, застыв в жуткой предсмертной гримасе, зубы оскалены, из десен течет кровь. Перед смертью человек прикусил язык, и его кончик почернел.

Монк, обладавший подготовкой судмедэксперта, выпрямился на стуле и сосредоточенно смотрел на экран. Пусть иногда он, дурачась, изображал из себя легкомысленного шута, но Монк умел наблюдать, и в этом ему не было равных.

– В ваших папках находятся полные отчеты о вскрытии, – продолжал Пейнтер. – Первоначальный вывод коронеров состоит в том, что смерть наступила от некоего подобия эпилептического приступа, на который непонятным образом наложились другие факторы. Иначе говоря, чрезвычайно мощные конвульсии, еще больше усиленные взрывным перегревом организма, в результате чего произошло чудовищное повышение температуры тела и, как следствие, тотальное разжижение коры головного мозга. В момент смерти произошло сжатие сердца – настолько мощное, что при вскрытии в сердечных желудочках не обнаружено ни капли крови. В груди у одного мужчины взорвался электрокардиостимулятор. У женщины в бедре была металлическая спица. Ее нога сгорела изнутри, и, когда женщину нашли несколько часов спустя, она еще тлела.

Лица агентов ничего не выражали, однако Монк непроизвольно прищурил один глаз, а Кэт заметно побледнела. Даже Грей сидел как-то чересчур неподвижно и почти не мигал. Он заговорил первым:

– А вы уверены в том, что смерть этих людей сопряжена с таинственным прибором?

– Настолько, насколько тут вообще можно быть в чем-то уверенным. Свидетель утверждает, что после включения прибора он почувствовал давление в голове. Кроме того, у него заложило уши – так бывает, когда самолет идет на посадку. Как раз в этот момент и стали умирать люди.

– Однако Джейсон выжил, – сделав глубокий вдох, заметила Кэт.

– И некоторые другие – тоже. Но все они были затем убиты нападавшими. Хладнокровно расстреляны.

Монк поерзал на стуле и подвел предварительный итог:

– Иными словами, одни люди погибают страшной и странной смертью, другие – нет. Чем это объяснить? Что объединяло между собой погибших?

– Только одно, и этот факт был отмечен Джейсоном Пендлтоном. Люди, ставшие жертвами необъяснимых конвульсий, подходили к Святому причастию.

Монк растерянно заморгал.

– Именно по этой причине Ватикан обратился за помощью к властям США, в результате чего мы получили соответствующий приказ.

– Ватикан… – проговорила Кэт.

В ее глазах промелькнуло понимание. До женщины стало доходить, почему ее выбрали для этой операции, оторвав от защиты докторской диссертации в области инженерных наук.

Пейнтер продолжил:

– Ватикан опасается огласки и ее возможных последствий. А они могут быть самыми негативными, если станет известно, что некая кучка людей посягнула на само таинство Святого причастия. К примеру, отравив облатки. Ватикан хочет получить ответы как можно скорее, даже если для этого потребуется нарушить международное законодательство. Ваша команда будет работать в тесном контакте с двумя агентами Святого престола. Их главная задача – выяснить, как связаны все эти смерти с похищением мощей волхвов. Был ли это отвлекающий маневр, символический жест или что-то еще?

– А какова наша конечная цель? – спросила Кэт.

– Выяснить, кто совершил преступление и что за устройство было при этом использовано. Если этот прибор способен убивать таким своеобразным и выборочным образом, мы обязаны знать, что он собой представляет и в чьих руках находится.

Грей, продолжая созерцать ужасные снимки, сохранял внешнее спокойствие.

– Бинарный яд, – пробормотал он наконец.

Пейнтер посмотрел на подчиненного. Их глаза встретились. И у того и у другого они были цвета штормового моря.

– О чем это ты? – повернулся к другу Монк.

– О смерти этих несчастных, – пояснил Грейсон. – Она не явилась следствием чего-то одного. Прибор – внешний фактор – привел в действие некий внутренний процесс, который и стал причиной массовой гибели людей. Но – только тех, кто причастился. Значит, должен быть еще и внутренний фактор, о котором нам пока ничего не известно. – Он повернулся к Пейнтеру. – Было ли предложено причащавшимся прихожанам церковное вино?

– Лишь некоторым из них. Зато облатку получили все без исключения.

Пейнтер смотрел на Грея, пытаясь проследить ход его мысли, и видел, что агент уже пришел к определенным выводам, на которые даже у экспертов ушло гораздо больше времени. Быстрота и продуктивность мышления этого человека являлась одной из причин того, почему Пейнтер в свое время положил на него глаз и привлек в «Сигму».

– В облатки, вероятнее всего, было добавлено какое-то вещество, – продолжал рассуждать Грей, теперь уже вслух. – Иного объяснения быть не может. Именно таким образом – с церковными хлебцами – это вещество попало в организм жертв, а затем начался некий про-

цесс, приведенный в действие прибором. – Он снова посмотрел в глаза Пейнтеру. – Были ли облатки исследованы на предмет наличия в них посторонних субстанций?

– В желудках погибших осталось мало пригодного для проведения полноценных исследований, но зато были обнаружены неиспользованные хлебцы. Их отправили сразу в несколько лабораторий Евросоюза.

– И каков результат?

Взгляд Грейсона перестал быть тусклым, усталость уступила место предельному вниманию и сконцентрированности. Пейнтер понял, что агент полностью готов к выполнению задания. Однако задуманное Пейнтером испытание было еще не окончено.

– В результате исследований не было обнаружено ровным счетом ничего, – сообщил он, – кроме пшеничной муки, воды и обычных ингредиентов, используемых для изготовления церковных облаток.

Складка между бровей Грейсона стала еще глубже.

– Это невозможно! – заявил он, и в его голосе Пейнтер услышал не просто упрямство, а даже воинственность. Этот человек сделал умозаключение и был готов отстаивать его. – Там должно что-то быть!

– Лаборатории УППОНИР также исследовали облатки и пришли к тем же выводам.

– Они ошиблись.

Монк примирительным жестом поднял ладонь, Кэт, пребывавшая в глубокой задумчивости, скрестила руки на груди.

– Значит, – рассудительно заговорила она, – должно быть иное объяснение того, почему…

– Чушь! – оборвал ее Грейсон. – Ошиблись все лаборатории.

Пейнтер едва заметно улыбнулся. Он уже не сомневался, что из этого человека выйдет настоящий лидер – с острым умом, упорством бульдога, готовый выслушивать аргументы других, но при этом твердо стоящий на своем, если у него уже сложились определенные выводы.

– Вы правы, – сказал наконец Пейнтер.

Глаза Монка и Кэт удивленно округлились. Что же до Грейсона, тот просто откинулся на спинку стула.

– Наши лаборатории действительно кое-что обнаружили.

– Что именно?

– Они разложили образец на составные части и отделили друг от друга все органические компоненты. Шаг за шагом они идентифицировали и, что называется, убирали в сторону каждый из них, предварительно измеряя его вес с помощью спектрометра массы. А после того, как все распознанные компоненты были удалены, на весах осталась примерно четверть первоначального веса вещества. Некий белый порошок.

– Не понимаю, – сказал Монк.

– Имеющееся оборудование оказалось не в состоянии идентифицировать оставшееся вещество, – объяснил Грей. – Оно находилось на весах, а приборы сообщали экспертам, что там ничего нет.

– Но этого не может быть, – возразил Монк, – у нас тут лучшее в мире оборудование!

– И тем не менее даже оно оказалось несостоятельным.

– Это вещество должно быть абсолютно инертным, – предположил Грей.

Пейнтер кивнул:

– Совершенно верно, и поэтому ребята из наших лабораторий продолжили свои эксперименты. Они нагрели вещество до температуры его плавления – тысяча шестьсот градусов. Оно перешло в жидкую форму, а после остывания затвердело и стало похоже на стекло янтарно-желтого цвета. Когда же это стекло поместили в ступку и измельчили, оно опять превратилось

в белый порошок. Но на всех стадиях своего превращения вещество оставалось совершенно инертным и современное оборудование не могло его распознать.

– А какое может? – спросила Кэт.

Пейнтер вывел на экраны снимок, на котором был изображен углеродный электрод, помещенный в камеру с инертным газом.

– Один из специалистов работал раньше в Корнеллском университете и подверг порошок исследованию, технология которого была разработана именно там. Они провели фракционное испарение порошка, проводя одновременно его спектроскопический анализ. С помощью технологии гальванизации они осуществили отжиг вещества и сумели вернуть его в первоначальное состояние.

Пейнтер вывел на экраны последний кадр. Это был сделанный крупным планом снимок все того же черного электрода. Только… он уже не был черным.

– Вернувшееся в исходное состояние вещество осело на углеродном электроде.

В свете мощных ламп стержень электрода сиял и переливался блеском, который невозможно было спутать ни с чем.

Грейсон подался вперед:

– Золото!

18 часов 24 минуты (местное время)

Рим, Италия

Рейчел сидела на переднем сиденье патрульной машины карабинеров. Все тело ныло от ушибов, а от завывания сирены голова, которой и без того изрядно досталось, болела еще сильнее. Но единственным, что занимало ее мысли, была железная уверенность в том, что дядя Вигор мертв. Страх душил ее, мешая дышать и застилая глаза.

Рейчел не слушала, о чем говорит по рации карабинер, сидящий за рулем. Его машина оказалась первой на месте происшествия, где ей едва удалось остаться в живых. Рейчел отказалась от помощи медиков и, используя свой авторитет лейтенанта, приказала немедленно отвезти ее в Ватикан.

Машина подъехала к мосту через Тибр. Рейчел не спускала глаз с дороги. На противоположном берегу реки появился купол собора Святого Петра, возвышавшийся над всеми остальными постройками города. Опускаясь к горизонту, солнце окрасило его серебром и окутало тенями, однако не это прекрасное зрелище заставило Рейчел привстать с сиденья и вцепиться руками в край приборной доски. Позади собора в темносинее небо поднимался черный столб дыма.

– Дядя Вигор…

Над рекой разносились звуки других сирен – машин пожарных и спасателей.

Рейчел схватила водителя за локоть. Ей хотелось самой сесть за руль и погнать машину на предельной скорости, но она все еще не вышла из состояния шока.

– Не могли бы вы ехать побыстрее?

Молодой карабинер кивнул. Это был новичок, одетый в черную униформу с красными полосками на брюках и серебристым позументом на груди. Он крутанул руль и выехал на тротуар, чтобы обогнуть образовавшуюся впереди пробку. По мере приближения к Ватикану на душе у Рейчел становилось все более тревожно. Все пространство впереди было забито машинами экстренных служб.

– Езжайте к воротам Святой Анны, – велела она.

Лавируя в скоплении автомобилей, карабинер с трудом преодолел три квартала, отделявшие их от Porta Sant'Anna. Вскоре их взглядам открылась и сама картина пожара. За стенами Ватикана располагалась Башня ветров – второе по высоте сооружение в городе. Ее верхняя часть полыхала огнем, отчего башня напоминала гигантский каменный факел.

О нет…

В башне находилась часть архивов Ватикана, а Рейчел знала, что дяде понадобились какие-то архивные документы. После нападения на нее пожар, вспыхнувший в башне, не мог оказаться случайностью.

Машина резко затормозила, и Рейчел бросило на приборную доску. Опустив взгляд, она увидела, что дорога впереди полностью блокирована. Рейчел не могла просто сидеть и ждать, пока пробка рассосется, поэтому, расстегнув ремни безопасности, она открыла дверь и стала выбираться наружу. Внезапно пальцы карабинера сжали ее плечо.

– Лейтенант Верона, – проговорил он, – будьте осторожны. И возьмите вот это, вдруг понадобится.

Он протягивал ей черный пистолет – «Беретту-92», табельное оружие карабинеров.

Кивнув в знак благодарности, она взяла оружие и попросила:

– Поезжайте в участок. Сообщите генералу Ренде о том, что я вернулась в Ватикан. Он сможет связаться со мной через помощников государственного секретаря.

Молодой карабинер кивнул:

– Желаю удачи, лейтенант.

Не обращая внимания на завывающие со всех сторон сирены, Рейчел выскочила из машины, сунула пистолет за пояс и, вытащив из брюк блузку, одернула ее так, чтобы спрятать «беретту». Расхаживать в гражданской одежде с оружием в руках было бы верхом неблагоразумия в условиях чрезвычайной ситуации.

Тротуары были забиты людьми, проезжая часть – автомобилями. Рейчел на бегу лавировала между ними, и однажды, чтобы не останавливаться, ей даже пришлось вспрыгнуть на багажник машины и, пробежав по ее крыше, спрыгнуть с другой стороны.

Впереди себя она увидела красные машины пожарных, стоящие у ворот Святой Анны. Однако внутрь им было не попасть. Швейцарские гвардейцы, поднятые по тревоге, выстроились в две шеренги вдоль ворот и не пускали никого. Тут уж было не до бутафорских алебард – каждый из гвардейцев сжимал в руках штурмовую автоматическую винтовку.

Рейчел кинулась к этой живой баррикаде.

– Я – лейтенант Верона из корпуса карабинеров! – кричала она, держа в высоко поднятой руке свое служебное удостоверение. – Я должна увидеть кардинала Сперу!

Лица гвардейцев оставались непреклонными, сами они напоминали каменные изваяния. Им было приказано блокировать вход в Святой город, и они были намерены выполнить приказ любой ценой. Звание лейтенанта карабинеров было для швейцарских гвардейцев пустым звуком.

Однако в этот момент сзади выдвинулась какая-то фигура, в которой Рейчел узнала того самого гвардейца, с которым она разговаривала совсем недавно. Пройдя сквозь строй своих товарищей, он подошел к ней.

– Лейтенант Верона, мне приказано проводить вас внутрь. Идемте со мной.

С этими словами гвардеец развернулся на каблуках и пошел по направлению к воротам. Рейчел поспешила следом и нагнала его уже в воротах.

– Мой дядя… Монсиньор Верона… – сбиваясь, заговорила она.

– Я ничего не знаю. Мне лишь приказано проводить вас на вертолетную площадку. – Он указал ей на двухместный электрокар, стоявший у ворот. – Это приказ кардинала Сперы.

Рейчел забралась в неуклюжую машинку. Мимо них, рыча мотором, проползла пожарная машина и въехала на широкий двор перед музеями Ватикана, оказавшись там в компании с другими автомобилями экстренных служб и даже парой тяжелых военных машин со стационарными пулеметами на броне.

Чтобы объехать автомобильное скопление перед музеями Ватикана, гвардеец поехал направо. Перед ними продолжала полыхать Башня ветров, а откуда-то снизу била тугая струя

воды, безуспешно пытаясь дотянуться до языков огня. Пламя вырывалось из окон трех верхних этажей. Над башней, словно языки дракона, переплетались и тянулись ввысь спирали черного дыма. Набитая древними книгами, рукописями и пергаментами, башня представляла собой лакомую поживу для огня.

Это была настоящая катастрофа. То, что не уничтожил огонь, становилось жертвой воды и дыма. На глазах у сотен людей погибала, уходила в никуда многовековая история Запада, задокументированная, записанная очевидцами в каждой из бумаг, которые сейчас, корчась, умирали в огне.

Однако душа Рейчел разрывалась совсем из-за другого.

«Дядя Вигор…»

Электрокар миновал гараж Ватикана и продолжил движение по вымощенной брусчаткой улице вдоль стены Леонина – высокого сооружения из дикого камня, разделявшего два города – Святой и Вечный. Они объехали комплекс музеев и добрались до обширных садов, покрывавших добрую половину города-государства. В отдалении танцевали струи фонтанов, все вокруг окутали темно-зеленые тени. Мир, казалось, разделился на две антагонистические части: идиллическую пастораль впереди и адский, пышущий огнем и дымом, разрываемый воем сирен ландшафт позади.

Наконец показался конечный пункт их недолгого путешествия – угнездившаяся в складках каменной стены вертолетная площадка Ватикана. Крохотная, площадью не более акра, она была сооружена на месте бывшего теннисного корта и представляла собой островок бетона и несколько технических построек. Здесь, словно спрятавшись от царившей неподалеку суматохи, стоял всего лишь один вертолет. Лопасти его винта начали медленно вращаться, с каждой секундой набирая обороты. Двигатель завывал все громче. Этот белоснежный винтокрылый красавец был хорошо известен Рейчел. Личный геликоптер Папы Римского, который в народе окрестили «папалётом».

Она также сразу узнала черную сутану и красный пояс кардинала Сперы. Он стоял у открытой двери со стороны пассажирского сиденья, слегка пригибаясь и придерживая рукой красную шапочку, чтобы поток воздуха от вращающихся лопастей не сдул ее с головы. Услышав жужжание электрокара, он повернулся в их сторону и поднял руку в приветственном жесте.

Электрокар стал тормозить в некотором отдалении от вертолета. Рейчел не терпелось выскочить и броситься к кардиналу. Если кто-то и знает что-нибудь о судьбе ее дяди, то только он. Или…

Из-за вертолета выступила еще одна фигура и торопливо направилась к ней. Рейчел бросилась к этому человеку и повисла у него на шее, вцепившись в него, как утопающий цепляется за спасательный круг. Над их головами стрекотали лопасти вертолета.

– Дядя Вигор…

По ее щекам катились горячие слезы, растапливая лед, успевший скопиться на сердце за последний час.

Вигор немного отстранился:

– Ты опоздала, детка.

– Меня тут слегка отвлекли…

– Да, я слышал. Генерал Ренде сообщил мне о том, что на тебя напали.

Рейчел обернулась, чтобы еще раз взглянуть на горящую башню. От волос дяди пахло дымом, его брови были обожжены.

– Похоже, напали не на одну только меня. Слава Всевышнему, что с тобой все в порядке!

Лицо Вигора потемнело и напряглось.

– К сожалению, не всем так повезло, – с горечью в голосе проговорил он. – Джейкоб погиб. Его тело защитило меня от взрыва. Он спас мою жизнь. – В его голосе звучала неподдельная мука. – Пойдем. Нам пора.

Вигор повел племянницу к вертолету.

Когда они оказались рядом с кардиналом Сперой, тот склонил голову и, обращаясь к Вигору Вероне, произнес загадочную фразу:

– Их нужно остановить.

Рейчел следом за дядей забралась в кабину вертолета. Они пристегнулись ремнями безопасности. Герметичная дверь закрылась, и шум двигателей словно отрезало ножом. Полозья геликоптера оторвались от бетона, и машина плавно взмыла ввысь.

Дядя Вигор сидел напротив Рейчел, опустив голову и закрыв глаза. Его губы шевелились, вторя безмолвной молитве, которую он творил в своей душе. Молитве за упокой души Джейкоба и… наверное, за здравие его самого и его племянницы.

Наконец Вигор открыл глаза и словно вернулся к жизни. Вертолет уже пересек серебристую полоску Тибра и удалялся все дальше от Святого города.

– Те люди, которые напали на меня… – начала Рейчел. – На их машинах были номера Ватикана.

Ей показалось, что дядя Вигор ничуть не удивился.

– Да, Ватикан имеет шпионов не только во всем внешнем мире, но и внутри себя самого.

– Кто же…

С раздраженным рычанием Вигор махнул рукой, приказывая племяннице замолчать, а затем выпрямился в кресле, достал из внутреннего кармана пиджака пачку каких-то бумаг и передал их Рейчел.

– Это рисунок, сделанный художником со слов единственного выжившего в Кёльнском соборе человека. Он увидел этот символ на одежде главаря тех, кто напал на собор.

Рейчел развернула лист бумаги. На нем с удивительной точностью был изображен красный дракон, свернувшийся кольцами и захлестнувший шею собственным хвостом.

Рассмотрев рисунок, Рейчел положила лист на колени и подняла глаза на дядю.

– Этот древний символ, – пояснил тот, – берет свое начало аж в четырнадцатом веке.

– Символ чего?

– Символ ордена дракона.

Рейчел недоуменно тряхнула головой. Название не говорило ей ровным счетом ничего.

– Это средневековый культ алхимиков, возникший в результате раскола ранней церкви, ересь, ставшая свидетелем возвышения пап и антипап.

Рейчел была знакома с историей правления ватиканских антипап – понтификов, которые занимали пост главы католической церкви, но избрание которых впоследствии было объявлено неканоническим. Причины тому могли быть самые разные, но чаще всего это происходило вследствие узурпации власти той или иной группировкой церковников, поддерживаемой королем или императором, и изгнания легитимно избранного Папы. С III по XV век сорок антипап восходили на Святой престол, однако наиболее бурным историческим периодом стал XIV век, когда законное папство было изгнано из Рима и нашло прибежище во Франции. На протяжении семи десятилетий резиденцией законных пап являлся Авиньон на юге Франции, а тем временем в Риме процветала феодальная анархия, в ходе которой на престол святого Петра периодически претендовали антипапы.

– Но что общего может иметь столь древний культ с сегодняшним днем? – спросила Рейчел.

– Орден дракона существует и сегодня. Он официально признан Европейским союзом – наравне с Мальтийским орденом, который, между прочим, даже имеет статус наблюдателя в Организации Объединенных Наций. На протяжении веков орден дракона оставался в тени,

но его связывали и с орденом тамплиеров, и с орденом розенкрейцеров, и с другими тайными обществами. Орден дракона открыто признает, что в числе его членов находятся представители католической церкви. Они есть даже здесь, в Ватикане.

– Здесь?

В голосе Рейчел слышался неприкрытый испуг. Она сама и ее дядя превратились в мишени для убийц, руку которых направлял кто-то из Ватикана.

– Несколько лет назад, – продолжал свой рассказ дядя Вигор, – разразился колоссальный скандал. Бывший иезуитский священник, отец Малахия Мартин, написал о существовании тайной церкви внутри церкви. Это был ученый, говоривший на семнадцати языках, автор многих научных трудов и к тому же близкий соратник Папы Иоанна Двадцать третьего. Он работал здесь, в Ватикане, на протяжении двадцати лет. Свою последнюю книгу он написал незадолго до смерти, и в ней рассказывалось о культе, учрежденном в недрах Ватикана алхимиками, проводившими свои церемонии в глубочайшей тайне.

В животе у Рейчел засосало, но это отвратительное чувство никак не было связано с тем, что вертолет заложил крутой вираж, взяв курс в направлении аэропорта Фьюмичино.

– Тайная церковь внутри церкви… Значит, именно эти люди могли быть вовлечены в побоище, устроенное в Кёльнском соборе! Но кто они? И какова их цель?

– Ты хочешь спросить, зачем им понадобилось красть мощи волхвов? Понятия не имею!

Рейчел погрузилась в глубокие раздумья. Опыт говорил ей: если хочешь поймать преступника, сначала собери о нем как можно больше информации. Выяснить мотив преступления гораздо важнее и полезнее, чем получить фотографию преступника.

– Что еще ты знаешь об ордене дракона?

– Не так много, хотя это может показаться странным, учитывая то, что он существует уже много веков. В восьмом веке император Карл Великий завоевал Европу именем Святого престола, растоптав языческие религии и навязав покоренным народам католическую веру.

Рейчел кивнула. Ей было прекрасно известно о варварской тактике Карла Великого.

– Однако времена меняются, – продолжал дядя Вигор. – То, что вчера было не модным, входит в моду вновь. К двенадцатому веку начался процесс возрождения гностицизма, мистического знания, причем у его истоков стояли те же императоры, которые раньше уничтожали это самое знание. Ересь, возникшая в результате раскола, постепенно трансформировалась, приближаясь к католицизму и приобретая очертания церкви, которую мы знаем сегодня. Но при этом императоры продолжали практиковать гностицизм. Конец ему пришел в конце четырнадцатого века. Из французского изгнания вернулось папство. Желая, чтобы воцарился мир, император Священной Римской империи Сигизмунд Люксембургский оказал Ватикану политическую поддержку, сделав «красивый жест», который заключался в том, что гностицизм был запрещен для низших сословий.

– Только для низших?

– Аристократия стояла особняком. Выжигая мистические верования из простолюдинов, император в то же время создал тайное общество, в которое входили представители королевских династий Европы. Интересы этого общества лежали в области алхимии и мистицизма. Ordinis Draconis. Высший имперский орден дракона. Он существует и сегодня, состоит из множества различных сект или, если хочешь, подразделений, которые осуществляют свою деятельность в разных странах мира. Одни занимались добрыми делами – благотворительностью, филантропией, другие лишь симулировали некую деятельность. Но были и иные побеги этого древа, во главе которых встали лидеры с черной душой. И я готов поклясться, что одним из этих ядовитых побегов стал орден дракона.

Рейчел невольно придала разговору характер допроса. Сейчас для нее важнее всего был принцип «знай своего врага».

– Какова же конечная цель этих бесчеловечных сект? – спросила она.

– Будучи представителями культа аристократии, их лидеры считали себя и своих последователей избранными для того, чтобы править человечеством, миром. Они полагали, что предназначены для этого по праву рождения, благодаря чистоте крови.

– Гитлеровская идея сверхчеловека?

– Совершенно верно, – кивнул дядя Вигор. – Но им нужно нечто большее. Не только власть. Их цель – все тайные знания древних времен, дарующие им господство над миром, конечным результатом чего станет вселенский апокалипсис.

– На такое не осмелился замахнуться даже Гитлер, – пробормотала Рейчел.

– Сами они ведут и проповедуют аскетический образ жизни, но при этом считают себя высшей кастой и манипулируют политиками по всему миру. Они сотрудничают с такими известными экстремальными тайными обществами, как «Череп и кости»[16] в Америке или «Бильдерберг»[17] в Европе. Но сейчас кто-то из них нагло демонстрирует свою руку, которая к тому же по локоть в крови.

– И что это означает?

Дядя Вигор покачал головой:

– Боюсь, эта секта обнаружила нечто имеющее огромную важность. Что-то такое, что позволит им выйти из тени на свет божий и заявить о себе во весь голос.

– А все эти смерти?..

– Предупреждение в адрес церкви. Точно так же, как и нападения на нас с тобой. Покушения на убийство, случившиеся одновременно, не могут быть простым совпадением. За ними наверняка стоит орден дракона. Он решил запугать нас, помешать нам в нашем расследовании. Орден дракона наращивает мускулы, готовясь к решительной атаке на церковь. Подобно змее, он сбрасывает шкуру, которую носил на протяжении веков.

– Но какова их конечная цель?

Дядя Вигор откинулся назад и тяжело вздохнул.

– Их конечная цель – точно такая же, как и у всех остальных безумцев.

Рейчел молча смотрела на него. Ответом на ее вопрошающий взгляд стало лишь одно слово:

– Армагеддон.

16 часов 04 минуты

Над Атлантическим океаном

Грей покачал высокий бокал, и кусочки льда негромко звякнули о стеклянные стенки.

Кэт Брайент сидела в бархатном кресле частного самолета с отрешенным видом, но морщина, что залегла меж ее бровей, выдавала ее глубокую озабоченность. Она уже во второй раз изучала полученное от Пейнтера досье, содержавшее информацию относительно их задания. Что касается Грея, то он прочитал его от корки до корки и не видел необходимости снова мусолить эти бумаги. Сейчас он смотрел в иллюминатор на синевато-серую поверхность Атлантического океана и ломал голову над загадкой: почему именно его назначили руководителем команды? Грей размышлял об этом довольно долго, но и здесь, на высоте в сорок пять тысяч футов, не мог найти ответа.

---

[16] «Череп и кости» – самое старое (осн. в 1832 г.) тайное общество Йельского университета. Ежегодно в ряды братства избираются только 15 членов. О роли этого общества в мировой политике ходит множество слухов. Например, есть версия, что «Череп и кости» помогли приходу Адольфа Гитлера к власти. Членом общества, в частности, является экс-президент США Дж. Буш.

[17] Общество «Бильдерберг» создано в 1954 г. в Лейдене (Нидерланды) принцем Бернардом с конечной целью создания мирового правительства. Общество собирается два раза в год и включает в себя ведущих финансистов и политиков всего мира. За последние 30 лет все премьер-министры Великобритании участвовали в заседаниях общества «Бильдерберг», а его директором является Дэвид Рокфеллер. Среди ветеранов клуба Генри Киссинджер, глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспэн, глава Европейского центрального банка Жан Клод Трише, королева Нидерландов Беатрикс.

Поднявшись из кресла, Грей встал и направился к старинному резному бару, располагавшемуся в дальнем конце салона. Он снова покачал головой, окидывая взглядом окружающую роскошь: уотерфордский хрусталь, драгоценное ореховое дерево, кожаную обивку. Внутренности самолета напоминали салон дорогого английского клуба. Но по крайней мере, имя владельца этого бара Грею было известно.

– Еще одну кока-колу? – спросил Монк.

– Нет, – ответил Грей, ставя бокал на стойку бара, – в меня уже не лезет.

– Слабак, – пробормотал его друг.

Грей повернулся и окинул взглядом салон. Отец как-то сказал ему, что умело играть роль – всего лишь полдела. Нужно стать тем, которого ты играешь. Эти слова, разумеется, были вызваны той неохотой, с какой Грей исполнял обязанности помощника бурового мастера на нефтяной вышке, где раньше работал инженером его отец. Грею тогда было всего шестнадцать, но, несмотря на это, ему в течение всего лета пришлось истекать потом под палящим солнцем Восточного Техаса. Работа была адова, а тем временем его школьный друг беспечно загорал на ласковых пляжах острова Саут-Пейдр. И все же наставление отца до сих пор звучало в его ушах: «Чтобы быть мужчиной, ты должен вести себя как мужчина».

Вероятно, то же самое можно сказать и о роли лидера.

– Ну ладно, хватит шуршать страницами, – проговорил он, заставив Кэт поднять на него взгляд. А затем обратился к Монку: – Похоже, ты уже в полной мере успел оценить вместимость этого летающего бара.

Монк пожал плечами и вернулся в центральную часть салона.

– Осталось меньше четырех часов лету, – сообщил Грей. Путешествуя на таком самолете со скоростью чуть меньше сверхзвуковой, они должны были совершить посадку в два часа утра по берлинскому времени, уже на исходе ночи. – Поэтому, я полагаю, нам всем нужно немного поспать. Как только мы окажемся на месте, будет уже не до отдыха.

– Меня об этом дважды просить не придется, – откликнулся Монк и широко зевнул.

– Но сначала давайте обменяемся соображениями, уж слишком много всего на нас свалилось.

Грей указал на кресла. Монк шлепнулся в одно из них, а Грей сел рядом, оказавшись по другую сторону столика напротив Кэт.

Монка Грей знал с тех самых времен, как попал в «Сигму», а вот капитан Кэтрин Брайент до сих пор оставалась для него загадкой. Она была настолько погружена в учебу, что практически никто в «Сигме» не знал ее как следует. Про Кэт говорили разное. Например, один из оперативников утверждал, что она – «ходячий компьютер». Поговаривали о том, что Кэт принимала участие в тайных операциях, однако наверняка и тут никто ничего не знал. Объяснялось это тем, что Кэт прежде служила в разведке, потому ее прошлое являлось тайной за семью печатями даже для ее товарищей по «Сигме». Подобная секретность еще больше отдаляла ее и от мужчин, и от женщин, которые проходили службу и получали звание за званием во взводах, ротах и других воинских подразделениях.

Сам Грей также испытывал известное недоверие к прошлому этой женщины. У него были личные причины недолюбливать тех, кто имел хоть какое-то отношение к разведке. Разведчики сторонились всех остальных, работали отчужденно и скрытно, находясь вдалеке от театра военных действий – даже дальше, чем пилоты бомбардировщиков, и все же их деятельность давала результат еще более смертоносный, нежели авиационные бомбы. Некоторой частью крови, которой были обагрены его руки, Грей был обязан недостоверной разведывательной информации, поэтому он не мог избавиться от определенного недоверия к разведчикам.

Грей смотрел на Кэт. В ее зеленых глазах, как и во всем теле, сквозило напряжение. Он отбросил мысли о ее прошлом. В конце концов, теперь они – единая команда.

Он глубоко вздохнул. «Ты – ее командир, – пронеслось у него в голове, – вот и играй свою роль!»

Затем Грей откашлялся. Пришла пора заняться делом. Он поднял палец:

– Итак, первым делом определимся, что нам известно на данный момент.

– Не так много, – констатировал Монк, сидя с непроницаемым лицом.

– Нам известно, – заговорила Кэт все с тем же напряженным выражением, – что преступники каким-то образом связаны с неким тайным обществом под названием Высший имперский орден дракона.

– С таким же успехом можно констатировать, что они связаны с кришнаитами, – возразил Монк. – Эта секта столь же призрачна и неуловима, как сумеречная тень. У нас нет ни намека на то, кто на самом деле стоит за всем этим.

Грей кивнул. Эту информацию им переслали по факсу уже во время полета. Однако гораздо больше его встревожило содержавшееся в том же послании сообщение о нападении на их коллег в Ватикане. Это, по всей видимости, тоже была работа ордена дракона. Но что все это должно означать? На каком театре военных действий окажутся они по прибытии на место назначения? Он нуждался в ответах.

– Давайте попробуем разложить все по полочкам, – произнес Грей и поймал себя на том, что говорит тоном директора Кроу. Двое остальных смотрели на него выжидательно. Грей прочистил горло. – Сначала – главное: средства, мотив и возможности.

– У них была масса разнообразных возможностей, – заговорил Монк. – Они совершили нападение после полуночи. Вроде бы это логично, поскольку в столь поздний час улицы практически пусты. Но с другой стороны, почему они не подождали, пока опустеет и собор?

– Они хотели, чтобы их акция получила общественный резонанс и стала публичной пощечиной католической церкви, – сказала Кэт.

– Мы не можем утверждать это наверняка, – возразил Монк. – Попробуй взглянуть на дело шире. А если это просто ловкость рук, попытка увести следствие в сторону? Ведь после столь кровавого массового убийства основное внимание наверняка будет обращено именно на него, а не на похищение кучки каких-то пыльных костей.

Похоже, его слова не убедили Кэт, но на ее лице вообще было сложно что-либо прочитать. Она, как говорят картежники, играла, прижав карты к груди. Что ж, ее этому учили.

– Итак, – подвел итог Грей, – в настоящее время изучение возможностей не дает нам ключа к пониманию того, кто организовал бойню в соборе. Давайте перейдем к мотиву.

– Зачем похищать кости? – уточнил его мысль Монк и откинулся на спинку кресла. – Может быть, они решили потребовать за них выкуп у католической церкви?

– Нет, – отрицательно мотнула головой Кэт. – Если бы в основе преступления лежала корысть, они прихватили бы и золотой саркофаг. Значит, им были нужны сами мощи. А вот зачем, мы понятия не имеем, поэтому, мне кажется, лучше оставить решение этой загадки нашим партнерам из Ватикана.

Грей нахмурился. Его коробило при мысли о том, что придется работать совместно с Ватиканом – организацией, покоящейся на фундаменте из тайн и религиозных догм. Грей сам был воспитан в духе римско-католического учения, и хотя вера до сих пор жила в его душе, он успел изучить и другие религии и философии: буддизм, даосизм, иудаизм. Грей многое узнал, но так и не смог найти ответ на один вопрос: что, собственно, он пытался найти с помощью этих исследований?

Он тряхнул головой, отгоняя от себя несвоевременные мысли.

– В таком случае сейчас мы временно отложим рассмотрение вопроса о мотивах этого преступления, чтобы рассмотреть его со всех сторон, когда встретимся с нашими коллегами из Ватикана. И тогда у нас остается последний важный вопрос: средства.

– Что снова возвращает нас к обсуждению финансового вопроса, – назидательно поднял палец Монк. – Операция была блестяще спланирована и великолепно осуществлена. Взять хотя бы то, сколько людей приняли участие в ее проведении. Это была весьма дорогостоящая операция. А значит, за похищением костей все же стоят деньги.

– Деньги и некая новая, неизвестная нам пока технология, – добавила Кэт.

Монк кивнул:

– Кстати, а что с этим странным золотом, обнаруженным в облатках для причастия?

– Моноатомное золото, – пробормотала Кэт, и губы ее сжались в тонкую линию.

Грей вспомнил электрод, покрытый слоем золота. В выданных им досье этому странному золоту было посвящено огромное количество страниц с информацией, полученной от ведущих лабораторий по всему миру: «Бритиш аэроспейс», «Аргон нэшнл лэборэтори», корпорации «Боинг», Института Нильса Бора в Копенгагене.

Порошок являлся не просто золотой пылью. Это была принципиально новая форма химического элемента золото, находящегося в так называемом моноатомном состоянии, или м-состоянии. В отличие от привычной формы металла белый порошок представлял собой золото, разложенное на отдельные атомы. До последнего времени ученые не знали о том, что золото способно трансмутировать естественным или искусственным путем, превращаясь в инертный белый порошок.

Но что все это значит на самом деле?

– Ну ладно, – проговорил Грей, – мы все читали досье. Давайте теперь попытаемся выяснить, сможет ли это нас к чему-либо привести.

Первым заговорил Монк:

– Во-первых, мы должны помнить о том, что на подобное способно не одно только золото. Похоже, порошкообразную форму могут принимать и другие переходные металлы из периодической таблицы: платина, родий, иридий и так далее.

– Однако, находясь в порошкообразной форме, эти металлы нерастворимы, – заметила Кэт.

Она смотрела на досье, в котором находились фотокопии статей из журналов «Платинум металз ревью», «Сайентифик Американ» и даже «Джейнс дефенс уикли», издания Министерства обороны Великобритании. Казалось, ей не терпится открыть папку.

– Дезагрегация – вот как это называется, – продолжала она. – Эти металлы, находясь в м-состоянии, разлагаются как на отдельные атомы, так и на микрокластеры. С точки зрения физики металл переходит в подобное состояние, когда разнонаправленные электроны, взаимодействуя друг с другом, создают вокруг ядра каждого атома некое подобие оболочки, в результате чего атомы теряют химическую способность взаимодействовать.

– То есть между ними разрывается взаимосвязь и они начинают существовать каждый сам по себе? – уточнил Монк, в глазах которого плясали смешинки.

– Проще говоря, – со вздохом объяснила Кэт, – отсутствие химического взаимодействия приводит к тому, что элемент теряет признаки металла и переходит в порошкообразное состояние. Этот порошок невозможно идентифицировать с помощью обычного лабораторного оборудования.

– А-а, – промычал Монк.

Грей повернул голову и посмотрел на него мрачным взглядом, но тот лишь шутовски пожал плечами. Грей знал, что его друг придуривается, изображая из себя тупицу.

Не обращая внимания на этот молчаливый обмен жестами, Кэт продолжала говорить:

– Я думаю, что преступники знали об отсутствии химического взаимодействия и были уверены в том, что золотой порошок никогда не будет опознан. Это их вторая ошибка.

– Вторая? – переспросил Монк.

– Они оставили в живых свидетеля, – напомнила Кэт, – молодого человека по имени Джейсон Пендлтон. – Кэт открыла папку. Досье явно неудержимо влекло ее к себе. – Однако вернемся к золоту. Вы читали вот эту бумагу, где говорится о сверхпроводимости?

Грей утвердительно кивнул. Надо было отдать должное Кэт: она сумела вычленить из массы информации самый интригующий и загадочный аспект, связанный с металлами, находящимися в м-состоянии. Даже Монк выпрямился в кресле, весь обратившись в слух.

– Хотя лабораторные анализаторы воспринимают порошок как совершенно инертное вещество, его атомы вовсе не лишены энергии. Просто получается так, что каждый атом берет ту энергию, которую раньше тратил на взаимодействие с соседними атомами, и обращает ее внутрь себя. Эта энергия, изменяя форму ядра атома, делает его удлиненным. Это называется… – Она полистала страницы досье. Грей заметил, что в одной из статей несколько строчек были отмечены желтым маркером. – Атомы с высоким спин-орбитальным взаимодействием. Физикам известно, что такие атомы способны передавать энергию от одного к другому практически без потерь.

– Сверхпроводимость, – констатировал Монк.

– Энергия может проходить через материал, обладающий свойством идеальной сверхпроводимости, вечно, до скончания времен.

Воцарилось молчание. Все трое обдумывали хитросплетение многосложных обстоятельств и нюансов, в котором им предстояло разобраться самым тщательным образом.

Наконец Монк выпрямился и заговорил:

– Отлично! Мы не просто приземлили загадку, но даже низвели ее на атомно-молекулярный уровень. Давайте вернемся немного назад. Что общего все это может иметь с бойней в соборе? Зачем отравлять церковные облатки этим дурацким белым порошком из золота? Каким образом этот порошок убивает?

Это были резонные вопросы. Кэт захлопнула папку, словно давая понять, что в ней не найти ответов.

Грей начал понимать, почему директор дал ему в напарники этих двоих. Не только потому, что один был блестящим специалистом в области судебной медицины, а другая – в точных науках. Кэт обладала способностью концентрировать внимание на мельчайших деталях, замечать такие нюансы, которые не заметил бы никто другой. А Монк, обладая не менее острым умом, был на редкость хорош в другом – охватывать взглядом перспективу, замечать и анализировать те или иные направления и тенденции.

Однако к чему они в итоге пришли?

– Похоже, работы у нас еще непочатый край, – уныло подытожил Грей.

Монк поднял одну бровь:

– Я с самого начала говорил, что у нас нет никаких зацепок и начинать придется с нуля.

– Именно поэтому нас и задействовали в операции – чтобы сделать невозможное. – Грей посмотрел на часы и с трудом сдержал зевок. – А чтобы нам это удалось, мы должны поспать хотя бы те несколько часов, что остались до прилета в Германию.

Двое других кивнули. Грей встал и пересел в кресло неподалеку, Монк взял подушки и пледы и тоже отправился на свое место, а Кэт опустила шторку на иллюминаторе.

Грей следил за ними. Его команда. Его ответственность. «Чтобы быть мужчиной, ты должен вести себя как мужчина».

Он тоже накрылся пледом, но спинку кресла опускать не стал, поскольку, несмотря на усталость, был уверен, что уснуть ему не удастся. Монк выключил верхнее освещение, и салон погрузился в полумрак.

– Доброй ночи, командир, – сказала Кэт.

Его товарищи уже уснули, а Грей все сидел в темноте и размышлял над тем, как судьба занесла его сюда. Время тянулось невыносимо долго, двигатели убаюкивающе гудели, но сон, как и предполагал Грей, все не шел.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда четки с распятием. Дедушка подарил их ему по случаю окончания университета, а через два месяца – умер. Грей тогда находился в тренировочном лагере и не смог приехать на похороны. После сегодняшнего инструктажа у Пейнтера он позвонил родителям и, чтобы они не волновались из-за его отсутствия, соврал им, что его неожиданно посылают в командировку. Впрочем, почему соврал? Отчасти так оно и было. Он снова встал на тропу войны.

Пальцы Грея перебирали бусины четок, но молитв он не читал.

22 часа 24 минуты (местное время)
Лозанна, Швейцария

Замок Соваж угнездился в извилистом горном проходе Савойских Альп подобно каменному великану: зубчатые стены толщиной в три метра и квадратная башня. Единственный вход в замок лежал через узкий каменный мост. Хотя замок был не самым большим в этом швейцарском кантоне, он определенно был самым старым, и его возведение датировалось XII веком. Но корни его уходили еще глубже в историю. Стены замка были построены на руинах древнеримской castra – древнего фортификационного сооружения, датируемого I веком нашей эры.

Это был также самый старый из замков, находящихся в частной собственности, он принадлежал роду Соважей с XV века, когда в период Реформации бернская армия захватила контроль над Лозанной, отбив ее от пришедших в упадок епископов. С его парапета открывался прекрасный вид на раскинувшееся далеко внизу Женевское озеро и город Лозанну, часть которого взобралась на крутой утес. В прошлом рыбацкая деревушка, сейчас Лозанна превратилась в космополитический город расположившихся по берегам озера парков, музеев, курортных зон, клубов и кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.